

ISSN 2949-5121 (PRINT)
ISSN 2949-5148 (ONLINE)

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПРО
СВЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Contemporary Philosophical Research
Souremennye filosofskie issledovaniya

2025 № 3

- К вопросу о функциях философии
- Философские, этические и правовые аспекты трансгуманизма
- Искусственный интеллект и человеческий разум в перспективе глобализации

ISSN 2949-5121 (print)

2025 / № 3

ISSN 2949-5148 (online)

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Философские науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Современные философские исследования» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.7.1 – Онтология и теория познания (философские науки); 5.7.2 – История философии (философские науки); 5.7.6 – Философия науки и техники (философские науки); 5.7.7 – Социальная и политическая философия (философские науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Contemporary Philosophical Research” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 5.7.1. – Ontology and theory of cognition (philosophical sciences); 5.7.2. – The history of philosophy (philosophical sciences); 5.7.6. – The philosophy of science and technology (philosophical sciences); 5.7.7. – Social and political philosophy (philosophical sciences).

ISSN 2949-5121 (print)

2025 / № 3

ISSN 2949-5148 (online)

CONTEMPORARY PHILOSOPHICAL RESEARCH

Учредитель журнала:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Бондарева Я. В. — д-р филос. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Губман Б. Л. — д-р филос. наук, проф., Тверской государственный университет

Ответственный секретарь:

Майкова В. П. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (Мытищинский филиал)

Члены редакционной коллегии:

Беркут В. П. — д-р филос. наук, проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации;

Виноградов А. И. — д-р филос. наук, проф., Мурманский арктический государственный университет;

Евстифеева Е. А. — д-р филос. наук, проф., Тверской государственный технический университет;

Ильин В. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана;

Кондаков А. М. — д-р пед. наук, проф., член-корреспондент Российской академии образования, Институт мобильных образовательных систем (ИМОС);

Костадинович Д. — д-р наук, доц., Университет Ниша (Сербия);

Кравченко В. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный лингвистический университет им. М. Тореза;

Курабцев В. Л. — д-р филос. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Лебедев С. А. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;

Микосиба М. — д-р наук, почётный профессор, Университет Тиба (Япония);

Михалкин Н. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный психолого-педагогический университет;

Синенко В. Я. — д-р пед. наук, проф., академик Российской академии образования, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования;

Янич М. — д-р наук, проф., Университет Ниша (Сербия)

ISSN 2949-5121 (print)

ISSN 2949-5148 (online)

Рецензируемый научный журнал «Современные философские исследования» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по вопросам онтологии и теории познания, истории философии, философии науки и техники, социальной и политической философии.

Журнал адресован преподавателям высшей школы, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами философии.

Журнал «Современные философские исследования» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-73345.

Индекс журнала «Современные философские исследования» по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40724.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте журнала (www.philosmgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Современные философские исследования. — 2025. — № 3. — 142 с.

© Государственный университет просвещения, 2025.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.philosmgou.ru

Founder of the journal:
Federal State University of Education

_____ Issued 4 times a year _____

Editorial board

Editor-in-chief:

Ya. V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Federal State University of Education

Deputy editor-in-chief:

B. L. Gubman – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State University

Executive secretary of the series:

V. P. Maikova – Dr. Sci. (Philosophy), Mytischki Branch of Bauman Moscow State Technical University

Editorial board:

V. P. Berkut – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Peter the Great Military Academy of the Strategic Missile Forces of the Ministry of Defence of the Russian Federation;

A. I. Vinogradov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Murmansk Arctic State University;

E. A. Evstifeeva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State Technical University;

V. V. Ilyin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Bauman Moscow State Technical University;

A. M. Kondakov – Dr. Sci. (Education), Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Mobile Educational Systems;

D. Kostadinović – PhD, Assoc. Prof., University of Niš (Serbia);

V. V. Kravchenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow State Linguistic University;

V. L. Kurabtsev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., State University of Education;

S. A. Lebedev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Lomonosov Moscow State University;

M. Mikoshiba – PhD, Honored Professor, Chiba University (Japan);

N. V. Mikhalkin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow State University of Psychology and Education;

V. Ya. Sinenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Academician of the Russian Academy of Education, Novosibirsk Teachers' Upgrading and Retraining Institute;

M. Janjić – Doctor of Philology, Prof., University of Niš (Serbia)

ISSN 2949-5121 (print)

ISSN 2949-5148 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Contemporary Philosophical Research" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists, including but not limited to ontology, theory of cognition, history of philosophy, philosophy of science and technology, and social and political philosophy.

The journal is addressed to university teachers, doctoral students, postgraduate students, and anyone interested in philosophy.

The journal "Contemporary Philosophical Research" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73345).

The subscription index of "Contemporary Philosophical Research" is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.philosmgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Contemporary Philosophical Research. – 2025. – No. 3. – 142 p.

© Federal State University of Education, 2025.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

Phone: +7 (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

sites: www.philosmgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

- Чащин Е. В.* Особенности реализации философских концепций среднего уровня в педагогическом процессе 6

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

- Гусейнов Ф. И.* Г. Марсель: ответственность философа 16
- Малягин В. В.* Проблематика информационного человека и общества в контексте концепции универсального эволюционизма Н. Н. Моисеева 24
- Уян.* «Свобода» и «сверхчеловек»: сравнительный взгляд на жизненные идеалы в китайской и западной философии 35

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

- Бондарева Я. В., Колесниченко Ю. В., Костадинович Д.* On the Functions of Philosophy ... 45

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Алёхина Е. В., Каргин Н. Н.* Искусственный интеллект и человеческий разум в перспективе глобализации 58
- Афанасьева М. А.* Глобальное религиозное сознание: определение и основные характеристики 73
- Горбунов А. С.* Искусственный интеллект и влияние на личность в среде массовой коммуникации 84
- Гришатова Ю. Л., Смирнова Е. В.* Внедрение искусственного интеллекта в социальные и культурные практики: возможности и проблемы, сферы и границы применения 91
- Ивлева М. Л., Романов Д. Д., Баграмянц Н. Л.* The Anthropology of Tragedy: Oedipus the Knower 102
- Майкова В. П., Молчан Э. М.* Социально-философский анализ ценностных ориентаций университетов 114
- Юсупов Р. Р.* Причины и последствия девиантного поведения среди несовершеннолетних 124
- Яровая Е. В.* Философские, этические и правовые аспекты трансгуманизма 134

CONTENTS

ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

E. Chashin. Realization Features of Middle Level Philosophical Concepts
in the Pedagogical Process 6

HISTORY OF PHILOSOPHY

F. Guseynov. G. Marcel: Philosopher’s Responsibility 16
V. Malyagin. The Problems of Information Men and Society in the Context
of N. N. Moiseev’s Universal Evolutionism 24
Yang Wu. “Serenity” and “Superman”: Comparative View on the Life Ideals in Chinese
and Western Philosophy. 35

PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Ya. Bondareva, Yu. Kolesnichenko, D. Kostadinovic. On the Functions of Philosophy 45

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

E. Alekhina, N. Kargin. Artificial Intelligence and Human Intelligence
in the Globalization Perspective. 58
M. Afanasyeva. Global Religious Consciousness: Definition and Main Features 73
A. Gorbunov. Artificial Intelligence and Influence on Personality in the Mass Communication
Environment 84
Yu. Grishatova, E. Smirnova. Artificial Intelligence Integration into Social
and Cultural Practices: Opportunities and Challenges, Application Areas and Boundaries . . . 91
M. Ivleva, D. Romanov, N. Bagramyants. The Anthropology of Tragedy:
Oedipus the Knower 102
V. Maikova, E. Molchan. Socio-Philosophical Analysis of Universities’ Value Orientations . . 114
R. Iusupov (2025). Causes and Consequences of Deviant Behavior Among Minors. 124
E. Iarovaia. Philosophical, Ethical, and Legal Aspects of Transhumanism 134

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Научная статья

УДК 101.1:316

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-2-6-15

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЙ СРЕДНЕГО УРОВНЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Чашин Е. В.

*Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Волжский государственный университет водного транспорта (филиал), г. Пермь, Российская Федерация
e-mail: chashin86@mail.ru*

Поступила в редакцию 27.03.2025

После доработки 18.04.2025

Принята к публикации 30.04.2025

Аннотация

Цель. Осмысление использования передовых философских методик, в частности компаративистского подхода, в учебном процессе. Одним из главных достижений внедрения данной методологии становится формирование у обучающихся навыков осуществления конструктивной рефлексии за счёт поэтапного культивирования у них мировоззренческого, философского и критического мышления, что становится возможным именно в русле философских концепций среднего уровня.

Процедура и методы. В процессе проведения исследования был осуществлён анализ условий формирования критического мышления, основы которого закладываются у личности благодаря изначальному конструктивному влиянию на неё со стороны окружения, например семьи.

Результаты. Проведённый анализ показал, что для повышения эффективности и достижения полноты раскрытия потенциала данной ментальности до её актуализации важно осуществить формирование философского и мировоззренческого стилей.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложена выработка нового подхода в образовании, позволяющего развить у обучающихся конструктивную рефлексия.

Ключевые слова: компаративистский подход, критический стиль мышления, мировоззренческий стиль мышления, рефлексия, средней уровень, философский стиль мышления

Для цитирования:

Чашин Е. В. Особенности реализации философских концепций среднего уровня в педагогическом процессе // Современные философские исследования. 2025. № 3. С. 6–15. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-6-15>.

Original research article

REALIZATION FEATURES OF MIDDLE LEVEL PHILOSOPHICAL CONCEPTS IN THE PEDAGOGICAL PROCESS

E. Chashin

*Perm Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Volga State University of Water Transport (branch), Perm, Russian Federation
e-mail: chashin86@mail.ru*

Received by the editorial office 27.03.2025

Revised by the author 18.04.2025

Accepted for publication 30.04.2025

Abstract

Aim. To comprehend how advanced philosophical methodologies, particularly the comparativist approach, can be used in the educational process. One of the main achievements of implementing this methodology is the formation of students' skills of constructive reflection through the gradual cultivation of worldview, philosophical and critical thinking, which becomes possible precisely in the context of middle-level philosophical concepts.

Methodology. In the process of conducting the research, the conditions of formation of critical thinking were analyzed, the foundations of which were laid in the individual due to the initial constructive influence on it by the environment, for example, the family.

Results. The analysis has shown that implementation the formation of philosophical and attitudinal styles to increase the effectiveness and achieve the full disclosure of the potential of this mentality before its actualization.

Research implications. The development of a new approach in education is proposed to solve the problem of introducing philosophical methodologies.

Keywords: comparative approach, critical thinking style, worldview thinking style, reflection, middle level, philosophical thinking style

For citation:

Chashin, E. V. (2025). Realization Features of Middle Level Philosophical Concepts in the Pedagogical Process. In: *Contemporary Philosophical Research*, 3, 6–15. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-6-15>.

Введение

Актуальная историческая ситуация, выражающаяся в существовании общества неопределённости и трансформации человеческой идентичности [1, с. 17], требует кардинальных ценностно-целевых перемен в общественном мировоззрении, заключающихся в культурной реорганизации многочисленных социальных феноменов и переосмыслении связанных с ними процессов. Сфера образования всех форм и уровней от дошкольного до профессиональной переподготовки в этом контексте приобретает приоритетное значение, поскольку именно с неё начинаются любые преобразования, если их цель заключается в достижении устойчивости и фундаментальности инициируемых изменений. Последние, в свою очередь, должны иметь возможность оперативного выхода на практику, если затрагивают именно педагогический процесс. При этом в данном случае важно сказать не только о потенциальной методологической поддержке,

которая в ближайшем будущем станет оказываться преподавателям со стороны передовых технологий, таких как нейронные сети. Например, педагог проводит занятие – читает лекцию, а сложные технические средства разными приёмами записывают её содержание для составления отчёта, что поспособствует значительному снижению рисков в виде возможных административных ошибок при осуществлении надзорной работы. Трансформации, необходимость в которых назрела, охватят и структурную, и содержательную части образовательного процесса. Фактически речь идёт о формировании нового подхода, призванного решить проблему диспропорции между социальными требованиями к профессиональной подготовке кадров и возможностями для её реализации, имеющимися у учебных заведений. Сейчас в большинстве случаев это оборачивается противоречием между частным (потенциалом конкретного человека и образовательной организации) и общим (влия-

нием нормативных актов, регулирующих работу учреждений сферы просвещения, государственных стандартов), снятие которого связывается с многосторонней рефлексией по отношению к усваиваемым знаниям. Ведь таким образом осуществляется достижение баланса между развитием широты кругозора и формированием у обучающихся компетенций, необходимых для осуществления ими трудовой деятельности. Данный подход становится очень востребованным в том случае, когда конечной целью его применения становится генерация нового алгоритма организации педагогического процесса, соответствующего реалиям времени именно в контексте необходимости защиты интересов и обучающегося, и государства. При достижении данной цели приоритетом становятся методики использования компаративистской модели в образовании, обуславливающей устойчивое соединение различных наборов знаний, конвергирующих в контексте существующей или потенциально возможной когорты учебных предметов, осваиваемых обучающимися в настоящий момент. Кроме того, важным достижением, получаемым молодым поколением, в этом случае оказывается сформированное философское видение реальности (чаще всего новое по отношению к предшествующему опыту, но имеющее полезный потенциал). Культивирование данной ценностно-целевой парадигмы в перспективе предоставит возможность для совершенствования существующей компетентностной системы построения образовательного процесса посредством установления более транспарентных и устойчивых связей между дисциплинами в русле комплексного восприятия окружающего мира учеником. Ключевым фактором для воплощения в жизнь рассматриваемого подхода становится соответствие конкретному педагогическому случаю характера коммуникации между учителем и учениками. Каждый из участников возникающего диалога при этом проявляет себя в качестве самодостаточного и самооценного субъекта, имеющего приоритет-

ное право на получение и передачу знаний, равно как и обременённого ответственностью по отношению к поддержанию своего физического и психического здоровья.

Применение в образовании философских концепций среднего уровня

В контексте рассматриваемого вопроса стоит обозначить важный содержательный момент данного исследования в целом. Создаваемая в его проблемном поле модель не способна ассоциироваться ни с классическим, ни с неклассическим философским теоретизированием. В частности, необходимость этого уточнения возникает при рассмотрении феномена идеологии как совокупности ценностно-целевых ориентиров той или иной социальной общности, а не в политико-правовом объяснении данного явления. Концепции среднего уровня складываются как синтез философии и междисциплинарных знаний. Чаще всего это происходит на базе сопряжения рубежных элементов различных социальных и гуманитарных наук, в особенности педагогики и психологии, осмысляемых в комплексной форме философией, опирающейся на теорию среднего уровня. В результате возникает специфическое мировоззрение, опирающееся на интеграционные основания каждой из принявших участие в его формировании отраслей знания. В конечном счёте в создании целостной научно-педагогической теории, источником которой является философия и её виденье мира, принимают участие почти все многогранные отрасли формализованного идеального, выстраиваемые в виде особой структуры знаний. Для последней, имеющей, выражаясь языком топологии, полигональную природу связей, т. е. без внутренних «перекрытий» и «разрывов», важно не только иметь устойчивую связь с практикой, но и сохранять единство применяемой методологии. Такая модель, в свою очередь, как раз и не может быть вписана в контуры как классической, так и неклассической философской теории. Развитие же

философских концепций среднего уровня, если исходить из данных, полученных на основе анализа применяемых ими на практике установок [2, с. 15], даёт возможность зафиксировать формирующееся в результате синхронизации всех участвующих в данном процессе категорий знаний их синергетическое взаимовлияние на порождение особого мировоззрения. Задачей этого нового комплекса становится интеграция теоретико-методологических баз, созданных данными дисциплинами в ходе их научных изысканий, в едином образовательном контексте. Необходимо, чтобы данный процесс и шёл в русле гносеологии, и одновременно с этим предполагал применение компонентов философской пропедевтики, необходимой для дальнейшего более глубокого изучения рассматриваемого проблемного поля. В конечном счёте это позволяет осуществить транспозицию от общего к среднему теоретическому уровню. Реализация в реальной исторической ситуации философских концепций среднего уровня заключается в перманентной реинтерпретации классического и неклассического теоретического осмысления, а также в синтезе достигнутых ими результатов в контексте ответа на насущные вызовы, появляющиеся в ходе реализации возможностей как отдельно взятой личности, так и всего социума. С точки зрения акторов данной доктрины – исследователей, чьи позиции наиболее полно раскрывают её сущность (Е. М. Калашникова, М. Ф. Черныш, Е. В. Золотухина-Аболина), любой инновационный философско-информационный контент возникает абсолютно из разнообразных источников, зачастую с помощью оригинальных, не имеющих аналогов методов [3]. После процедуры верификации полученное знание становится частью сферы фундаментального мироописания как способа выразить субъективный взгляд человека на реальность в русле научного видения проблемы, отражающего при этом компоненты как личностной оценки, так и ценностных ориентиров исследовательского сообщества. В качестве примера можно привести формы

«явного» и «неявного» знания, представленные в философии Майкла Полани [4, с. 193–247]. Майкл Полани рассматривает существование обоих данных компонентов познания, одновременно зависимых и от объективного, и от субъективного аспекта информационного обмена, в одинаковой степени определяющих потенциал личности к соответствующему реальному видению мира. В любом случае реинтерпретация набора информации, проникнувшей в философию из педагогики, психологии, истории и других наук, позволяет как расширить возможности теории среднего уровня, так и обеспечить значительную помощь в нахождении ответов на вопросы, сформулированные практикой, например, из системы меняющегося образования. Наибольшую результативность в этом контексте проявляет объединение компаративистского похода, описывающего содержательную наполненность, и системного, обеспечивающего формальную часть работы, выработку новой педагогической модели. Такой симбиоз даёт возможность создать актуальную и методологически оправданную гармонию между компонентами общего и единичного в восприятии человека внутри осуществляющегося образовательного процесса. Соблюдение подобного баланса становится необходимым обстоятельством при обмене ценными и оригинальными знаниями в русле существующего состояния неопределённости, наличия бесконечных суперпозиций истины и лжи. Последнее наиболее характерно для синтеза информационного контента, предоставленного различными науками, из разных источников с целью формирования объединённых комплексов понятий и междисциплинарных теорий.

Формирование новой ментальности

Понимание нюансов в генезисе философского мышления у обучающихся превращается в ещё одну важную задачу для акторов, действующих в фарватере теории среднего уровня (Е. М. Калашникова,

М. Ф. Черныш, Е. В. Золотухина-Аболина). Мировосприятие социализирующейся личности складывается под влиянием целого ряда наук об обществе и человеке благодаря самоотверженному труду педагогов, стремящихся всеми силами сформировать ментальность, отвечающую вызовам времени. Одним из таких исследователей и практиков в области образования является Е. В. Золотухина-Аболина. Ею был сформулирован набор педагогических приёмов, с помощью которых личность с юного возраста начинает мыслить в русле философского видения реальности. Разумеется, это не означает, что любой обучающийся в результате превращается в эксперта в области позитивизма или экзистенциализма, но это и не является задачей педагога-исследователя, руководствующегося методиками Золотухиной-Аболиной: «мудрости как таковой научить нельзя (она или есть, или нет), а философии – можно» [5, с. 6]. Поддержку в реализации подобных педагогических проектов даёт разумное использование компаративистского подхода. С помощью последнего благодаря разноаспектному сопоставлению и системному сравнению индивидуальных установок в мировосприятии субъекта с примерами международного социоментального наследия осуществляется генезис фундамента познания для последующего расширенного и более качественного осмысления реальности на уровне сложных абстракций. Особенно эффективно компаративистский подход проявляет себя в работе с молодыми людьми, обладающими повышенной психоэмоциональной лабильностью, склонными постоянно менять своё мнение, поскольку это позволяет лучше идентифицировать себя и находить своё место в социальной общности. Показательным в этом случае будет процесс, при котором детское мышление таких людей, обладающее зачастую иррациональным фантастическим восприятием реальности, постепенно обретает черты философского. Это происходит в ходе смены некоторых ментальных типов в комплексе их мышления на те, что ори-

ентированы на рефлекссию. Здесь от преподавателя требуется избрать наиболее эффективный путь по транспонированию накопленного опыта в контексте личностно-общностного взаимодействия. Иначе говоря, ему необходимо обеспечить смысловую наполненность своих высказываний так, чтобы она не противоречила сформировавшейся внутригрупповой идеологии взаимодействующих с ним обучающихся. Уместное использование компаративистского подхода становится важной задачей при модернизации методик педагогической работы во многих организациях просветительского профиля. В средних и средне-профессиональных учебных заведениях такая деятельность оказывается связанной со взаимодействием между различными преподаваемыми дисциплинами, т. е. системным усвоением знаний в контексте интеграции, например, курсов обществознания, истории и литературы, или же химии, физики и биологии, либо технологии, математики и информатики. Кроме того, существует вероятность и особых методических случаев, при которых возникает потребность в интеграции действий педагогов всего спектра образовательных направлений для комплексной и всеаспектной ретрансляции умений и навыков обучающимся. Причиной является то, что интегрированная информация, в которой существует потребность для точного осмысления реальности в период всемирных изменений и доминирования состояния неопределённости в виде основной формы существования в мире, создаётся исключительно внутри базовых установок мировоззренческого комплекса. В то же время есть и противоположная обусловленность, выражающаяся в том, что лишь целостное познание субъекта способно обеспечивать ему развитие сознания на мировоззренческом уровне. В результате коллаборация учебных дисциплин становится значимым элементом методики при осуществлении педагогической практики, актуальной в разрезе глобальных социальных изменений. Примером прикладной реализации данного подхода является постепенное за-

мещение классических оперативных методических встреч проведением научно-педагогических симпозиумов, ориентированных на профиль той или иной образовательной организации. Основной задачей подобного формата работы является обеспечение взаимодействия среди преподавателей для формирования единого направления в обучении молодёжи. Каждое учебное заведение при этом исходит из своей специфики как формализованной социальной общности в контексте собственной социальной идеологии. Эта социальная идеология в дальнейшем обогащается ценностно-целевыми установками конкретного ученика, а также наполняет их новым содержанием, становясь частью его мировоззрения и после завершения им обучения. В результате комплексное взаимодействие между учителями, психологами и специалистами по методическому обеспечению превращается не просто в разработку корректных учебных планов, но в создание основ для формирования у учеников мышления, адекватного историческим обстоятельствам. Примером подобной ментальности, важной для разрешения противоречий между человеком и природой, является экологическое сознание [6, с. 122], культивирование которого в рамках педагогического процесса обретает аспекты критичности. Последняя проявляется в систематичности и научности осваиваемой информации, практической проверке полученных данных. Часть учебных заведений уже имеет требуемые для развития экологического сознания методики, однако локальность их применения и слабая интеграция в программы не позволяют говорить о высокой результативности данных образцов педагогического творчества. Внедрение связанных с ними приёмов, позволяющих рассматривать мир в комплексе, разумно обеспечивать ещё на уровне начального или среднего образования. Иными словами, значимость компаративистского подхода, реализующегося в систематизации различных методик обучения в русле коллаборации гуманитарных,

естественнонаучных или технических школьных (а затем и вузовских) предметов, заметно вырастает. В результате благодаря его использованию усиливается развитие возможностей системного анализа приобретаемых субъектом знаний, которые затем становятся основой философского стиля мышления. Значимость последнего заключается в адекватной вызову времени способности к обобщению. Например, студент-математик после развития у него такой ментальности смог выстроить логические переходы между физической, химической, биологической и социальной реальностями, что позволило ему не только сформировать целостную картину мира, но и решить ряд прикладных задач по своему профилю (математическое моделирование). Более того, возможность многофакторного сопоставления приобретаемого контента, на что ориентирован компаративистский подход, совпадает с актуальной универсальной ориентацией социального познания. При этом именно философская ментальность в учебном процессе практически функционально неотделима от критического стиля. Дело в том, что вместе они создают интеграцию, актуализирующуюся в трёх аспектах, соответствующих ключевым для рассматриваемой образовательной модели стилям мышления – философскому, мировоззренческому и критическому. Каждый из них обеспечивает для личности возможность определения собственных жизненных целей. Важным фактором генезиса новой ментальности у молодых людей становится выдерживание порядка актуализации каждого из этих стилей мышления на базе аутентичного специфического комплекса его типов. Например, для начала функционирования мировоззренческой ментальности необходимо влияние семьи или других узких камерных социальных групп, действующих сообща с учебными учреждениями. Здесь большое значение играет специфика воздействия многообразной информации на уникального в плане особенностей её усвоения субъекта в русле того учебного плана,

по которому проходит его обучение. В том же контексте следует учитывать и интеграцию элементов общего образовательного пространства для всех изучаемых предметов. Каждый из них раскрывает перед обучающимся свою область реальности в рамках единого мировосприятия, соответствующего при этом уникальным целям личности, в рамках реинтерпретированной с опорой на специфические социально-идеологические ориентиры, проистекающие из установок, первично-определённых субкультурой той общности, к которой она себя относит. Впоследствии мировоззренческий стиль ментальности, став частью сознания субъекта, превращается для него в основу для осуществления агрегированного осмысления действительности.

Далее происходит формирование философской ментальности. Последней в значительном объёме владеет гораздо меньшее число людей. Необходимо ограничить его достаточно сложный уровень с тем, что располагается на первичной ступени формирования, при этом также относясь к этому стилю. Это мышление часто обозначают как «житейскую философию». С формальной точки зрения основное содержание мировоззрения каждого человека, отражающее в себе весь объём ключевых ориентиров его существования, является отражением данного феномена. Большая часть людей, в ходе приобщения к жизненным ориентирам общественной среды получающих способность чётко и доказательно выражать своё мнение по той или иной проблеме, превращается в акторов первичной ступени философской ментальности. В то же время лица, проявившие усердие в саморазвитии или получившие плодотворный посыл со стороны среды, культивируют у себя качества, требуемые для последующего совершенствования этого мышления. Они способны к целостному и комплексному осмыслению всех происходящих вокруг них процессов. Различие между философской и мировоззренческой ментальностью заключается в том, что первая складывается чаще всего в

результате плодотворного влияния среды на личность, способствующего формированию у последней тех базовых навыков, которые обеспечивают развитие способностей к логическому синтезу и абстрагированию. Вторая же отвечает за комплексное восприятие реальности. Во многих государствах существуют свои методики развития принципов такого мышления. Более того, классический подход к образованию, существующий во многих странах на различных ступенях обучения, опираясь на большой потенциал данного стиля, приобретающего черты методологического принципа, пользуется им для достижения специфических частных или расширенных педагогических целей. Утверждение, что «философское мышление – это прежде всего выделение наиболее важного из бесконечно разнообразных явлений, окружающих нас» [7, с. 954], становится своеобразным трендом для большинства учебных заведений, ориентированных на вызовы современной исторической ситуации. Это особенно характерно для стран, наиболее вовлечённых в процесс социально-экономических трансформаций. В различных вариациях, учитывающих этнические различия национальных социальных общностей, данный ориентир, сформированный ещё в советское время, сохранился не только как довольно известный, но и как результативный метод обеспечения распространения этой ментальности в образовательной среде. Тем не менее повышение логической, методической и методологической грамотности в русле педагогического процесса, основанного на компаративистском подходе, позволяет достичь на их пересечении формирования философского мышления, раскрывающего дополнительный потенциал у учеников. Например, с его помощью личность воспринимает глубинные основания рассматриваемых ею комплексных тенденций благодаря первичной организации различных по своему наполнению конгломератов информации, участвующих в развитии её аналитических возможностей. Данная способность демонстрируется учащимися

в случае идентификации скрытых взаимобусловленностей тех или иных предметов или феноменов. Вместе с тем, расширенная философская ментальность предполагает работу с элементами неопределённости, которые проявляют себя, например, в широте взглядов на методологию разрешения тех или иных противоречий, нахождение адекватного ответа на сложный вопрос, собственной независимой оценки тех или иных событий. Обладая определённой степенью автономности от мировоззренческого стиля ментальности, ввиду несистемности мышления как феномена философский в то же время продолжает быть основой для уникальной социальной идеологии, присущей личности внутри сообщества. В ходе изменений, происходящих с субъектом, трансформируется и данная грань его мышления, хотя фреймы как единые клише для интерпретации получаемых знаний продолжают быть функциональными в процессе всего творческого развития индивидуума в рамках среды. Данное обстоятельство даёт возможность воспринимать философскую ментальность как универсальную в ключе перспектив его использования без привязки к конкретному времени, месту и обстоятельствам. Личностно-общностное взаимодействие, требующее от индивидуума комплексного восприятия реальности через призму установок социальной общности, входящих в резонанс с его персональными убеждениями, подталкивает его к проведению отбора мнений окружающих его людей. В результате начинает развиваться критический стиль ментальности. Данное мышление предполагает идентификацию заблуждений и разрывов между фактами в контексте получаемой им информации, которые могли бы указывать на её ложность либо присутствие опасных элементов в установках лица, доносящего данный контент до аудитории. Вместе с тем происходит анализ ценности той или иной информации для конкретного момента времени. Критический стиль ментальности даёт возможность осуществлять анализ контента актором, который как бы является и участ-

ником событий, и тем, кто способен увидеть их со стороны, т. е. осуществить рефлексию над рефлексией. Данное мышление позволяет компаративистскому подходу максимально широко продемонстрировать свои возможности. Следует признать, что именно критический стиль становится способом противостояния деструктивным морально-психологическим феноменам неопределённости, позволяя личности преодолевать различные кризисы идентификации. Кроме того, он позволяет интегрировать ценную информацию, вычленив её из всего контента, производя ревизию и комплексный анализ исходя из новых последовательностей событий в русле ранее заложенных социально-идеологических ориентиров субъекта. При этом отсутствие готовых алгоритмов решения возникшего противоречия не становится для критического стиля ментальности, использующего компаративистский подход, существенной проблемой. Применение прошлого опыта как базы для генерации специфической последовательности шагов позволяет находить нестандартные и эффективные решения. Таким образом, критическое мышление превращается в итоговую часть обобщённой последовательности компонентов познания. Она представляет собой цепь из объединённых знаний, являющихся достоянием субъекта, особенного содержания, необходимого для решения конкретной проблемы, сгенерированного единичного алгоритма для её анализа и декларации готового ответа в рамках эксклюзивного пространственно-временного момента. Значит, и само критическое мышление интерпретируется в русле немного другого, отходящего от классического понимания его как свободного, «главным условием которого является самостоятельность» [8, с. 23], либо в качестве творческого, направленного на получение актуальных знаний. Говоря о методике развития у молодых людей критического стиля ментальности, можно заметить в ней признаки незавершённости, проявляющиеся в образовательном процессе. Если допустить, что «данная техно-

логия направлена на развитие у студентов способности овладевать различными способами интегрирования информации, вырабатывать собственное мнение, идеи и представления, строить умозаключения и логические цепочки, выражать свои мысли ясно, уверенно и корректно по отношению к окружающим» [9, с. 348], логичным кажется включение дополнительного компонента, без которого достижение указанных задач оказывается недостаточно эффективным. Им становится рефлексивность, взаимодействующая с различными сторонами идентичности внутри ментального акта. Критический стиль обеспечивает селекцию приобретаемого контента посредством различных способов верификации, среди которых финальным этапом становится собственное, присущее только конкретному человеку его «я». Для актуализации последнего необходимо влияние мировоззренческой ментальности.

Заключение

В результате мировоззренческое, философское, критическое мышление вместе формируют единство, не являющееся при этом системой. Каждый из этих стилей, присущих развитому мировоззренческому комплексу, взаимодействует с другими опосредованно, чаще всего с помощью практики. Иными словами, их единство возникает в то мгновение, когда личность находит ответ на поставленный перед ней вопрос. Все стили в данный момент решают свои задачи, хотя при других обсто-

ятельствах они не соприкасаются друг с другом, существуя в виде чистых клише, не обогащённых смысловой нагруженностью. Что опять же логично, т. к. любая мысль всегда обладает свойством предметности и целенаправленности. Если же конкретного конечного таргетированного ориентира не существует, то сам акт мышления оказывается не осуществимым по причине пустоты и бессодержательности. Находя решение противоречия, актуального для того или иного яруса познания, все стили мышления производят селекцию источников, обстоятельств, различных других сопутствующих ему факторов, добываясь наибольшей эффективности. Состояние неопределённости регулярно «обеспечивает» молодых носителей новой ментальности неизвестными им ранее парадоксами. Большинство из последних обусловлено поиском идентичности субъекта в рамках актуальных жизненных реалий, в том числе не отвечающих его внутренним потребностям педагогической модели. Однако она становится способом борьбы с негативными факторами «общества рисков» [10], если обеспечит конструктивное выполнение задачи по формированию нового адаптивного сознания у обучающихся. Углубление познания через преодоление существующих в настоящее время его границ и активное использование философских концепций среднего уровня в научных и учебных процессах позволяют не только объяснить, но и преобразовать действующую систему образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калашникова Е. М. Кризис идентичности и исследование культуры самосознания современного человека // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Философия и социология, культурология. 2014. № 11. С. 14–18.
2. Калашникова Е. М. Идентичность человека в обществе риска // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Философия и социология, культурология. 2012. № 4. С. 14–17.
3. Черныш М. Ф. Теория среднего уровня: ренессанс или забвение? // Гуманитарий Юга России. 2020. № 4. С. 15–25. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.4.1.
4. Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
5. Золотухина-Аболина Е. В. Страна Философия: путешествие для юных и взрослых. М.: Директ-Медиа, 2014. 623 с.
6. Лапина В. В. Экологическое сознание как основа формирования экологического общества // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. Вып. 13. Т. 1. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2021. С. 119–123.

7. Шамсутдинова Н. Д., Хайтметов Р. К. Роль философского мышления в начальном образовании // Перспективы подготовки международных специалистов в области транспорта: сборник статей Первой международной научно-практической конференции (Ташкент, 21–22 апреля 2022 г.). Т. 3. Ташкент: Ташкентский государственный транспортный университет, 2022. С. 954–956.
8. Якунина Н. А. Критическое мышление: аналитическое осмысление понятия // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2019. Т. 18. № 4 (42). С. 21–26. DOI: 10.20310/1810-231X-2019-18-4(42)-21-26.
9. Ломакина А. Ю. Современные подходы к понятию критического мышления // Язык и культура: сборник статей XXIX Международной научной конференции, Томск, 16–18 октября 2018 г. Ч. 2. Томск: Томский государственный университет, 2019. С. 344–349.
10. Столярова К. Н. Общество риска: тупики и проблемы // Молодой учёный. 2020. № 23 (313). С. 715–717.

REFERENCES

1. Kalashnikova, E. M. (2014). Identity Crisis and the Study of the Culture of Self-Awareness of Modern Man. In: *Bulletin of Vyatka State Humanitarian University. Philosophy and Sociology, Cultural Studies*, 11, 14–18 (in Russ.).
2. Kalashnikova, E. M. (2012). Human Identity in a Risk Society. In: *Bulletin of Vyatka State Humanitarian University. Philosophy and Sociology, Cultural Studies*, 4, 14–17 (in Russ.).
3. Chernysh, M. F. (2020). Middle-Range Theory: Renaissance or Oblivion? In: *Humanities of the South of Russia*, 4, 15–25. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.4.1 (in Russ.).
4. Polanyi, M. (1985). *Personal Knowledge: Towards Postcritical Philosophy*. Moscow: Progress publ. (in Russ.).
5. Zolotukhina-Abolina, E. V. (2014). *Country Philosophy: Journey for Youth and Adults*. Moscow: Direct-Media publ. (in Russ.).
6. Lapina, V. V. (2021). Ecological Consciousness as a Basis for the Formation of an Ecological Society. In: *Sociology in the Modern World: Science, Education, Creativity. Iss. 13. Vol. 1*. Barnaul: Altay State University publ., pp. 119–123 (in Russ.).
7. Shamsutdinova, N. D. & Khaitmetov, R. K. (2022). The Role of Philosophical Thinking in Primary Education. In: *Prospects for Training International Specialists in the Field of Transport: Collection of Articles from the First International Scientific and Practical Conference (Tashkent, April 21–22, 2022)*. Vol. 3. Tashkent: Tashkent State Transport University publ., pp. 954–956 (in Russ.).
8. Yakunina, N. A. (2019). Critical Thinking: Analytical Understanding of the Concept. In: *Gaudeamus*, 18 (4), 21–26. DOI: 10.20310/1810-231X-2019-18-4(42)-21-26 (in Russ.).
9. Lomakina, A. Yu. (2019). Modern Approaches to the Concept of Critical Thinking. In: *Language and Culture: Collection of Articles from the XXIX International Scientific Conference, Tomsk, October 16–18, 2018. Pt. 2*. Tomsk: Tomsk State University publ., pp. 344–349 (in Russ.).
10. Stolyarova, K. N. (2020). Risk Society: Dead Ends and Problems. In: *Young Scientist*, 23 (313), 715–717 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чащин Елисей Владимирович (г. Пермь) – кандидат философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Пермского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации, филиала Волжского государственного университета водного транспорта;
e-mail: chashin86@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elisey V. Chashin (Perm) – Cand. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Humanitarian and Social Sciences, Perm Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Volga State University of Water Transport (branch);
e-mail: chashin86@mail.ru

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья

УДК101.1

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-3-16-23

Г. МАРСЕЛЬ: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ФИЛОСОФА

Гусейнов Ф. И.

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, г. Москва,

Российская Федерация

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Российская Федерация

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская

Федерация

Поступила в редакцию 09.05.2025

После доработки 18.05.2025

Принята к публикации 23.05.2025

Аннотация

Цель. Выявить и систематизировать комплекс идей французского философа Габриэля Марселя об ответственности философа в современную эпоху.

Процедура и методы. На основе системного, структурного и сравнительного методов интегрального анализа оригинальных текстов проанализирован комплекс идей Марселя и представлена в систематическом виде концепция ответственности современного философа.

Результаты. Выявлен концепт ответственности философа в рамках этики философа в условиях постмодерна с позиций экзистенциальной философии Габриэля Марселя.

Теоретическая и/или практическая значимость. Экзистенциальный анализ конкретизирует этические требования, предъявляемые к философской деятельности.

Ключевые слова: Габриэль Марсель, миссия философии, ответственность философа, экзистенциальный анализ, экзистенция

Для цитирования:

Гусейнов Ф. И. Г. Марсель: ответственность философа // Современные философские исследования. 2025. № 3. С. 16–23. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-16-23>.

Original research article

G. MARCEL: PHILOSOPHER'S RESPONSIBILITY

F. Guseynov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

e-mail: metafizika@mail.ru

Received by the editorial office 09.05.2025

Revised by the author 18.05.2025

Accepted for publication 23.05.2025

© CC BY Гусейнов Ф. И., 2025.

Abstract

Aim. To identify and systematize a set of ideas of the French philosopher Gabriel Marcel about the philosophers' responsibility in the modern era.

Methodology. Based on systematic, structural and comparative methods of integral analysis of original texts, both the analysis of Marcel's ideas and presentation the modern philosophers' concept of responsibility in its systematic form have been compiled.

Results. The concept of philosophers' responsibility based on Gabriel Marcel's existential philosophy within the framework of the philosopher's ethics in the conditions of Postmodernity is revealed.

Research implications. The compiled existential analysis concretizes ethical requirements for philosophical activity.

Keywords: Gabriel Marcel, the mission of philosophy, the responsibility of the philosopher, existential analysis, existence

For citation:

Guseynov, F. I. (2025). G. Marcel: Philosopher's Responsibility. In: *Contemporary Philosophical Research*, 3, pp. 16–23. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-16-23>.

Введение

Среди многих наук, наверное, нет такой другой, где время от времени не поднимался бы вопрос о том, что представляет её предмет и чем должны заниматься представители данной дисциплины. Между тем в философии, которая от античной Греции насчитывает более двух с половиной тысяч лет своего существования, подобная ситуация возникает периодически. Каждый серьёзный мыслитель старается внести свою лепту в данный процесс, но мы не ставим задачей углубляться в эту тему и ограничимся только парой примеров из XX в. Так, Хайдеггеру принадлежит речь «Что такое метафизика?», которую он произнёс при вступлении в должность профессора после Гуссерля в 1929 г. во Фрайбургском университете. Тогда, в первой трети XX в., Хайдеггер (1889–1976) утверждал, что философия, чьё дело вопрос о бытии, есть «приведение в движение метафизики» [1, с. 26]. После двух мировых войн, в конце XX в., Ж. Делёз и Ф. Гваттари образуют плодотворный философский тандем и в своей последней совместной книге «Что такое философия?» (1991) выдвигают тезис, согласно которому философия должна заниматься «творчеством концептов» [2, с. 14]. Лепту в обсуждение данной тематики также внёс французский экзистенциальный философ Габриэль Марсель (1889–1973), чьи взгляды мы рассмотрим в настоящей статье.

Размышляя над вопросом о том, что такое философия и чем занимаются философы, Марсель утверждает, что совершают ошибку те, кто редуцирует философию до статуса стандартной научной дисциплины. Философия – это не просто наука среди других наук, не просто профессия среди других профессий. Философия – это особая социально значимая профессия, на которую возложено обществом специальное важное задание. С этой точки зрения, философия стоит как минимум в том же гуманитарном и социокультурном ряду, что и профессия учителя, священника или врача. Быть подлинным философом, равно как и настоящим поэтом, художником или музыкантом, дано далеко не каждому. Представляется очевидным, говорит Марсель, что, например, на поэта нельзя выучиться, и для того, чтобы стать поэтом, совершенно недостаточно окончить литературный институт, т. к. поэта делает поэтом не полученный диплом, а нечто совсем другое. Главным критерием здесь является то обстоятельство, что подобными видами деятельности могут заниматься только те, кто имеет к этим видам деятельности особые способности, дарования, таланты, короче говоря, те, кому, как выражается автор «Метафизического дневника», дано призвание. Если брать слово «призвание», то оно означает, что речь идёт о человеке, которому было дано услышать зов. «Иначе

говоря, я думаю, необходимо самым решительным образом признать, что философия, так же как искусство или поэзия, предполагает в своей основе то, что можно назвать личной вовлечённостью, – пишет Габриэль Марсель, – можно было бы даже сказать, в очень глубоком смысле этого слова, – призванием. Я беру слово “призвание” в его этимологическом значении» [3, с. 243]. Под этимологическим значением подразумевается требование вернуть термину «призвание» его истинное соответствие, которое должно быть призывом, или, точнее, ответом на призыв. Марсель возводит слово «призыв» в ранг философского понятия, считая его особенностью то, что от субъекта зависит понимание призыва как зова, предстающего как «воля к толкованию, не довольствующаяся поверхностным смыслом и стремящаяся искать более глубокий смысл, скрытый за ним. Особенность смысла в том, что он раскрывается тому сознанию, которое само раскрывается, чтобы его принять» [4, с. 29].

Быть философом – это особая миссия в обществе. Философ – это тот, кто постоянно по призванию ощущает в себе потребность мыслить и философски отзывается на все актуальные темы своего времени, или, в более широком смысле, творчески реагирует на жгучие вопросы, остро стоящие в данный исторический период перед человеческим сообществом. Поэт пишет стихи, музыкант сочиняет музыку, и без этого никто из них не может прожить, не изменяя себе, а философ осмысливает в понятиях и представляет другим результаты своего размышления, т. е. свою философию. Вот как об этом пишет Габриэль Марсель: «Миссия метафизика в этом смысле на удивление близка к миссии поэта, и там и здесь речь идёт, по сути дела, о том, чтобы разбить кажимости, сообщающие обыденной жизни, всему миру повседневно мертвящий отпечаток» [5, с. 236]. От настоящего серьёзного мыслителя требуется талант, чтобы выразить под оригинальным углом зрения свой персональный опыт, затрагивающий конкретные регионы действительности. Главным

мотивом для мыслителя по призванию здесь является ни в коем случае не материальное, денежное или другое вознаграждение. Философ по жизни занимается делом осмысления и прояснения действительности по призванию, а не по принуждению, т. е. не потому, что так сложились случайные стечения жизненных обстоятельств, а потому, что был услышан внутренний призыв. Каждый настоящий философ по определению испытывает или должен испытывать глубокую потребность в рефлексии, вследствие чего, отозвавшись на призыв, занимается главным делом всей своей жизни и не может, не предавая себя, не заниматься тем, чем занимается.

Ответственность философа

Тема этики философа, которую поднимает Марсель, предполагает введение понятия ответственности философа и осмысление этических критериев допустимого поведения для философа, достойного этого имени. Мы не будем здесь углубляться в тему этики философа, т. к. ей необходимо посвятить отдельное исследование, что не позволяет формат настоящей статьи. Однако косвенно отметим, что данный вопрос имеет свою предысторию, и в особенности важное место он занимал в интеллектуальной жизни Франции после освобождения от немецкой оккупации. Габриэль Марсель через обращение к теме этичности философа фактически продолжает дискуссию об ответственности интеллектуалов, обострившуюся в период Сопrotивления. Речь идёт в широком смысле о тех, кого принято во французском дискурсе называть интеллектуалами, т. е. тех, кто занят интеллектуальной духовной деятельностью и чьё личное мнение имеет существенное влияние на образованную часть общества. Ролан Барт в лекциях в Коллеж де Франс 1976–1977 гг. отмечал профессиональную деформацию интеллектуалов: «Отметим, наконец, атопическую позицию интеллектуала. Он – не из “руководящего состава”, но и не рабочий, у него нет места в пространстве практиче-

ских задач и ролей: оттого у него и нет аффективной жизни» [6, с. 109]. Необходимо отметить, что понятие «интеллектуалы» специфически французское, и его следует отличать от понятия «интеллигенция», которое играет заметную роль, в частности, в русской культуре. Как пишет исследователь Кристоф Шарль, принято связывать рождение феномена интеллектуалов «с совершенно конкретным моментом в эволюции элит Третьей республики: со вступлением части университетского авангарда в общественно-политическую борьбу вокруг дела Дрейфуса» [7, с. 22–23]. Французский социолог Раймон Арон в книге «Опиум интеллектуалов» (1955), размышляя над тезисом Симоны Вейль, что коммунизм есть религия, и, следовательно, похож на опиум, сделал попытку расширить объём данного понятия, включив в него «интеллектуалов в различных странах» [8, с. 6]. Мы не будем останавливаться на истории этого интересного явления, но отметим, что философы в любом обществе, где они есть, в первую очередь относятся к элите интеллектуалов, и особенно во Франции, где со времён эпохи Просвещения к философам как возмутителям спокойствия всегда было подчёркнуто равнодушное отношение.

Вопрос заключался в том, как должны были вести себя интеллектуалы во время оккупации немцами и потом в период начавшегося Сопротивления. Какими должны быть интеллектуалы: нейтральными, незаинтересованными и со стоическим спокойствием отстранённо смотрящими на всё с высоты башни из слоновой кости, или они должны включаться в текущую ситуацию и рассматривать свою деятельность как борьбу за освобождение от немецких захватчиков. Первая позиция была представлена сторонниками чистого искусства или искусства для искусства (*l'art pour l'art*), вторая выдвигала требование быть ангажированным и принимать участие в происходящих событиях на стороне Сопротивления. Сразу вскоре после освобождения во Франции началось знаменитое «дело писателей». Были

устроены публичные дебаты с разбором «чёрных списков» (*listes noires*) писателей под эгидой Национального писательского комитета (CNE). Решался вопрос о мере моральной и правовой ответственности за поведение представителей литературы при немецкой оккупации, выясняли, кто из писателей как вёл себя при немцах. Известно, что были писатели, замешанные в коллаборационизме при правительстве Виши и сделавшие ставку на новую германскую власть. Начались «чистки», в процессе которых предстояло определить кто, в какой степени, и в каких преступлениях замешан в недавнем прошлом французской истории. После освобождения для проведения подобных чисток стали создаваться специальные комиссии. Габриэль Марсель вместе с писателями Франсуа Мориакком, Жаном Шлюмберже и Жоржем Дюамелем были включены в комиссию Национального комитета писателей. В своей монографии «Война писателей» (1999) современный французский социолог Жизель Сапиро, ученица Пьера Бурдьё, сообщает множество интересных подробностей из того исторического периода. В своём исследовании Жизель Сапиро приводит в качестве важной детали переписку Габриэля Марселя с Жаном Поланом (1884–1968). Между ними завязалась дискуссия, где Марсель как христианский экзистенциальный мыслитель и представитель круга «старейшин» выступал от лица старшего поколения писателей. Автор «Метафизического дневника» предлагал комиссии Французского писательского комитета продумать и уточнить критерии судебной практики вынесения оценки, по которым будут назначаться вердикты конкретным писателям. Марсель выступал за то, чтобы изначально, до принятия всяких решений, была установлена, принята и озвучена методология, которая помогла бы пролить свет на процедуру составления списков с тем, чтобы была возможность подвергнуть каждый список самому серьёзному изучению [9, р. 577]. Марсель как христианский философ предлагал внести на рассмотрение в качестве

главного базового критерия простой и ясный принцип, а именно был ли доносчиком данный конкретный писатель, писал ли на своих коллег по цеху доносы немецким властям или не писал. Все остальные нарушения Марсель предлагал простить, т. к. рассчитывать на объективность в этих процессах в тех условиях не приходилось. Несколько позже, вспоминая про то время, Марсель пишет, что он как философ не мог уклониться от своего философского долга, и в меру своих возможностей старался быть бдительным и не допускать многочисленных злоупотреблений и нарушений справедливости. Проблема заключалась в том, что вчерашние жертвы доносов, гонений и притеснений становились сегодня обвинителями и судьями и готовы были беспощадно судить несправедливым судом при фактическом отсутствии доказанности вины. В той обстановке, говорит французский мыслитель, отстаивая истину, он руководствовался исключительно принципом презумпции невиновности и философской ответственности. Главная задача была в недопущении ситуации, когда обвинители, жертвы и исполнители приговоров выступали бы как одни и те же люди. Подобная ситуация открывала возможности для конфликта интересов, злоупотреблений своим служебным положением со стороны новоявленных судей, для перекосов и перегибов: «Я считал, что философ должен со всей силой выступить против создания чрезвычайных трибуналов, против предоставления права суда жертвам в силу духа мести, который их тогда одушевлял» [10, с. 92]. Именно сквозь призму вопроса об ответственности писателя в связи с указанной дискуссией следует читать вышедшее вскоре после освобождения от немцев в журнале «Тан модерн» философское эссе Жан-Поль Сартра «Что такое литература?», особенно ту часть, где рассматривается «положение писателя в 1947 году» [11, с. 275]. Разумеется, всё то, что касается писателей в данном контексте, касается также и философов. Сартр в своей работе поднимает вопрос об ангажированности писателя как предста-

вителя интеллектуалов, спрашивая, что главное – писать хорошие произведения, и больше от интеллектуала ничего не требуется, или помимо самих текстов на нём лежит дополнительная ответственность? Справедливости ради укажем, что первым термин «ангажированность» как вовлечённость ввёл в философский оборот Габриэль Марсель в «Метафизическом дневнике». Жан Валь в исследовании 1932 г., посвящённом взглядам Уильяма Джеймса, Уайтхеда и Габриэля Марселя, указывает, что у Марселя, разрабатывающего философию воплощения и телесности, изначально речь идёт об онтологической причастности или вовлечённости [12, р. 195]. В дальнейшем автор романа «Тошнота» (1938), которому Марсель подал основную тему «клейкости» (*visqueux*) этой книги и который посещал в парижской квартире марселевские философские домашние семинары по «пятницам», идеологически экстраполировал понятие ангажированности (вовлечённости) на социально-политическую сферу, так что сегодня за этим словом закрепилась коннотация политического активизма.

Дело Хайдеггера

Примеры оппортунизма, когда интеллектуалы страдают коллаборацией с режимом, можно найти и в философии. Здесь в качестве исторической иллюстрации следует назвать дискуссию, начатую Виктором Фариасом в книге «Хайдеггер и нацизм» (1987), вышедшей на французском языке. В ней речь шла об исторической ситуации с одним из наиболее крупных мыслителей XX в., который родился с автором Дневника в один год, немецким философом Мартином Хайдеггером (1889–1976). Большое внимание, которое уделяется «делу Хайдеггера» в философском сообществе и ещё шире – в интеллектуальном мире в целом, оправдывается тем, что влияние немецкого философа на современные умы огромно. По словам В. Подороги, по индексу цитируемости в наши дни автор книги «Бытие и время» (1927) почти догнал по

авторитету самого Аристотеля: «Частота мировой цитируемости Хайдеггера наминает цитируемость Аристотеля в Средние века» [13, с. 195]. Вопрос касается связи немецкого мыслителя с нацизмом, а также его ярко выраженного, по свидетельству многих очевидцев-современников, антисемитизма. Через два года вышел немецкий перевод книги Фариаса с предисловием представителя Франкфуртской школы Юргена Хабермаса. В настоящей статье у нас нет возможности заниматься подробно автором книги «Бытие и время», поэтому просто вкратце обозначим ситуацию. Франсуа Лиотар в книге «Хайдеггер и евреи» (1988), название которой переключается с названием работы Х. Г. Гадамера «Хайдеггер и греки» (1989), обозначает эту конкретную ситуацию «делом Хайдеггера» [14, с. 7]. Специалистам известно, что вокруг этого дела споры не прекращаются уже несколько десятилетий. Интересно, что социолог Пьер Бурдьё на основе методологии своей теории социологического анализа «философского поля» ещё задолго до появления многих последних данных указал на существенные связи понятий онтологического и политического у шварцвальдского мыслителя. В конце своей книги «Политическая онтология Мартина Хайдеггера» (1975) Бурдьё публикует приложение с малоизвестными оригинальными текстами Хайдеггера – стенограммами тех самых речей 1933–1934 гг., где очевидна приверженность Хайдеггера идеям Третьего Рейха и где каждому, кто их откроет и прочтает, ясно и отчётливо видно восславление фюрера в финале каждой речи [15, с. 245–269]. Недавние публикации «Чёрных тетрадей», которые автор из Тодтнауберга завещал открыть миру только через пятьдесят лет после своей кончины, как говорится, только подлили масла в огонь [16, с. 18]. У Хайдеггера, как в любом судебном разбирательстве, с одной стороны, появились обвинители, такие как Ясперс, Арентс, Фариас, Бурдьё, Лиотар, Фай, а с другой стороны, защитники, такие как Бофре, Федье, Деррида, Библихин, Дугин. Возвращаясь к тезису Габриэля

Марселя об ответственности, особо подчеркнём, что философ обязан выступать на стороне человеколюбия и сопротивляться силам зла. Сегодня, когда, по выражению французского философа, силы зла разбушевались и атакуют нас со всех сторон, это особенно важно осознавать всем, кто занимается философской деятельностью.

Заключение

Подводя итоги, резюмируем основную идею Габриэля Марселя об ответственности философа. Быть философом – это призвание, а не просто функционал, который выполняет работник в отделе под руководством своего начальника в рамках прописанного по корпоративным стандартам трудового договора. Французский мыслитель подчёркивает, что философ в первую очередь ответственен перед другими людьми. Философия – это не частная дисциплина в ряду остальных, не абстрактная игра ума того или иного заумного чудака, закрывшегося в башне из слоновой кости. Философия есть необходимая и очень нужная в силу своей особой значимости профессия, почти по Гегелю, который утверждал, что «образованный народ без метафизики (посчитаем, что философии в целом. – Ф. Г.), нечто вроде храма, в общем-то разнообразно украшенного, но без святыни»¹. Философу, достойному этого имени, необходимо избавиться от психологического комплекса неполноценности перед представителями точных наук и выйти из жалкого положения, в котором оказались, поддавшись тренду, многие коллеги по философскому цеху. Что для этого нужно сделать? В первую очередь, осознать, что философ занимается философией не просто так, ради своего удовольствия, уединившись на своём рабочем кабинете, – другие люди остро нуждаются в размышлениях философа. Марсель несколько раз повторяет, что философ думает не за одного себя, но он думает одновременно за всех остальных

¹ Гегель Г. В. Ф. Предисловие к первому изданию // Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970. С. 76.

ных, за всё общество. В особенности философ думает за тех, кто, пребывая «в ночи», испытывает онтологическое беспокойство, но, не имея философского дара, не умеет выразить результаты мыслительной работы в дискурсивной форме. Марсель говорит, что, как философ, он верит в укрепляющую силу размышления, в важность как философского прояснения, так и философского просвещения.

Направление мысли Габриэля Марселя ориентирует на специфику философского образования, указывая, что при утилитарном отношении к философии и философам как к функции, а не как к призванию наблюдается негативный процесс, когда талантливые и подающие надежды молодые дарования переходят работать в другие сферы по разным соображениям, в том числе оплачиваемости или престижности. Философам необходимо поднять выше престиж своей профессии и собственную личную мораль-

ную планку, и, развивая творческие потенции, заниматься не суррогатами и имитациями, а самой философией. Философ сегодня отличается от философов прошлого. Сегодня сложилась новая конфигурация отношений между философией, наукой и искусством. Французский мыслитель, который был и философом, и музыкантом, и драматургом, а также театральным и музыкальным критиком, подчёркивает, что современная философия располагается между наукой и искусством. Причём, вопреки общепринятому мнению, философия тяготеет больше не к науке, а к искусству. Сегодня философ – это больше философ-поэт, чем философ-учёный, т. е. тот, кто понимает философию как персональное призвание, а не как безличное знание, и у кого существует глубокая потребность не просто реализоваться в качестве философа интеллектуально, но и изменить свой образ жизни для этого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Биbihина. М.: Республика, 1993. С. 16–27.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: СПб.: Институт экспериментальной социологии: Алетейя, 1998. 288 с.
3. Марсель Г. В защиту трагической мудрости // Путь в философию: антология / сост., пер. с фр. Г. М. Тавризян. М.: СПб.: ПЕР СЭ: Университетская книга, 2001. С. 243–267.
4. Марсель Г. Присутствие и бессмертие. Избранные работы / сост., пер. с фр. В. П. Визгина. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. 328 с.
5. Марсель Г. О смелости в метафизике: сборник статей / сост., пер. с фр. В. П. Визгина. СПб.: Наука, 2013. 411 с.
6. Барт Р. Как жить вместе: романтические симуляции некоторых пространств повседневности / пер. с фр. Я. Ямпольской. 2-е изд. М.: Ад Маргинем пресс, 2024. 200 с.
7. Шарль К. Интеллектуалы во Франции. Вторая половина XIX века / пер. с фр. под ред. С. Л. Козлова. М.: Новое издательство, 2005. 328 с.
8. Арон Р. Опиум для интеллектуалов / пер. с фр. Л. И. Боровиковой. М.: АСТ, 2021. 448 с.
9. Sapiro G. La Guerre des écrivains, 1940–1953. Paris: Fayard, 1999. 807 p.
10. Марсель Г. Люди против человеческого / пер. с фр. В. П. Визгина. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 208 с.
11. Сартр Ж.-П. Что такое литература? СПб.: Алетейя, 2000. 466 с.
12. Wahl J. Vers le concret. Etudes d'histoire de la philosophie contemporaine. William James, Whitehead, Gabriel Marcel. Paris: Librairie philosophique J. Vrin, 2019. 222 p.
13. Подорога В. А. Время чтения. М.: Канон+:РООИ «Реабилитация», 2021. 376 с.
14. Лиотар Ж.-Ф. Хайдеггер и «евреи». Исследование феномена / пер. с фр. В. Е. Лапицкого. М.: Родина, 2023. 224 с.
15. Бурдые П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера / пер. с фр. А. Т. Бикбова, Т. В. Анисимовой. М.: Праксис, 2003. 272 с.
16. Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Чёрные тетради 1938–1939) / пер. с нем. А. Б. Григорьева. М.: Институт Гайдара, 2018. 528 с.

REFERENCES

1. Heidegger, M. (1993). What is Metaphysics? In: Heidegger, M. *Time and Being*. Moscow: Respublika Publ., pp. 16–27 (in Russ.).
2. Deleuze, G. & Guattari, F. *What is Philosophy?* (1998). Moscow, St. Petersburg: Institute of Experimental Sociology publ., Aletheia publ. 1998 (in Russ.).
3. Marcel, G. (2001). In Defense of Tragic Wisdom. In: Tavrizyan, G. M., comp. *The Path to Philosophy: anthology*. Moscow: St. Petersburg: PER SE publ., University Book publ., pp. 243–267 (in Russ.).
4. Marcel, G. (2007). *Presence and Immortality. Selected Works*. Moscow: Institute of Philosophy, Theology, and History of St. Thomas publ. (in Russ.).
5. Marcel, G. (2013). On Courage in Metaphysics. St. Petersburg: Nauka publ. (in Russ.).
6. Barthes, R. (2024). *How to Live Together: Novelistic Simulations of Some Everyday Spaces*. Moscow: Ad Marginem Press publ. (in Russ.).
7. Charle, C. (2005). *Birth of the Intellectuals: 1880–1900*. Moscow: Novoye izdatelstvo publ. (in Russ.).
8. Aron, R. (2021). *The Opium of the Intellectuals*. Moscow: AST publ. (in Russ.).
9. Sapiro, G. (1999). *La Guerre des écrivains, 1940–1953*. Paris: Fayard, 1999.
10. Marcel, G. (2018). *Les hommes contre l'humain*. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives publ. (in Russ.).
11. Sartre, J.-P. (2000). *What is Literature?* St. Petersburg: Aletheia publ. (in Russ.).
12. Wahl, J. (2019). *Vers le concret. Etudes d'histoire de la philosophie contemporaine. William James, Whitehead, Gabriel Marcel*. Paris: Librairiephilosophique J. Vrin.
13. Podoroga, V. A. (2021). *Reading Time*. Moscow: Kanon+ publ., Rehabilitation publ. (in Russ.).
14. Lyotard, J.-F. (2023). *Heidegger and the "Jews". Study of the Phenomenon*. Moscow: Rodina publ. (in Russ.).
15. Bourdieu, P. (2003). *Martin Heidegger's Political Ontology*. Moscow: Praxis publ. (in Russ.).
16. Heidegger, M. (2018). *Reflections VII–XI (Black Notebooks, 1938–1939)*. M.: Gaidar Institute publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гусейнов Фарид Ибрагимович (г. Москва) – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, доцент кафедры философии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, доцент кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы;
e-mail: metafizika@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Farid I. Guseynov (Moscow) – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of History and Philosophy, Higher School of Social Sciences and Humanities, Plekhanov Russian University of Economics, Assoc. Prof., Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University, Assoc. Prof., Department of Social Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;
e-mail: metafizika@mail.ru

Научная статья

УДК 091

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-3-24-34

ПРОБЛЕМАТИКА ИНФОРМАЦИОННОГО ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ УНИВЕРСАЛЬНОГО ЭВОЛЮЦИОНИЗМА Н. Н. МОИСЕЕВА

Малягин В. В.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: wwm_1@list.ru

Поступила в редакцию 11.04.2025

После доработки 25.04.2025

Принята к публикации 06.05.2025

Аннотация

Цель. Оценка и анализ тенденций информатизации человека и общества с позиций концепции универсального эволюционизма Н. Н. Моисеева.

Процедура и методы. В работе задействованы системный подход, исторический метод, проведён анализ содержания работ Н. Н. Моисеева, анализ и сравнение материалов культурологических и антропологических отечественных и зарубежных работ, посвящённых проблеме информатизации человека и общества.

Результаты. Проанализированы основные подходы к изучению информации как таковой и информатизации человека и общества. Выделены основные проблемы, сопровождающие информатизацию человека и общества, как очередного этапа эволюционного развития. Даны оценка проблем и направление их решения с позиций концепции универсального эволюционизма.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в раскрытии прогностического и аналитического потенциала концепции универсального эволюционизма для оценки и решения возникающих проблем в условиях трансформации общества.

Ключевые слова: информатизация, информационный человек, информационное общество, нососфера, концепция универсального эволюционизма

Для цитирования:

Малягин В. В. Проблематика информационного человека и общества в контексте концепции универсального эволюционизма Н. Н. Моисеева // Современные философские исследования. 2025. № 3. С. 24–34. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-24-34>.

Original research article

THE PROBLEMS OF INFORMATION MEN AND SOCIETY IN THE CONTEXT OF N. N. MOISEEV'S UNIVERSAL EVOLUTIONISM

V. Malyagin

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: wwm_1@list.ru

Received by the editorial office 11.04.2025

Revised by the author 25.04.2025

Accepted for publication 06.05.2025

Abstract

Aim. To assessment and analyze trends in men and society informatization from the perspective of N. N. Moiseev concept of universal evolutionism.

Methodology. Systematic approach, historical method, analysis of the content of N. N. Moiseev's works, analysis and comparison of materials from cultural and anthropological domestic and foreign works devoted to the problem of informatization of man and society were used in this study.

Results. The main approaches to the study men and society informatization have been analyzed. The main problems accompanying the informatization of man and society as the next stage of evolutionary development are highlighted. An assessment of the problems and the direction of their solution is given from the standpoint of the concept of universal evolutionism.

Research implications. The theoretical and practical implication of the study consists in disclosure of the prognostic and analytical potential of universal evolutionism for assessing and solving emerging problems in the context of the transformation of society.

Keywords: informatization, information man, information society, noosphere, concept of universal evolutionism

For citation:

Malyagin V. V. (2025). The Problems of Information Men and Society in the Context of N. N. Moiseev's Universal Evolutionism. In: *Contemporary Philosophical Research*, 3, 24–34. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-24-34>.

Введение

Сегодня в научных, философских и гуманитарных кругах всё более активно затрагиваются вопросы, связанные с информатизацией человека и информатизацией общества. Интерес к этим процессам находит широкий отклик у специалистов в областях философии, культурологии, психологии, социологии, физиологии, информатики и т. д., что говорит о многомерности и междисциплинарности затрагиваемых проблем.

Вместе с тем на фоне информатизации человека и общества вырисовываются контуры глобальных проблем и направлений, сопровождающих процессы трансформации. Формулировка, анализ и оценка данных проблем дают возможность их научного осмысления и выработки стратегии для их решения.

Определение информационного человека и информационного общества, их философское осмысление

Для того, чтобы дать определение информационному человеку и информационному обществу, сначала необходимо определиться, что мы понимаем под информацией вообще. Сегодня понятию информация дано большое количество

определений, однако при своей широкой распространённости оно остаётся одним из самых дискуссионных терминов и может подразумевать различные значения в разных отраслях науки и деятельности. Определения понятия информация трансформируются и дополняются на протяжении уже более полувека, отчасти это обусловлено различием тех областей науки и общественной жизни, где оно разрабатывается и используется. В рамках этих различий можно выделить два основных направления, подхода к информационному человеку и информационному обществу, логика возникновения и развития которых прослеживается при рассмотрении определения информации и отношения к ней.

Так, например, Большой энциклопедический словарь даёт следующее определение информации (от лат. informatio – разъяснение, изложение) – сведения, передаваемые одними людьми другим людям устным, письменным или каким-либо другим способом (например, с помощью условных сигналов, с использованием технических средств и т. д.), а также сам процесс передачи или получения этих сведений¹.

¹ Информация // Большой энциклопедический словарь: [сайт]. URL: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com/25865-ИНФОРМАЦИЯ> (дата обращения: 12.02.2025).

С середины XX в. термин *информация* превращается в общенаучное понятие, включающее обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом, автоматом и автоматом, обмен сигналами в животном и растительном мире, передачу признаков от клетки к клетке, от организма к организму (например, генетическая информация) и т. д. Сегодня в широком смысле слова информация – это сведения независимо от формы их представления.

Исследователями отмечаются константность, первородность информации, характерная при описании её свойств, т. е. информация рассматривается как особое качество, новая информационная форма существования материи наряду с ранее известными физическими состояниями вещества: «...более того, именно оно рассматривается как базовое по отношению к остальным, в том числе и к антропологическим константам» [1, с. 4].

Исходя из подобной посылки многие учёные и мыслители формируют представление об информации как о некоторой прасубстанции, прaosнове всего органического и неорганического в мире: «Атрибутивность информации, абсолютизация и сакрализация не столько данных, сколько самого процесса связи – информационного обмена – переводит понятие информации в разряд таких фундаментальных категорий, как взаимодействие, которую многие авторы определяли как конечную причину всего существующего, за которой нет других определяющих свойств» [2, с. 115].

Продолжая рассуждения в этом ключе, можно сделать вывод, что по своей сути человек – изначально существо информационное [3; 4]. Биологически в нас заложены сведения в ДНК, содержащие детальную информацию о нас и о нашем теле. Физиологически наша нервная система, которая контролирует внутреннюю работу нашего тела, получает информацию из окружающего нас мира, устроена на передаче нервных импульсов от одного нейрона через синапс другому. Наши рецепторы позволяют функционировать органам чувств, которые передают информацию в

ЦНС – невероятное скопление нервных клеток, передающих друг другу сигналы и формирующих связи, которые далее определяют и формируют наши представления о мире и вещах вокруг нас.

Многие идут дальше и в рамках данного подхода рассматривают сущность природы человека, его предназначение, способы существования и т. д. Ю. В. Шичанина отмечает, что сюда входят такие направления, как кибертрансцендентализм, трансгуманизм, синергийная антропология, русский космизм и др. [2, с. 116], и объединяет их рассуждение в рамках нового типа человека, сверхчеловека будущего. В культуре активно проявляется и развивается информационализм – приращение информации глобальной бытийной роли – по сути, являющийся антитезой гуманизма и витализма. Современная научная фантастика, фильмы в жанре фэнтези иллюстрируют этот подход.

Во втором подходе к пониманию информационного человека превалирует выделение практической значимости информации, её нацеленности на объективную реальность применительно к субъекту, а не на глобальную роль информации как таковой.

В концепции универсального эволюционизма академик Н. Н. Моисеев уделяет понятию *информация* особое внимание. Рассуждая о создании универсального междисциплинарного языка, способного реалистично и системно описывать целостную картину мира, он отмечает, что в последнее время понятие *информация* получило необычайное распространение и часто используется не по назначению или неточно, что недопустимо в работах методологического и философского характера [5, с. 26].

Отталкиваясь от эволюционного описания картины мира, Н. Н. Моисеев приходит к выводу, что в рамках классического естествознания и физики для описания логики развития упрощённой модели мира как системы неживой материи понятие информации не требуется. В то же время для описания любого живого вещества в картине мира возникает необходимость использования понятия *информация*. И здесь появляются сложности с чётким определением

нием его наполнения: «Информация – это очень сложное и многоплановое явление. И с моей точки зрения, оно относится тоже к первопонятиям, поскольку дать однозначное определение информации, опираясь только на другие первопонятия, мне представляется невозможным. ... Удивительно: уже возникла обширная наука информатика, которая пронизывает многие (если не все) научные дисциплины, наука, которая является основой важнейших направлений развития современной техники, вторгается во все сферы нашей жизни, наука, от успеха которой во многом будет зависеть будущее человека, а между тем центральное понятие этой теории – “информация” – до сих пор не имеет чёткого общепринятого определения. И это обстоятельство роднит его с такими фундаментальными понятиями, как материя или энергия» [5, с. 50]. Тем не менее для того, чтобы избежать недопонимания, неправильных прочтений и абсолютизации информации, Н. Н. Моисеев предлагает понимать под информацией наиболее простое её выражение: совокупность сведений.

На наш взгляд, для определения информационного человека необходимо отталкиваться именно от подобной позиции. Более того, для раскрытия антропологических проблем информационного человека информационного общества необходимо подчеркнуть электронный характер информации. Постараемся раскрыть этот тезис.

Вне зависимости от подхода к информации сегодня активно формируется такое научное направление, как информационная антропология [4; 5]. В рамках информационной антропологии первичным по отношению к информационному человеку является информационное общество, т. е. информатизация общества ведёт к антропологической трансформации человека¹.

Но каким образом общество становится информационным? Исследователи в этой

области пришли к выводу, что на протяжении всей истории развития общества человечество переживало информационные революции – качественные скачки в способах переработки информации. Механизм информационных революций объясняется непропорциональным ростом количества циркулирующей в обществе информации и ограниченными возможностями её использования. Согласно М. Кастельсу, революция в информационной технологии охватывает всю область человеческой деятельности и является отправным пунктом в анализе сложностей новой экономики, общества и культуры [6, с. 28]. Всего выделяется пять информационных революций, наиболее значительно повлиявших на развитие цивилизации:

1. Появление речи, языка, символического документирования и передачи информации (зарубки, дым от костра, узелки, рисунки).

2. Появление письменности. Закрепление на материальном носителе звуков речи и слов, символов, знаков и алфавита.

3. Изобретение книгопечатания. Возможность относительно быстрого сохранения и передачи большого объёма точной информации.

4. Появление электричества и электрических приборов, передающих информацию. Телеграф, телефон, телевидение. Увеличение объёма обрабатываемой информации и невиданные ранее скорости её передачи. Появление ЭВМ и персональных компьютеров. Изменение производственных процессов и экономики за счёт роста вычислительных мощностей.

5. Революция непосредственно информационных технологий. Повсеместное внедрение информационных технологий, появление новых научных направлений, развитие интернета, создание хранилищ больших данных и искусственного интеллекта.

Данная периодизация информационных революций обращает наше внимание на то, что развитие электронной вычислительной техники, возникшей после четвёртой информационной революции, стала одновременно причиной и средством для перехода к пятой информационной революции.

¹ «Трансформация человека в цифровую эпоху»: доклад Андрея Курпатова в Совете Федерации [Электронный ресурс] // VK: [сайт]. URL: https://vk.com/video-17549882_456244191?to=L3ZpZGVvL TE3NTQ5ODgyXzQ1NjI0NDE5MT8- (дата обращения: 11.04.2025).

Текущее состояние развития общества, именуемое информационным, принято считать продолжением постиндустриального общества, сформулированного Д. Беллом и Э. Тоффлером¹.

Характерными чертами постиндустриального общества, по их мнению, являются переход от производства вещей к производству услуг, усиление роли инноваций, знаний и информации, децентрализация производства и населения, резкий рост информационного обмена, превалирование самоуправленческих политических систем, а также дальнейшая индивидуализация личности при сохранении солидарных отношений между людьми и сообществами. Э. Тоффлер противопоставляет гигантским корпорациям малые экономические формы, среди которых он особенно выделяет индивидуальную деятельность в «электронном коттедже» (по сути – удалённый режим работы). Идеи Д. Белла и Э. Тоффлера положили начало формированию информационного общества как стадии развития общества в рамках постиндустриализма. Его становление связывают с преобладанием четвёртого, информационного, сектора экономики, который следует за сельским хозяйством, промышленностью и экономикой услуг. Капитал и труд как основы индустриального общества уступают место информации и знанию в информационном обществе.

Несомненно, в идеях Д. Белла и Э. Тоффлера улавливаются многие тенденции общества последних трёх-четырёх десятилетий. Однако уже сегодня видны некоторые противоречия и различия. Так, например, основой мировой экономики по-прежнему остаётся производство ресурсов, еды и материальных благ. Огромный банковский и финансовый сектор является по большей части спекулятивной накруткой результатов основного производства. Роль знания и информации сегодня огромна, однако их ценность не

всегда столь очевидна, т. к. лишь некоторая их доля может быть выражена в экономическом или денежном эквиваленте. Представления о самоуправленческих политических системах и малых управленческих экономических формах в противовес корпорациям сегодня вообще не выдерживают критики. За несколько последних десятилетий корпорации превратились в транснациональные корпорации, а их роль в политической жизни государств возрастает всё сильнее [7].

Говоря о роли информации и обмене ей, надо отметить, что ещё отечественными ноосферными философами отмечалась особая важность усиления коммуникативной функции в обществе. В. И. Вернадский писал, что одним из необходимых условий перехода общества к ноосфере является резкое преобразование средств связи и обмена между странами, людьми внутри общества [8, с. 152]. Однако развитие информационных технологий и электронных средств является лишь средством к достижению этой цели и вовсе не означает каких-либо качественных изменений человека. Развивает эту идею и Н. Н. Моисеев, говоря о том, что информационное общество в контексте универсального эволюционизма – это, по сути, и есть общество ноосферы и коллективного разума.

То, что мы видим сегодня, отражает лишь техническую сторону развития общества – обеспечение общества новыми средствами коммуникации и взаимодействия с информацией [5, с. 181]. Таким образом, сегодня мы живём в обществе, оснащённом различными электронными информационными средствами и имеющем предпосылки к трансформации. Однако в фундаментальном понимании общество ещё не стало информационным.

Сегодня главным выражением информационного общества с электронной технической стороны является интернет. Он качественно трансформировал и усилил процессы коммуникации в обществе, что созвучно с ноосферными идеями В. И. Вернадского о трансформации связи. Интернет, возможно, выступает главным преобразователем

¹ См.: «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» Д. Белла (1973), «Шок будущего» (1970), «Третью Волну» (1980) и «Метаморфозы власти» (1990) Э. Тоффлера.

общества в информационное. В видеолекции «Уничтожит ли себя человечество?» американский профессор теоретической физики и крупный западный популяризатор науки Митио Каку так говорит об интернете: «У нас есть огромная привилегия быть свидетелями рождения технологии (цивилизации) первого типа – интернета»¹ (по принятой классификации мы до сих пор живём в цивилизации нулевого типа).

Для систематизированного изучения процесса становления информационного человека ряд исследователей разрабатывают информационную антропологию как отдельное научное направление, пытаясь очертить её границы и методологию. Становится очевидно, что знания, получаемые в рамках информационной антропологии, несут сложный междисциплинарный и системный характер.

Изменения человека, наблюдаемые вследствие информатизации общества, затрагивают как его психологические и социальные особенности, так и его физиологию. Так, например, отмечается серьёзная трансформация сферы информационных потребностей человека [9]. Около пятидесяти лет назад академик А. И. Берг сделал фундаментальный вывод: «Прямым опытом доказано, что человек может нормально мыслить длительное время только при условии непрекращающегося информационного общения с внешним миром» [10, с. 259]. Этот тезис является ключевым для конституирования информационной антропологии как научного направления, рассматривающего антропологические проблемы в тесной связи с исследованием информационных процессов в обществе. Вторит этому тезису и А. Д. Еляков, утверждающий, что владение информацией является главным условием существования человека [11]. Н. В. Нарыков и С. В. Деменьев отмечают, что информация – это не только средство осведомлённости о мире и способ адаптации к нему, фактически это часть

человеческого сознания и самосознания. «Кроме того, она составляет основу рационального построения жизни, предвидения и прогнозирования, это средство и способ общения» [12, с. 124].

Основываясь на том, что мы видим только начало формирования информационного общества и электронные средства в обозримом будущем будут развиваться более кардинально, необходимо отметить, что некоторые проблемы информационного человека информационного общества уже прослеживаются достаточно чётко.

Контуры проблем, сопровождающих информатизацию человека и общества

О проблемах формирования целостной картины мира в условиях глобализации и информатизации общества говорил и академик Н. Н. Моисеев [5]. Одними из глобальных проблем информационного человека сегодня являются фрагментация и искажение картины мира. Надо отдавать себе отчёт, что информационное общество не однородно и не самостоятельно – оно также разывается на зоны влияния и поддаётся контролю. Сегодня в обществе уже устоялись термины информационных и гибридных войн. Информатизация общества происходит столь стремительно, что люди и народы оказываются крайне уязвимыми к различного рода манипуляциям и воздействиям. С учётом информационных потребностей человека развивается и феномен общества информационного потребления. Для этого процесса характерны неограниченное, постоянное потребление информации человеком и, как следствие, резкое снижение критичности в восприятии информации.

В контексте информационных войн негативное воздействие по своему характеру можно разделить на идеолого-политическое и рыночно-корпоративное. Идеолого-политическое заключается в ведении информационных войн, намеренном искажении фактов, переписывании истории и т. д. в целях захвата власти, смены режима на лояльный, получения власти над экономической

¹ Michio Kaku. Will mankind destroy itself? [Электронный ресурс] // Big Think: [сайт]. URL: <https://bigthink.com/videos/will-mankind-destroy-itself> (дата обращения: 11.04.2025).

сферой. Следствием такого вмешательства являются утеря исторической памяти, деградация существующей культуры и стирание исторической самоидентификации человека и нации. Рыночно-корпоративное воздействие заключается в исключительном навязывании потребительского типа мышления и образа жизни, внушении искусственных материальных и виртуальных идеалов в целях увеличения сбыта товаров и услуг, ещё большего сбыта платной информации и получения прибыли корпорациями.

Следствием такого воздействия являются фрагментация картины мира, отсутствие понимания и нравственных ориентиров у индивида, коллапс развития личности и деградация общества. Очевидно, что оба воздействия несут серьёзную опасность для общества как отдельных государств, так и человечества в целом. Вместо предполагаемой свободы информационного общества сегодня наблюдается всё большая регламентация. С одной стороны, на государственном и общественном уровне происходит всё большее вовлечение человека в электронную среду и информационное пространство, что вызывает всё большую зависимость личности от них. С другой – компании и корпорации стараются извлечь максимальные выгоды, капитализируя все области информационной среды, а государства стараются как можно шире охватить информационное поле и устанавливают всё более жёсткие формы контроля.

Возникает проблема безопасности и свободы информационного человека. Развитие электронных средств и технологий уже внутри формирующегося информационного общества в последние годы показало, что средства ограничения и контроля развиваются особо активно и массово, начиная от развития контекстной рекламы и заканчивая средствами аутентификации и валидации личности. Ярким примером может послужить введение QR-кодов на фоне пандемии коронавируса, которые уже не в виртуальной среде, а в реальной жизни контролируют и ограничивают свободу человека. На фоне этих нововведений трансформируется и сознание человека, стирается

грань между виртуальностью и реальностью, информационный контроль и финансовые ограничения становятся неотъемлемой чертой информационного общества.

Экспоненциально растущие объёмы информации вокруг человека вопреки обещаниям идеологов информационного общества не дают той свободы доступа к знаниям и полезной информации. Это связано не только с коммерциализацией знаний различными структурами, но и с огромным количеством ненужной информации [13]. Существует две точки зрения на огромный рост количества ненужной информации. Первая гласит, что делается это намеренно, чтобы усложнить человеку доступ к важной информации, сделать его инертным и управляемым в информационном поле. Это отчасти может и имеет место быть. Но более реалистичной нам кажется версия, что люди не только потребляют огромное количество информации, но и сами её генерируют. Как отмечают психологи¹, мозг для оптимизации и экономии ресурсов выбирает задачи, которые проще. Поэтому из всего обилия контента среднестатистический информационный человек выбирает более примитивный контент, следовательно, и спрос на него растёт. В качестве примера приводится исследование, когда на выбор пользователям предлагались текст научной статьи и лента Instagram² известного человека, – люди выбирают в первую очередь Instagram. Этот механизм объясняет такое явление, как эскалация примитивного контента. А. В. Курпатов охарактеризовал жизнь в новой информационной среде как переход из галактики Гутенберга в галактику Цукерберга, где нет системного и аналитического мышления³.

¹ «Трансформация человека в цифровую эпоху»: доклад Андрея Курпатова в Совете Федерации [Электронный ресурс] // VK: [сайт]. URL: https://vk.com/video-17549882_456244191?to=L3ZpZGVvLkTE3NTQ5ODgyXzQ1NjI0NDE5MT8- (дата обращения: 11.04.2025).

² Instagram – ресурс корпорации Мета, признанной экстремистской и запрещённой в РФ.

³ 21-й век: «галактика Цукерберга» vs «галактика Гутенберга» [Электронный ресурс] // Новости Томского государственного университета: [сайт]. URL: <https://news.tsu.ru/projects/word-to-the-rector/21-y-vek-galakтика-tsukerberga-vc-galakтика-gutenberg> (дата обращения: 11.04.2025).

И несмотря на то, что академик А. И. Берг пришёл к выводу, что без поступления информации в мозг человек прекращает мыслить, информационная перегруженность вызывает не менее опасные последствия. Когда мозг без остановки потребляет информацию (телевизор, телефон, интернет) часть мозга, связанная с мышлением, впадает в спячку. Для того, чтобы мозг всерьёз начал осмысливать что-либо, человеку необходимо без прерывания мыслить 23 минуты. Наличие мобильных телефонов, мессенджеров и социальных сетей не даёт тем, кто их постоянно использует, элементарно сосредоточиться на каком-либо серьёзном обдумывании. Если человек с детства оказывается в этом перегруженном информацией потоке, логично предположить, что часть мозга, отвечающая за мышление, не сможет нормально сформироваться (формирование идёт до 25 лет).

В связи с этими проблемами у людей притупляется способность анализировать, мыслить критически. Адаптация к агрессивной и чрезмерной информационной среде отнимает у человека слишком много сил. Человек перестаёт учиться, понимать, снижается его творческий потенциал. При большом количестве времени, проведённом в виртуальной среде (игры, интернет, социальные сети), у многих возникают психологические отклонения и проблемы. Человек, интегрируясь в информационную среду, отдаляется от реального общества – страдают социальные, семейные связи, развиваются индивидуализм, чувство отрешённости, одиночества, неприятия реальности, которые ещё больше подталкивают человека к погружению в виртуальный мир и усугубляют проблемы.

На фоне развития информационной среды также обостряется и неравенство доступа к информации, что объясняется не только коммерциализацией и психологическими механизмами, о которых мы писали выше, но и возникающим расслоением общества из-за различной способности к адаптации к происходящим трансформациям. Фактически целые поколения пожилых людей оказались неспособными

адаптироваться к тем средствам и методам информационного взаимодействия, которые сейчас активно развиваются и внедряются. Особенно усугубляется это и тем, что исполнение многих социально значимых запросов (осуществляемых на портале Госуслуг, требующих использования QR-кодов и т. д.) сейчас доступны только в электронной среде [14].

Развитие интернета и возникновение интернета вещей также ещё больше усиливают человеческую зависимость от техники. Многие философы и учёные говорят о том, что техника, призванная освободить человека от сил природы, подчинила себе человека, сделав его зависимым от неё [15]. В определённой степени это так, однако в вопросе развития электронных средств всё становится гораздо сложнее. Электронная техника – очень чувствительная и сложная система. Несмотря на то, что постоянно развиваются и она, и механизмы защиты и поддержания функционирования, она остаётся очень уязвимой к двум факторам – киберпреступности и к внешним воздействиям, в том числе климатическим. В обоих случаях содержится серьёзная угроза для информационного человека, связанная с компрометацией или утерей его информационной личности.

При этом надо отметить, что потенциальные климатические катастрофы будут наносить глобальный ущерб информационной среде вследствие возможной утери огромного количества данных и информации. Сегодня самые влиятельные и богатые корпорации уже создают хранилища судного дня (в горах, под землёй и т. д.), пытаются защитить огромное количество накопителей информации от внешних воздействий (стихийных бедствий, войн, терроризма). Это также закладывает потенциальные угрозы для неравенства, перераспределения власти и т. д. в будущем.

С философской точки зрения Н. В. Нарыков и С. В. Деменьев выделяют информационную трансформацию сущности человека. Если сущность человека состоит в совокупности общественных отношений, то информационный человек в

этом плане начинает отчуждаться от традиционного человека в пользу цифрового мира: «У этого процесса существует много граней: духовное отчуждение, кризис идентичности, оскудение культуры, моральные и нравственные деформации современного общества, подмена реальности, в том числе реальной достиженческой деятельности имитацией, кризис общечеловеческих ценностей...» [12, с. 125]. Вследствие трансформации социальной реальности изменяется и природа человека, в чём кроется одна из угроз, способная изменить облик человека, его потребности в освоении реального мира, получении знаний и т. д.

Л. Н. Караваев выделяет два вида воздействия, трансформирующих человека в информационном обществе и имеющих негативные последствия: технологический и информационный. Технологическое воздействие негативно выражается в таких вещах, как ослабление физической и интеллектуальной активности человека, снижение его продуктивности, разрыв субъект-объектных отношений с миром, редукционизм и механистическое представление о мире. Информационное воздействие выражается в информационной буре – огромном потоке фрагментированной информации, не позволяющем получить реальное знание человеку: «Сегодня информационная ситуация в современном обществе является крайне неблагоприятной: необходимая информация общедоступна, но труднодостижима и к тому же в ряде случаев искажена, недостоверна, а иногда деструктивна и навязывает определённый образ жизни и мысли ... Перенасыщенность информацией приводит к печальным последствиям. У современного человека ослабевают способности к саморефлексии, самостоятельному мышлению, уменьшается желание развиваться и мыслить» [16, с. 71].

В формировании новой культуры информационного общества обширные позиции занимает информационализм. Информационализм в философском понимании формирует новую онтологию. По мнению многих авторов, информациона-

лизм в онтологическом и аксиологическом плане является противником гуманизма. «Человек не только стал в XX в. для себя проблемой, но и усугубил её техническими и психологическими возможностями стирания антропологических границ, преступления собственных онтологических пределов» [2, с. 120].

Заключение

Итак, мы очертили контуры основных проблем, возникающих в процессе становления информационного общества и человека. Механизм потребления и генерирования информации сегодня становится так же биологичен, как и физиологические механизмы человека. На фоне непрерывного перегруженного потока информации возникает обширный спектр угроз для человека, его интеллекта, самосознания, мышления, границ и т. д. Сегодня человек страдает от избытка информации так же, как и от её недостатка, а умение фильтровать информацию становится необходимой составляющей новой информационной и интеллектуальной культуры [17]. По большому счёту, если мы говорим о формировании новой культуры, то человек сам должен стать фильтром в потоке разнородной неуправляемой информации.

Сами по себе информационные и электронные технологии не являются вредом, в их использовании мы видим множество плюсов и удобств, огромное количество возможностей и потенциала для развития человека и общества. Информационные технологии – это ещё один инструмент, имеющий сильнейшую обратную связь и влияние на самого человека. От того, как мы его используем, будет зависеть будущее развитие человечества. Многие философы и мыслители говорили, что человеку чужда технократическая среда несмотря на то, что сегодня человечество в целом уже не может обойтись без тех средств, которые лавинообразно заполонили жизнь. И это в определённой степени так. Но человек также способен изменять технократическую среду и формировать её таким образом, чтобы не потерять своей идентичности.

На наш взгляд, очень интересными в контексте информационного человека являются идеи универсального эволюционизма Н. Н. Моисеева. В своих работах он пристальное внимание уделил будущим угрозам и кризисам, которые ожидают человечество. Главное противодействие этим угрозам он видит в самом человеке, его культуре, нравственности и разуме. Главным посылом служит воспитание критичности мышления, а оно, в свою очередь, возможно только при формировании целостной картины мира у индивида и общества, реального восприятия себя, своего места в мире и обществе, при понимании происходящих процессов, их причин и возможных последствий. Воспитание критичности также является важнейшим элементом иммунитета общества, наилучшей защитой против информационных войн и спекуляций, дестабилизирующих последствий информационализма, против попыток чисток, искажения истории, стирания культурной самоидентификации.

По Н. Н. Моисееву, главным инструментом формирования целостного восприятия и критичности должно послужить образование, при чём в самом широком смысле. Повышение качества образования должно произойти не только в молодёжной среде, но и в семье и обществе в целом. Сформированная критичность и миропонимание призваны работать тем самым фильтром, антропологическим ограничителем и координатором информационной среды. Если человек не успевает адаптироваться самостоятельно к новым условиям и подвергается угрозам, ему необходимо сделать разумный шаг к выработке необходимых навыков к новой среде, что в контексте универсального эволюционизма Н. Н. Моисеева возможно совершить посредством выработки и усвоения норм экологического императива и формирования экологической культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милосердова Е. Н. Культурно-антропологические основания современной информационной среды: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2004. 24 с.
2. Шичанина Ю. В. Основные тенденции информационной антропологии // Спектр антропологических учений. Вып. 3 / отв. ред. П. С. Гуревич. М.: ИФРАН, 2010. С. 114–130.
3. Васильева С. Е. Проблема человека в «информационном обществе» [Электронный ресурс] // Журнал института наследия. 2021. № 1 (24). DOI: 10.34685/ИИ.2021.54.47.005 URL: <https://nasledie-journal.ru/ru/journals/47/412.html> (дата обращения: 12.01.2025).
4. Иоселиани А. Д. Антропология глобального мира: человек в современной коммуникативно-информационной сфере // Век глобализации. 2013. № 2. С. 143–154.
5. Моисеев Н. Н. Универсум. Информация. Общество. М.: Устойчивый мир, 2001. 200 с.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: Высшая школа экономики, 2000. 610 с.
7. Комелягина С. Е. ТНК и их роль в современных международных валютных и финансовых отношениях [Электронный ресурс] // Электронная наука. 2020. № 1. URL: <https://e-science-journal.ru/wp-content/uploads/2020/11/9.pdf> (дата обращения: 11.04.2025).
8. Вернадский В. И. Разум и труд человека как геологическая сила планеты // Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. С. 152–177.
9. Колин К. К. Информационная антропология: предмет и задачи нового направления в науке и образовании // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 17–1. С. 17–32.
10. Берг А. И. Кибернетика и общественные науки // Наука и жизнь. 1963. № 2. С. 12–16.
11. Еляков А. В. Информационное бытие современного человека // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 3. С. 245–258.
12. Нарыков Н. В., Деменьев С. В. Человек в информационной среде современного общества: амбивалентность природы и сущности информационного человека // Философия права. 2017. № 1 (80). С. 123–127.
13. Труфанова Е. О. Информационное перенасыщение: ключевые проблемы // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2019. № 1. С. 4–21. DOI: 10.17726/philIT.2019.1.16.1

14. Платонова С. И. Цифровое неравенство как новая форма социального неравенства // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024. № 6. С. 139–149. DOI: 10.25198/2077-7175-2024-6-139
15. Плужникова Н. Н., Саенко Н. Р. Власть техники и смена парадигмы в области технологий мышления // Социология. 2025. № 1. С. 152–156.
16. Караваев Н. Л. Об антропологических проблемах информационного общества // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2013. № 1. С. 65–73.
17. Ходикова Н. А. Критическое мышление и информационная грамотность // Культура и безопасность. 2021. № 3. С. 11–15. DOI: 10.25257/KB.2021.3.11-15

REFERENCES

1. Miloserdova, E. N. (2004). *Cultural and Anthropological Foundations of the Modern Information Space*: [dissertation]. Tambov (in Russ.).
2. Shichanina, Yu. V. (2010). Main Trends in Information Anthropology. In: *Spectrum of Anthropological Teachings*. Iss. 3. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences publ., pp. 114–130 (in Russ.).
3. Vasilyeva, S. E. (2021). The Problem of Men in the “Information Society.” In: *The Heritage Institute Journal*, 1 (24). DOI: 10.34685/HI.2021.54.47.005 Available at: <https://nasledie-journal.ru/ru/journals/47/412.html> (accessed: 12.01.2025) (in Russ.).
4. Ioseliani, A. D. (2013). Anthropology of the Global World: Man in the Modern Communication and Information Sphere. In: *Age of Globalization*, 2, 143–154 (in Russ.).
5. Moiseev, N. N. (2001). *Universe. Information. Society*. Moscow: Ustoichivyi mir publ. (in Russ.).
6. Castells, M. (2000). *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Moscow: Higher School of Economics publ. (in Russ.).
7. Komelyagina, S. E. (2020). Transnational Corporations and Their Role in Modern International Monetary and Financial Relations. In: *Electronic science*, 1. Available at: <https://e-science-journal.ru/wp-content/uploads/2020/11/9.pdf> (accessed: 11.04.2025) (in Russ.).
8. Vernadsky, V. I. (1989). Human Mind and Labor as a Geological Force of the Planet. In: Vernadsky, V. I. *Biosphere and Noosphere*. Moscow: Nauka publ., pp. 152–177 (in Russ.).
9. Kolin, K. K. (2011). Information Anthropology: Subject and Tasks of a New Direction in Science and Education. In: *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Culture and Arts*, 17–1, 17–32 (in Russ.).
10. Berg, A. I. (1963). Cybernetics and Social Sciences. In: *Science and Life*, 2, 12–16 (in Russ.).
11. Elyakov, A. V. (2008). Information Existence of a Modern Man. In: *Social and Humanitarian Knowledge*, 3, 245–258 (in Russ.).
12. Narykov, N. V. & Demenyev, S. V. (2017). Men in the Information Environment of Modern Society: The Ambivalence of the Nature and Essence of an Information Man. In: *Philosophy of Law*, 1 (80), 123–127 (in Russ.).
13. Trufanova, E. O. (2019). Information Overload: Key Issues. In: *Philosophical Problems of IT & Cyberspace*, 1, 4–21. DOI: 10.17726/phillT.2019.1.16.1 (in Russ.).
14. Platonova, S. I. (2024). Digital Inequality as a New Form of Social Inequality. In: *Intelligence. Innovations. Investments*, 6, 139–149. DOI: 10.25198/2077-7175-2024-6-139 (in Russ.).
15. Pluzhnikova, N. N. & Saenko, N. R. (2025). The Power of Technology and a Paradigm Shift in the Field of Mind Technologies. In: *Sociology*, 1, 152–156 (in Russ.).
16. Karavaev, N. L. (2013). On Anthropological Problems of the Information Society. In: *Philosophical Problems of IT & Cyberspace*, 1, 65–73 (in Russ.).
17. Khodikova, N. A. (2021). Critical Thinking and Information Literacy. In: *Culture and Safety*, 3, 11–15. DOI: 10.25257/KB.2021.3.11-15 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малыгин Василий Владимирович (г. Москва) – аспирант кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: wwm_1@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vasily V. Malyagin (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Philosophy, Federal State University of Education;
e-mail: wwm_1@list.ru

Научная статья

УДК 1(091)

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-3-35-44

«СВОБОДА» И «СВЕРХЧЕЛОВЕК»: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА ЖИЗНЕННЫЕ ИДЕАЛЫ В КИТАЙСКОЙ И ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

У Ян

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: wy990119@gmail.com

Поступила в редакцию 06.06.2025

После доработки 23.06.2025

Принята к публикации 01.07.2025

Аннотация

Цель. Сравнить философские концепции жизненных идеалов Чжуан-цзы и Ф. Ницше.

Процедура и методы. Работа выполнена на основе сопоставительного анализа понятий «сияющей свободы» и «сверхчеловека».

Результаты. Выявлены общие черты: стремление к высшей форме жизни, критика традиционных ценностей – и различия: восточная гармония против западной воли к власти.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обогащение межкультурного философского диалога, актуализация идеалов свободы в контексте современного гуманизма.

Ключевые слова: воля к власти, даосизм, жизненный идеал, сверхчеловек, свобода

Для цитирования:

У Ян. «Свобода» и «сверхчеловек»: сравнительный взгляд на жизненные идеалы в китайской и западной философии // Современные философские исследования. 2025. № 3. С. 35–44. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-35-44>.

Original research article

“SERENITY” AND “SUPERMAN”: COMPARATIVE VIEW ON THE LIFE IDEALS IN CHINESE AND WESTERN PHILOSOPHY

Yang Wu

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: wy990119@gmail.com

Received by the editorial office 06.06.2025

Revised by the author 23.06.2025

Accepted for publication 01.07.2025

Abstract

Aim. To compare Zhuangzi's and Nietzsche's philosophical ideas about life ideals.

Methodology. Comparative analysis of the notions of “serene freedom” and “bermensch” was used in the study.

Results. Both similarities, that are searching for higher life and critique of values, and differences, which consist in Eastern harmony and Western will to power, have been revealed.

Research implications. Enhancing intercultural philosophical dialogue and applying ideals of freedom to contemporary humanism are implications of the study.

Keywords: freedom, bermensch, life ideal, Daoism, will to power

For citation:

Yang Wu. (2025). "Serenity" and "Superman": Comparative View on the Life Ideals in Chinese and Western Philosophy. In: *Contemporary Philosophical Research*, 3, 35–44. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-35-44>.

Введение

Учения Чжуан-цзы и Фридриха Ницше имеют много общего, но в то же время разительно различаются, поэтому их часто сравнивают. В стремлении к высшей жизненной сфере теория «сияющей свободы» (сяо яо) Чжуан-цзы и философия «сверхчеловека» Ницше играли схожую роль в своих культурно-исторических контекстах. Оба мыслителя стремились восстановить и развить человеческую природу, достичь свободной и возвышенной человеческой сущности, подвергли глубокому анализу и критике традиционные ценности и бесконечно тяготели к образу идеальной личности. В статье проводится сравнительный анализ теоретических систем их учений о жизненной сфере с целью выявить особенности, взаимосвязь и различия философских взглядов Востока и Запада.

Сравнение философских работ Чжуан-цзы и Ницше, представителей восточной и западной философии, ярко демонстрирует разницу направлений Востока и Запада в исследовании высшей жизненной сферы. Однако как Чжуан-цзы с его «сияющей свободой», так и Ницше с его философией «сверхчеловека» глубоко осмыслили и подвергли критике традиционные ценности, стремясь к преобразованию и обновлению, исходя из любви к жизни. Сопоставляя философские поиски Чжуан-цзы и Ницше в плоскости жизненной сферы, анализируя их аргументацию и расхождения во взглядах, мы сможем глубже понять и сравнить стремление восточной и западной философии к жизненной сфере, что имеет важное значение для воспитания гуманистического духа современности [1].

Концепция «сияющей свободы»

Чжуан-цзы и философия «сверхчеловека» Ницше

Чжуан-цзы в главе «Путешествие в безмятежность» сравнивает великого Пэн-ню и малых существ вроде цикад и голубей, чтобы показать различие между «малым» и «великим». Он подчёркивает: не важно, малы ли по размеру слабые, но летающие цикады и голуби, огромен ли Пэн-ню, чьи «крылья подобны небесным облакам», или способный лететь по ветру Лице, все они ограничены тем, что «зависят от чего-либо» [2], т. е. от внешних и внутренних условий. Пока человек в своих стремлениях и проявлениях нуждается в опоре, он по своей сути не свободен. Чжуан-цзы утверждает: пока есть опора, невозможно достичь абсолютной независимости, пока есть зависимость, нельзя обрести истинную свободу. Только отказавшись от привязанностей к внешнему миру, стремясь к состоянию «без опоры», человек может и достичь подлинной свободы. Рассуждая о человеке и окружающих вещах, Чжуан-цзы раскрывает принцип: «Совершенный человек не стремится к личной выгоде, божественный человек не занимается подвигами, святой не жаждет славы и богатства», только такие люди могут достичь «сияющей свободы» [2].

На первый взгляд может показаться, что свободу ограничивают внешние условия, но, по Чжуан-цзы, её сдерживает субъективное сознание самого человека. Поэтому, чтобы обрести подлинную свободу, нужно не просто избавиться от внешней зависимости, но и освободить душу от внутренних оков. Чжуан-цзы утверждает, что силой, способствующей достижению состояния «без опоры», является «глубокое накопление», которое происходит благодаря постоянному

обращению к «опоре», но оно не всегда обязательно или достаточно. Так, в «Путешествии в безмятежность» Чжуан-цзы подчёркивает важность состояний и «без опоры», и «глубокого накопления».

Человек должен постоянно стремиться к обогащению знаний, накоплению опыта и развитию внутреннего мира, и только тогда он сможет достичь состояния «без опоры». «Глубокое накопление» ведёт к «всплеску» опыта и в итоге к свободе. На основе состояний «глубокого накопления» и «без опоры» Чжуан-цзы выдвигает метод достижения абсолютной свободы – состояние «отсутствия Я» («у цзи»), т. е. духовное преодоление всех субъективных и объективных, природных и социальных ограничений, устранение противоречия между собой и внешним миром, забвение всего, включая самого себя.

«Отсутствие Я» – высшая жизненная сфера в философии Чжуан-цзы и его конечное стремление. Однако «отсутствие Я» не означает пассивность, а, напротив, является путём возвышения к Великому Я. Пока человек не способен забыть себя, он неизбежно будет иметь привязанности и стремления к славе, богатству, эмоциям. Поэтому забвение себя – удел великого человека, сливающегося с миром: «Я – это мир, мир – это Я». И лишь тогда служение всему миру становится естественной необходимостью, что и приводит к гармонии человека и природы.

Процесс обоснования «сияющей свободы» Чжуан-цзы раскрывается в диалоге с Хуэй-цзы о пользе и бесполезности, где утверждается, что только тот, кто не приносит пользы миру, может быть по-настоящему свободен. Это отражает мысли Чжуан-цзы в главе «Поднебесная», где он говорит: «Мир погряз во мраке, с ним нельзя говорить о возвышенном. Простыми словами излагаю сложное, истинное выражаю вескими словами, раскрываю суть» [1]. Таким образом, через аллегории Чжуан-цзы формирует свои мысли, скрыто выражая концепцию «сияющей свободы».

Ницше же в «Так говорил Заратустра» через образ Заратустры проповедует философию сверхчеловека. Он наделяет сверхчеловека тремя образами: смыслом земли, океаном, очищающим грязный поток человечества, и молнией, зажигающей величайший опыт человека. Он критикует христианство за чрезмерное внимание к загробной жизни и душе и пренебрежение телом и реальной жизнью. Сравнивая сверхчеловека и «последнего человека» («не-человека»), Ницше подчёркивает: «последний человек» – это больное человечество, следующее морали рабов, не умеющее презирать и рефлексировать. Они лишь безмолвно принимают и довольствуются существующим порядком, их счастье, разум и мораль – «убогие, жалкие, мелкие удобства» [3].

Ницше говорит: «Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком... Человек велик, потому что он – мост, а не цель. Человек прекрасен, потому что он – переход, падение» [3]. Так выражается мысль, что человек не должен останавливаться на достигнутом, а обязан превзойти себя и стать сверхчеловеком.

В первой метафоре Заратустра критикует превозношение души и презрение тела в эпоху Бога, когда считалось, что душа желала покинуть тело и землю. Заратустра утверждает: такое преклонение перед будущим ведёт к забвению настоящего. Мы должны осознать значение текущего момента, а не возлагать всё на будущее.

Вторая метафора говорит о необходимости «великого презрения» – это акт онтологической рефлексии. Кто не умеет презирать, тот – «последний человек», чьё счастье – «жалкие удобства». Заратустра говорит: «Иногда они пьют немного яда, чтобы видеть приятные сны, но слишком много яда ведёт к тихой смерти» [3]. Постоянно пребывать в таком состоянии – всё равно, что принимать медленный яд.

Ницше выдвигает сверхчеловека на место умершего Бога, считая, что в этом имеется позитивный смысл – знамение конца эпохи обожествления и на-

чало «истории без Бога», где человек сам становится хозяином мира, переходя от мира запредельного к миру реальному. Относительно человека сверхчеловек становится носителем высшей ценности, обладает волей к власти, которая утверждает жизнь и бытие. Эта воля – не природная спонтанная, иррациональная сила, а нечто иное. Рациональность – это сдержанность, точность, логика, аскетизм. А воля к власти – это страсть, желание, энергия, борьба, изначальные силы жизни. Именно эти качества пробуждают субъектность человека, возвращают его к жизни, наполняя его жаждой к жизни и борьбой за неё.

«Свобода» и «сверхчеловек» как общая цель высшего жизненного уровня

Благодаря изучению аргументации наличия высшего жизненного уровня у Чжуан-цзы и Ницше мы можем увидеть, что, несмотря на различные культурные контексты и личные переживания, оба философа стремятся восстановить и развить человеческую природу до высшего и свободного состояния. Они критикуют традиционные ценности и бесконечно стремятся к идеальному человеческому образу.

У Чжуан-цзы и Ницше есть общие философские взгляды на высшее стремление к жизни.

Во-первых, как «свобода» Чжуан-цзы, так и «сверхчеловек» Ницше являются выражениями нигилизма. Это стремление к сверхреальному состоянию жизни, высшему жизненному уровню. Чжуан-цзы через описание животного, которое летит на ветру, проводит аналогию с человеком, объясняя, что высшее состояние жизни заключается в достижении подлинной свободы: «не иметь себя, не ожидать». Однако в реальной жизни не существует великого феникса с крыльями, подобными облакам, дотягивающимся до небес. Ницше заменяет «умершего Бога» на «сверхчеловека», который тоже является не конкретным человеком, а мифическим образом, вытеснившим Бога и получившим высшую позицию. Ницше полагает, что сверхчеловек

ещё не существует в реальности, это идеал будущего человека. Несмотря на то, что их пути разные, оба философа критиковали преобладавшие в их времени мысли и идеи, стараясь преодолеть мрак реальности, стремясь к новой духовной сфере.

Во-вторых, как Чжуан-цзы с его концепцией «свободы», так и Ницше с его «сверхчеловеком» являются поэтическими философами, использующими форму аллегории для выражения своих основных идей. Чжуан-цзы начинает с контраста между великой птицей Пэн и маленькими существами, такими как сверчок и голубь, постепенно раскрывая идею «свободы», которая является недостижимым состоянием. Ницше, в свою очередь, через персонажа Заратустры, который спускается с горы, чтобы научить людей сверхчеловечности, создаёт серию приключений и встреч, чтобы представить настоящий смысл сверхчеловека.

В-третьих, они оба критикуют реальность, не желая мириться с мелочностью и сиюминутными удовольствиями, что, несомненно, оказывает сильное духовное воздействие на развитие эпохи. Чжуан-цзы, представляя достижение состояния «свободы», заявляет, что «мир полон грязи, и нельзя говорить с человеком, который не понимает», а Ницше, который пренебрегает общим понятием счастья, считает, что разум и мораль – это лишь «убогие, грязные и жалкие удобства». Ницше, стремящийся стать сверхчеловеком, излучает образ одиночки, решительно противостоящего современному обществу. Чжуан-цзы остаётся спокойным и созерцательным, мирно и свободно идущим своим путём, в то время как Ницше – это фигура, полная силы и уверенности, одиночка, идущий по пути своих убеждений.

«Свобода» и «сверхчеловек» – различные философские подходы

В стремлении к высшему уровню человеческой жизни Чжуан-цзы и Ницше имеют общие черты, однако их теории, возникшие в разных исторических и культурных

контекстах, отражают разные направления и философские системы Востока и Запада по отношению к этой теме.

(а) Контекст размышлений

Чжуан-цзы жил в эпоху Сражающихся царств, когда на китайской земле царили распри и войны, общество было подвержено нестабильности, а жизнь простых людей была полна страданий. В то же время правители были коррумпированы и неэффективны, жестоко угнетая народ. Именно отчаяние и разочарование в политической ситуации привели Чжуан-цзы к желанию уйти от грязной политики и мирских забот. Он не мог бороться с жестокими правителями и, пытаясь освободиться от мрака реальности, выбрал путь невмешательства, чтобы обрести внутреннюю свободу и покой. Одновременно социальные изменения и разрушение рабовладельческой системы, переход к феодализму, развитие сельского и ремесленного производства и коммерции обеспечили определённые материальные гарантии для учёных и мудрецов, что также способствовало росту новых идей и философских течений.

Ницше, с другой стороны, жил в период правления Бисмарка, когда был установлен милитаристский режим, началась франко-прусская война, и в основном оформилась Германская империя. Чрезмерное стремление к удовлетворению материальных желаний привело к духовному опустошению и бедности. В своих мемуарах Ницше отмечает, что он «полон вселенским презрением» к окружающему миру. Он считал, что развитие христианства стало лишь ограничением человека, его душевным рабством. Ницше пропагандировал идею о «смерти Бога» и необходимость «переоценки всех ценностей». Для него Бог был просто духом, который принуждал людей смиряться с мыслями о смерти и уделять внимание жизни после смерти, а не настоящей жизни. Но для Ницше смерть Бога открывает путь к созданию новой ценности и трансцендентной фигуры – сверхчеловека.

Чжуан-цзы размышлял, как быть человеком в условиях хаоса и беспорядка, тогда как Ницше был уверен, что его философия

может спасти человечество от духовного кризиса.

(б) Сущность философии

Чжуан-цзы не считал полную отрешённость от мира свободой, но утверждал, что высшая форма человеческой жизни – это освобождение от мирских привязанностей и внешнего давления. Он восхищался древним даосизмом, который стремился к гармонии с природой и утверждал, что всё сущее, включая человеческие качества и идеи, на самом деле едино и не имеет чётких различий между добром и злом, истиной и ложью. Чжуан-цзы утверждал, что мир, несмотря на кажущиеся различия, на самом деле является единым целым.

Таким образом, Чжуан-цзы был сторонником природного пути (фактически, натурфилософии) и искал гармонию с природой, чтобы очистить душу от страданий современности, критикуя и превосходя мирские ценности. В этом заключается его представление о наилучшем, наиболее разумном человеческом существовании, которое он называл «свободой». Это свобода от внешних обстоятельств, от привязанностей и мыслей, которая, согласно Чжуан-цзы, является высшей целью жизни. Он верил, что человек, который идёт путём даосизма, не зависим от внешнего мира и внутренне свободен.

С другой стороны, Ницше создал образ сверхчеловека, который восхваляет жизненную силу. Его цель – максимальное расширение силы личности, освобождение от религиозных ограничений и возвышение человеческой природы. Сверхчеловек, по Ницше, – это тот, кто обладает сильной волей и способен создавать новые ценности, преодолевая традиционные ограничения. Это символ стремления к высшему жизненному уровню. Ницше утверждает, что жизнь – это борьба, и человек должен стремиться к максимальной реализации своего потенциала, чтобы достичь сверхчеловеческой силы.

Ницше призывает к «переоценке всех ценностей», отвергая традиционные религиозные и моральные нормы, и строит

новый мир, где человек – это создатель новых ценностей. Он противостоит слабости и подчинению и провозглашает «сверхчеловека» в качестве нового идеала для человеческой природы [4].

(в) Пути достижения

Чжуан-цзы учил, что для достижения состояния «свободы» необходимо практиковать «пустое созерцание» и «забвение сидя», чтобы освободиться от всех ограничений и вернуться к естественному состоянию (не напоминает ли это исихастскую философию умного делания?). Это позволяет человеку достичь состояния «гармонии с природой», где он может быть свободным от всех внешних и внутренних привязанностей. Согласно Чжуан-цзы, достижение свободы требует трёх условий: истинного знания, сохранения духа и воспитания добродетели. Только так можно освободиться от внешних и внутренних ограничений и достичь подлинной свободы.

Ницше в «Так говорил Заратустра» создаёт образ духовного преобразования человека в трёх этапах: верблюд, лев и ребёнок. Первый этап – это «верблюд», символизирующий способность к терпению и выносливости, к принятию тяжких условий жизни, как верблюд, который несёт груз через пустыню. Однако человек не должен оставаться в этом состоянии смирения, он должен преодолеть его. Второй этап – это «лев», символизирующий сопротивление и разрушение старых ценностей, готовность к сопротивлению и борьбе. Третий этап – «ребёнок», символизирующий созидание нового мира и новых ценностей. Ребёнок в философии Ницше – это новое начало, источник свободной и творческой жизни [5].

Таким образом, Чжуан-цзы и Ницше предлагают разные пути для достижения высшего состояния человека: один – через освобождение от внешних привязанностей и соединение с природой, другой – через борьбу, преодоление и созидание нового мира.

Сравнение философских взглядов Востока и Запада через концепцию «сверхчеловека» и «свободной жизни»

Любая настоящая философия является квинтэссенцией духа своего времени, откликом на основные темы своего времени, конечным размышлением и ответом на важнейшие реальные проблемы того времени. Чжуан-цзы и Ницше стремились достичь более высокого уровня жизни через свои интерпретации состояния бытия, будь то достижение «свободы» или становление «сверхчеловеком», они выражают глубокие размышления восточной и западной философии о времени и человеческой природе. Мы можем выделить и сопоставить философские взгляды Востока и Запада через их концепцию жизненного уровня, основанную на учениях Чжуан-цзы и Ницше.

Первое. Восточная и западная философия являются не фиксированными категориями, а историческим феноменом, который меняется в зависимости от развития общественной практики. Будь то «свобода» Чжуан-цзы или «сверхчеловек» Ницше, ни одно из этих учений невозможно рассматривать без привязки к историческому контексту и практическим условиям. Они несут в себе яркие следы истории и практики своего времени.

Второе. Восточная и Западная философия были под влиянием политической и экономической ситуации и в определённой степени отражали социальную действительность того времени. Именно глубокое разочарование и размышления о политической ситуации заставили Чжуан-цзы стремиться вырваться из мрака реальности, он искал свободу и покой для своего духа через принцип «недействия». А в период правления Отто фон Бисмарка, который проводил милитаристскую политику, развитие христианства, по мнению Ницше, являлось лишь сковывающим и ограничивающим фактором для человека. Его фраза «Бог мёртв» означала призыв к переоценке всех ценностей, что и привело к появлению концепции «сверхчеловека».

Социально-политические и экономические условия времени, в котором жили эти две личности, наложили отпечаток на их жизненные философии, а также отразили ситуации в обществах тех времён [6].

Безусловно, взгляды Чжуан-цзы и Ницше на жизненные уровни также демонстрируют различия между восточной и западной философией.

Во-первых, стремление Чжуан-цзы к состоянию «не ожидать», «не иметь власти над собой» отражает тот факт, что китайская философия по сравнению с западной делает больший акцент на совершенствовании моральных добродетелей человека. В учении Чжуан-цзы воспитание добродетелей предполагает следование естественности, гармонии с природой, достижение истины через очищение от лжи. Чжуан-цзы утверждает: «Моя жизнь ограничена, а знание безгранично. Если ограниченный идёт за безграничным, это опасно» [2]. Он не только считает, что стремление к знаниям и различению добра и зла излишне, но и отрицает возможность стремления к бесконечному знанию в пределах ограниченной человеческой жизни. Западная философия, в отличие от восточной, больше ориентирована на рациональное волеизъявление. В трёх стадиях философии Ницше человек стоит выше животного, а различие между человеком и животным заключается в рациональности. Ницше заменяет «Бога» на «сверхчеловека» как возвращение к человеческому пониманию, что означает окончание эпохи чрезмерного возвеличивания и мифологизации души. Человек избавляется от связанного с теологией прошлого и начинает самостоятельно управлять миром, стремясь к личной свободе, освобождению личности, сопротивляясь ограничениям со стороны церкви и требуя проявления своей субъектности и креативности. Это стало основой для рационализма в западной философии, и в переходе от божественного к рациональному виден важный шаг от потустороннего мира к миру земному. Мы возвращаемся от пустоты мира потусто-

ронного в реальный, рациональный мир, где человек находит себя [7].

Во-вторых, стремление к «свободе» и «сверхчеловечности» отражает акцент западной философии на дуализме субъекта и объекта, в то время как китайская философия проповедует единство человека и природы, тем самым сосредотачивая внимание на человеческих делах. Китайская философия предписывает «следовать небесам и приспособляться к миру», где человек и природа взаимозависимы и равны. Размышления о природе в китайской философии направлены на «достижение соотношения человека и небес», чтобы найти «небесные» основания для земного порядка с конечной целью решения человеческих проблем. Китайская философия почти всегда сочетается с политическими идеями, и политические цели являются её основой. Таким образом, Чжуан-цзы, стремясь к индивидуальной «конечной свободе», также настаивает на принципе «недействия» («недеяния») в политике. Функция философии в китайской традиции больше ориентирована на человеческие дела, ограничивая исследование природы и уделяя много внимания отношениям с окружающими [8]. Западная философия, акцентируя внимание на дуализме субъекта и объекта, стремится найти в отношениях человека и природы силы для творчества и ценности жизни, подчёркивает противостояние человека и природы, утверждая, что человек должен покорить и контролировать природу. В теории «сверхчеловека» Ницше важно то, что в последней стадии «дети» (человек) начинают создавать новую систему ценностей, открывая новый мир и символизируя настоящую независимость, самоопределение и возрождение, исследуя новые отношения между природой и человеком [9].

Иными словами, различия в подходах к философии Востока и Запада отражаются в стремлении к различным жизненным уровням. Это размышление может быть полезным при столкновении с жизненными трудностями. Мы должны научиться

сохранять не только энтузиазм и уверенность в жизни, но и отстранённый взгляд: только сочетая эти два аспекта, мы сможем найти баланс между страстью и спокойствием.

С другой стороны, мы видим, что, преодолевая ограниченность своей «местной» философии, Восток и Запад должны вернуться к философии как «дому» человеческого духа, максимально используя её способность к саморефлексии и критике, ведению диалога и восхождению человека на более высокий духовный уровень.

Заключение

Сравнительный анализ философских концепций «свободы» Чжуан-цзы и «сверхчеловека» Ницше демонстрирует, как восточная и западная философские традиции подходят к вопросу высшего жизненного идеала. Несмотря на различия в культурно-исторических контекстах, оба философа стремились освободить человека от оков навязанных норм, предлагая пути к духовной трансценденции.

Общие черты проявляются в критике традиционных ценностей, использовании аллегорий (образы птицы Пэн у Чжуан-цзы и Заратустры у Ницше) и акценте на внутреннее преодоление ограничений. Оба мыслителя выступали как бунтари-одиночки: Чжуан-цзы – через отстранённость от «мутного мира», Ницше – через радикальный пересмотр морали и отрицание религиозных догм. Различия коренятся и в их подходах к свободе. Для Чжуан-цзы идеал – это гармония с природой через «у-вэй» (не-деяние), достигаемая ме-

дитативными практиками («синь-чжай», «цзо-ван»). Его свобода – созерцательное растворение в Дао, отрицающее активное вмешательство в мир. Ницше же видел в «сверхчеловеке» воплощение «воли к власти» – творца, преодолевающего себя через «три метаморфозы духа» (верблюд, лев, ребёнок). Его свобода – это борьба, экспансия жизненных сил, созидание новых ценностей (табл. 1).

Культурные парадигмы здесь расходятся: китайская философия подчёркивает единство с природой и этику смирения, западная – рациональную активность и преобразование мира. Если Чжуан-цзы предлагает избавление от страданий через отказ от эго, Ницше призывает к преодолению декаданса через утверждение жизни (рис. 1).

Актуальность их идей сохраняется в современном мире. Концепция Чжуан-цзы напоминает о важности экологического баланса и внутренней гармонии в эпоху технологического отчуждения. Ницшеанский призыв к «переоценке ценностей» вдохновляет на борьбу с шаблонами мышления и поиск индивидуального пути.

Таким образом, диалог между «свободой» и «сверхчеловеком» обогащает понимание человеческой природы, предлагая два пути к подлинной свободе: через созерцательное единство с миром или через его активное преобразование. Этот контраст отражает не только культурные различия, но и универсальное стремление человека к самореализации, будь то в гармонии с природой или в борьбе за собственное величие.

Таблица 1 / Table 1

Авторский анализ сравнительной философии / The author's analysis of comparative philosophy

Категория / Category	Чжуан-цзы / Zhuangzi	Ницше / Nietzsche
Цель	Гармония с Дао	Преодоление человека
Метод	Созерцание, не-деяние	Воля к власти, борьба
Форма выражения	Притчи, парадоксы	Афоризмы, аллегории
Идеал	Безмятежность	Сверхчеловек

Источник: составлено автором.

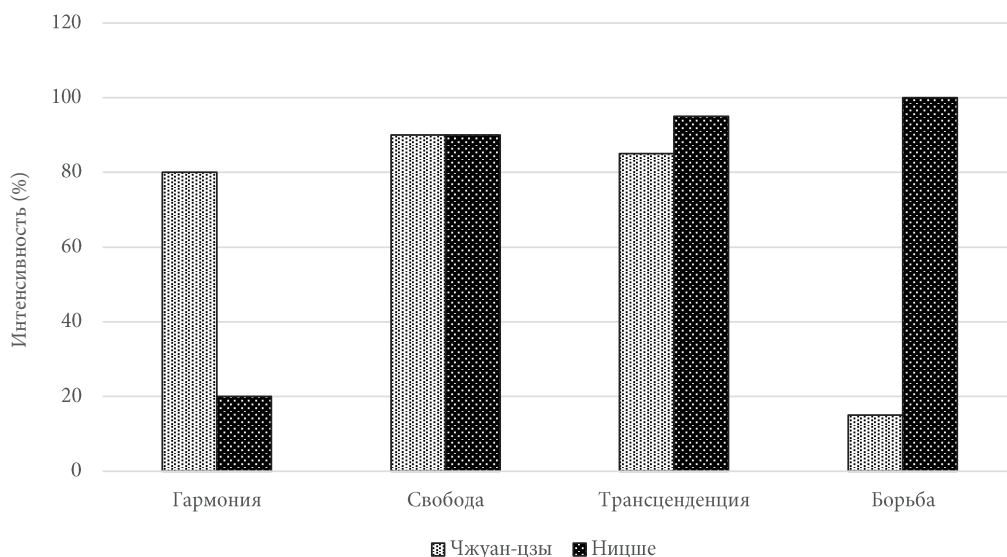

Рис. 1 / Fig. 1. Сравнение понятий жизненного идеала (визуализация философских концепций Чжуан-цзы и Ницше) / Comparison of the concepts of the ideal of life (visualization of the philosophical concepts of Zhuangzi and Nietzsche)

Источник: составлено автором.

ЛИТЕРАТУРА

1. 陈鼓应. 老庄新论. 北京:商务印书馆, 2008. 519 p.
2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Шанхай: Восточно-Китайское педагогическое издательство, 2009. 1118 с.
3. 罗森. 启蒙的面具 :尼采 的《扎拉图斯特拉如是说》. 吴松江, 译. 沈阳 :辽宁教育出版社, 2003. 85 p.
4. 许美平. 鲲鹏寓言 的定位 - 兼谈 - 条读《庄》义法 . 中国哲学史, 2017 (1). P. 12 - 17.
5. 王朝华. 《逍遥游》主旨论析 // 南昌大学学报(人文社 会科学版), 2014 (4). P. 44 - 49.
6. 涂早玲. 中国古代“个体”思想的现代阐释 - 论儒家 “君子”之道与庄子“至人”追求的正反合 [J] // 哈尔滨 师范大学社会科学学报, 2017 (3). P. 94 - 98.
7. Горбунов А. С. Воспитание личности и социальная ответственность средств массовой коммуникации // Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения. 2023. № 4 (34). С. 162-166.
8. Драгун Е. В., Колесниченко Ю. В. Благородный муж как модель гибридной личности в этико-политическом учении Конфуция // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2024. № 3 (69). С. 224-234. DOI: 10.26456/vtphilos/2024.3.224.
9. Майкова В. П., Молчан Э. М. Метафизика мировоззренческих универсалий // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право: сборник научных трудов: материалы III Ежегодной Международной научно-практической конференции, Всероссийского круглого стола и Всероссийских научно-практических конференций, Москва, 16 мая - 27 ноября 2024 г. М.: Московский психолого-социальный университет, 2024. С. 2226-2231.

REFERENCES

1. 陈鼓应 (2008). 老庄新论. 北京: 商务印书馆.
2. Nietzsche, F. (2009). *Thus Spoke Zarathustra*. Shanghai: East China Pedagogical publ., 2009. 1118 p.
3. 罗森 (2003). 启蒙 的面具 :尼采 的《扎拉图斯特拉如是说》. 吴松江, 译. 沈阳 :辽宁教育出版社.
4. 许美平 (2017). 鲲鹏寓言 的定位 - 兼谈 - 条读《庄》义法 . 中国哲学史, 1, 12 - 17.
5. 王朝华 (2014). 《逍遥游》主旨论析. 南昌大学学报(人文社 会科学版), 4, 44 - 49.

6. 涂早玲 (2017). 中国古代“个体”思想的现代阐释 – 论儒家“君子”之道与庄子“至人”追求的正反合 [J]. 哈尔滨 师范大学社会科学学报, 3, 94 – 98.
7. Gorbunov, A. S. (2023). Personality Education and Social Responsibility of Mass Media. In: *Humanitarian Bulletin of the Military Academy of Strategic Rocket Troops*, 4 (34), 162–166 (in Russ.).
8. Dragun, E. V. & Kolesnichenko, Yu. V. (2024). The Noble Man as a Model of Hybrid Personality in Confucius's Ethical and Political Teachings. In: *Herald of Tver State University. Series: Philosophy*, 3 (69), 224–234. DOI: 10.26456/vtphilos/2024.3.224 (in Russ.).
9. Maikova, V. P. & Molchan, E. M. (2024). Metaphysics of Worldview Universals. In: *Actual Problems of Modern Russia: Psychology, Pedagogy, Economics, Management and Law: Collection of Scientific Papers: Proceedings of the III Annual International Scientific and Practical Conference, All-Russian Round Table and All-Russian Scientific and Practical conferences, Moscow, May 16 – November 27, 2024*. Moscow: Moscow University of Psychology and Social Sciences publ., pp. 2226–2231 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

У Ян (г. Москва) – аспирант кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: wy990119@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yang Wu (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Philosophy, Federal State University of Education;
e-mail: wy990119@gmail.com

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Original research article

УДК 101

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-3-45-57

ON THE FUNCTIONS OF PHILOSOPHY

Ya. Bondareva^{1*}, Yu. Kolesnichenko¹, D. Kostadinovic²

¹ Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

² University of Niš, Niš, The Republic of Serbia

*Corresponding author, e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Received by the editorial office 19.05.2025

Revised by the author 04.06.2025

Accepted for publication 16.06.2025

Abstract

Aim. Based on philosophical methodology, to reveal in detail the content and functions of philosophy both as a science and as a theoretical worldview.

Methodology. The work is carried out on the basis of an “expansion” approach, a systems approach using classification methods and comparative analysis.

Results. The functions of philosophy include: functions of the ontological-gnoseological block (ontological, gnoseological informational, integrative, explanatory, descriptive, terminological), functions of the historical block (historical, accumulative, communicative, reconstructive), functions of the logical block (the logical function proper, the functions of proof, rationalization, teleological), functions of the methodological-methodical block (methodological; methodical; nomonological, generative, critical, axiological, algorithmization function), functions of the ideological block (didactic, educational, propaganda, agitation, ethical, aesthetic, cultural, normative and the ideological function proper), functions of the practical block (praxeological, criterial, mobilization, organizational, regulatory).

Research implications. The results of the study can be used to improve the methodological competencies of both teachers of philosophical disciplines and students.

Keywords: function, ontology, epistemology, methodology, worldview, praxeology.

For citation:

Bondareva, Ya. V., Kolesnichenko, Yu. V. & Kostadinovic, D. (2025). On the Functions of Philosophy. In: *Contemporary Philosophical Research*, 3, 45–57. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-45-57>.

Научная статья

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ ФИЛОСОФИИ

Бондарева Я. В.^{1*}, Колесниченко Ю. В.¹, Костадинович Д.²

¹ Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

² Университет в Нише, г. Ниш, Республика Сербия

*Корреспондирующий автор, e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.05.2025

После доработки 04.06.2025

Принята к публикации 16.06.2025

© CC BY Бондарева Я. В., Колесниченко Ю. В., Костадинович Д., 2025.

Аннотация

Цель. На основе философской методологии детально раскрыть содержание и функции философии и как науки, и как теоретического мировоззрения.

Процедура и методы. Работа выполнена на основе «расширительного» подхода, системного подхода с использованием методов классификации и сравнительного анализа.

Результаты. К функциям философии относятся: функции онтолого-гносеологического блока (онтологическая, гносеологическая информационная, интегративная, объяснительная, описательная, терминологическая); функции исторического блока (историческая, аккумулирующая, коммуникативная, реконструктивная); функции логического блока (собственно логическая функция, функции доказательства, рационализирования, телеологическая); функции методолого-методического блока (методологическая, методическая, номонологическая, генеративная, критическая, аксиологическая, функция алгоритмизации); функции мировоззренческого блока (дидактическая, воспитательная, пропагандистская, агитационная, этическая, эстетическая, культурологическая, нормативная и собственно мировоззренческая функции); функции практического блока (праксиологическая, критериальная, мобилизационная, организационная, регулятивная).

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в совершенствовании методологических компетенций как у преподавателей философских дисциплин, так и у обучающихся.

Ключевые слова: гносеология, методология, мировоззрение, онтология, праксиология, функция

Для цитирования:

Бондарева Я. В., Колесниченко Ю. В., Костадинович Д. On the Functions of Philosophy // Современные философские исследования. 2025. № 3. С. 45–57. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-45-57>.

Introduction

As a rule, in scientific and educational literature, the functions of philosophy are reduced to the three most obvious: ideological, cognitive and methodological. However, they do not fully reveal the functional capabilities of philosophy, which are much broader. At the same time, a certain doubt arises about the logic, the sequence of presenting the functions of philosophy to the reader. It would be logical to name them in the following order: cognitive function → methodological function → ideological function.

If a worldview is considered a system of ideas about the world as a whole, then ideas are a product of cognition, which is closely connected with the «work» of either everyday, empirical methodology or scientific methodology. The above remark is due to a critical attitude towards the positions of researchers who do not always show sufficient attention to the laws of logic. At the same time, even such a reduced approach to the interpretation of the functions of philoso-

phy indicates the presence of similar functions in science, therefore, it contains a statement about the functional unity of science and philosophy. In our opinion, philosophy performs at least ten functions in the life of society. Let us call this vision the position of “timid” expansion of the functional capabilities of philosophy. In particular, V. V. Mironov sees in philosophy the function of worldview interpretation, methodological, heuristic, integrative or synthetic [1, p. 233–238]. Here, in addition to those already named, an integrative function is introduced.

O. N. Strelnik also argues in this “delicately expansive” manner, distinguishing the ideological, synthetic, critical and methodological functions of philosophy.¹ Of course, philosophy has these functions, but they do not give a complete picture of its social capabilities.

This also includes researchers who propose to distinguish the ideological, cognitive functions of philosophy, as well as the function of

¹ Стрельник О. Н. Философия: конспект лекций. М.: Юрайт, 2010. С. 12–13.

social and cultural criticism, methodological, prognostic and constructive functions.¹

Many authors identify six functional capabilities of philosophy: ideological, epistemological, integrative, cultural, methodological and ethical.² One of the most common is the conclusion that philosophy performs eight main functions in the life of society: a) ideological; b) methodological; c) prognostic; d) school of theoretical thinking and wisdom; d) critical; e) axiological; g) social; h) humanitarian.³

A somewhat different position from the previous one is that of A. A. Sychev, who believes that philosophy performs eight main functions. Unlike the previous point of view, he does not name the functions of the school of theoretical thinking and the social function, replacing them with a humanistic and integrative one.⁴

By presenting these variants of interpretation of the functions of philosophy, emphasizing their differences, the author of the book aims to solve the main task – to prove the fact of the functional unity of science and philosophy. The first, as already noted, is characterized by all functions without exception, which are presented in different versions on the pages of philosophical works by different authors.

And yet, in our opinion, philosophy performs ten or more functions in the life of society. This point of view is largely fair. Its supporters highlight the following functions of philosophy: 1) ideological; 2) fundamental; 3) methodological; 4) epistemological; 5) logical; 6) educational; 7) axiological; 8) integrative; 9) critical; 10) regulatory; 11) prognostic.⁵

Despite the fact that the list of the named functions is not without some contradictions and omissions, its focus on a more complete disclosure of the functional capabilities of philosophy is important. And this focus again shows the functional unity of science and philosophy.

We would like to draw special attention to the approach that highlights the following functions of philosophy: integrative (synthetic); critical; ontological; methodological; ideological; selective; speculative-predictive; epistemological; the function of an auxiliary criterion of truth derived from practice.⁶

If we distinguish between the “ideological and methodological functions of philosophy, then the following should be attributed to the former:

a) the humanistic function helps to comprehend life, find its meaning and strengthen one's spirit.

b) the socio-axiological function includes the following subfunctions:

– constructive and holistic development of ideas about values (goodness, justice, truth, beauty),

– formation of ideas about the social ideal (the relationship between the individual and society),

– interpretation of social reality,

– criticism of structures, states of social reality, discrepancies between social reality and ideals.

c) the cultural and educational function protects a person from the superficial and narrow framework of the everyday type of thinking; cultivates the subject's ability not to bypass cognitive contradictions.

d) the reflective and informational function includes the development of a worldview that corresponds to the modern level of science, historical practice and the intellectual requirements of a person.

Methodological functions of philosophy (relation to science):

– heuristic (formation of hypotheses and theories),

– coordinating (coordination of methods),

– integrating (between scientific disciplines),

– logical-gnoseological (special sciences need logic, gnoseology, general methodology of knowledge).⁷

¹ Волкогонова О. Д., Сидорова Н. М. Основы философии. М.: ИД Форум: Инфра-М, 2013. С. 17.

² Бучило Н. Ф., Чумаков А. Н. Философия: учебное пособие. М.: Пер СЭ, 2001. С. 32–35.

³ Философия / под. ред. В. Н. Лавриненко, В. П. Ратникова. М.: ЮНИТИ, 2001. С. 21–22.

⁴ Сычев А. А. Основы философии. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2008. С. 12–13.

⁵ Данильян О. Г., Тараненко В. М. Философия. М.: Эксмо, 2007. С. 40–42.

⁶ Философия / отв. ред. В. П. Кохановский. 16-е изд. Ростов н/Д.: Феникс, 2007. С. 146.

⁷ Вечканов В. Э. Философия. 2-е изд., стер. М.: Экзамен, 2007. С. 11–12.

What is interesting about this approach to the functions of philosophy? Firstly, by its unique definition of the essence of functions. It is unlikely that one can fully agree with it, since the definition of a function lacks an ontological basis, but the hint at a function as a manifestation of the activity of a phenomenon in an environment deserves attention. Secondly, the desire to systematize the functions of philosophy into two groups is of interest: ideological and methodological. Thirdly, the attempt to present their essence through subfunctions is interesting. In our opinion, the task has not been fully solved, it is quite contradictory and unproven [2]. But that is another matter. Without entering into a discussion, we emphasize that this author also illustrates the functional unity of science and philosophy.

Taking into account the above, we can draw several conclusions:

1. There is no unity among scientists regarding the essence of the functions of philosophy.

2. The functions of philosophy are interpreted in a very wide range.

3. Most researchers see the functional basis of philosophy in the unity of its three main functions: epistemological, methodological and ideological.

4. It is recognized that the named functions do not exhaust the entire diversity of the functions of philosophy.

5. The functions of philosophy have not been fully studied. Work in this direction should continue.

6. The functions of philosophy are diverse, but at the same time their systematization is possible.

7. Only through movement towards the essence of the real social functions of philosophy is it possible to come to its understanding.

8. The functions of philosophy are dialectically variable phenomena, not static.

9. The functions of science and philosophy (if we understand science as a specific social phenomenon) coincide not only in the main things, but also in the details, which gives the right to speak of their unity. It would seem that having made the above conclusions, it would be possible to put an end to the eter-

nal dispute about whether philosophy is a science. At the same time, this study is aimed at a complete (as far as possible today) disclosure of the system of functions of philosophical knowledge in the interests of solving two problems: a) showing the unity of science and philosophy; b) confirming the practical possibilities of the latter.

Having confirmed the practical status of philosophy, we can talk about the special practical significance of the philosophical, general scientific algorithm of cognition. Based on the above positions of scientists and moving towards the object of philosophy, it becomes possible to solve two groups of problems: to determine the essence of the entire set of functions of philosophical knowledge and then group them.

So, let us present the whole variety of social functions of philosophy; let us try to logicalize them (coordinate, subordinate); let us collect them into certain “essential” blocks; let us show the logic of the “work” of these “blocks”; let us prove that philosophy is functionally a science. Let us begin by trying to present as fully as possible the functions that philosophy performs in our lives. Philosophy studies the laws of nature, society and consciousness in unity, therefore, it must function in nature, society and human consciousness. Let us try to single out its functions on an ontological basis, and not on the basis of the opinions of even very authoritative researchers. For greater clarity, let us divide the functions under consideration into conditional blocks.

Functions of the ontological-gnoseological block

Philosophy, like other sciences, has always performed, performs and will perform the ontological function. First of all, let us pay attention to the interpretation of the essence of the ontological function in modern philosophical literature. In reflections on the main functions of dialectics, the ontological function is called the first, the main one, which is very important.

The *ontological function* is the movement of philosophical knowledge for objective reality in all its manifestations, while the prob-

lems of cognition are derivatives of the being of things.

The content of the ontological function of philosophy is expressed here in several interconnected positions:

a) philosophy represents reality in the unity of all its attributes,

b) it is a system of ideas about the general properties and patterns of the real world,

c) these ideas are formed on the basis of the synthesis of concepts and principles of science,

d) philosophy, realizing its ontological function, develops "models" of reality.

It should be recognized that philosophy is characterized by both the synthesis of scientific knowledge and the creation of models of reality. However, in the context of reflections on the ontological function of philosophy, one cannot fully agree with this position. The main thing in it is following the objects of reality and presenting it in the unity of all its components.

The ontological function of philosophy manifests itself in the fact of its creation of a doctrine of being, called «ontology» in science. It should be noted that it is philosophy that studies being as such, comprehending reality in all its diversity. Private and branch sciences also have an ontological base, studying some fragments of reality. At the same time, they perform an ontological function only in relation to the phenomena of their subject areas.

To summarize, we note that philosophy has a clearly expressed ontological function, the content of which becomes even more obvious in the form of the content of other functions that it performs as a science.

Philosophy is fully characterized by *the cognitive function* (it is also *gnoseological*, it is also *epistemological*). Researchers interpret this function quite broadly. There are scientists who rightly believe that the *gnoseological* function of philosophy is to cognize the essence of the phenomena of real reality.¹ Others believe that the cognitive function of philoso-

phy is the study of man's place in the world.² While sharing this approach in its main features, some authors note that it finds its main expression in the focus on the search for truth and the definition of its criteria.³ There is a position according to which the epistemological function of philosophy consists in studying the cognitive process itself, and not the material objects themselves.⁴

In our opinion, the content of the epistemological function of philosophical knowledge is as follows:

a) in the creation and development of a real, productive, in many ways universal theory of reflection,

b) in determining the content of philosophical, general scientific forms of knowledge,

d) in the development of philosophical, general scientific algorithms for cognition of phenomena,

d) in the creation of a theory of truth and the definition of criteria, mechanisms for its indication.

It seems that the above arguments are sufficient to recognize the epistemological function of philosophy as really existing and having its own, in many ways original content.

The ontological and epistemological possibilities of philosophy receive their logical development in its *information function*. It should be noted that, firstly, the very process of development of philosophical knowledge is a carrier of colossal amounts of information, understood both narrowly and broadly. Secondly, philosophy has worked and works in the interests of obtaining new information about the phenomena of reality, comprehending their ways of exchanging signals with each other. Thirdly, philosophy has developed and is developing theories, methodologies of the methods of «extracting» new information

² Волкогонова О. Д., Сидорова Н. М. Основы философии. М.: ИД Форум-Инфра М, 2013. С. 17.

³ Моисеева Н. А., Сороковикова В. А. Философия: краткий курс. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2010. С. 21.

⁴ Философия / отв. ред. В. П. Кохановский. 16-е изд. Ростов н/Д.: Феникс, 2007. С. 146; Кохановский В. П. Основы философии науки. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов. М.: Феникс, 2008. С. 333.

¹ Данильян О. Г., Тараненко В. М. Философия: учебник. М.: ЭКСМО, 2007. С. 41.

about phenomena. Fourthly, all sciences have an information function. The peculiarity of the information function of philosophy lies in the understanding of the processes of information exchange not only within the three universal environments (nature, society and consciousness), but also between them. No other science deals with this directly [3].

Fifthly, each science, receiving information from its subject field, seeks its practical application. Thus, in the works of economists one can find the following conclusions: "Information is all the data that people need to understand their activities in the world of economics."¹ Or: "Information is data, information, values of economic indicators that are stored, processed and used in the development of economic decisions in management" [4, p. 48]. As can be seen, they are focused on practical use only in the world of economics. Philosophy, having a wide information field, has a more capacious base for the practical implementation of its information function.

Characterizing the essence of the information function of philosophy, we will once again emphasize its information unity with all sciences.

The diversity of information obtained in all sciences gives rise to the need for its integration into a certain holistic formation. Philosophy, like other sciences, is characterized by an *integrative* ("synthetic", "integrating") function. Almost all authors agree that the essence of this function in philosophy is the combination of practical, cognitive and value experience.² There are researchers who, without denying the above, emphasize that the knowledge provided by individual disciplines is so diverse that it needs to be brought together into a single, holistic system.³

One cannot ignore the position according to which the essence of the synthetic function of philosophy is that it «is the quintessence of the main ideas and values of a particular historical era, uniting various forms of culture into a single semantic whole. Philosophy is a form of spiritual culture that acts as an integrator of all other forms.»⁴

In our opinion, the integrative function of philosophy is interpreted here somewhat broadly, within the framework of the presentation of philosophy as a cultural phenomenon. Let us try to reveal the essence of the integrative function of philosophy as a science.

1) Philosophy could not exist and develop without the integration of its information, the meanings of its subject area.

2) At all times, philosophical science has developed and will develop on the basis of data from other sciences, without the integration of which such development seems hardly possible.

3) Philosophical knowledge is multifaceted, diverse, without its integration it could not be used as a theoretical and methodological basis for other sciences.

4) Philosophical science participates in understanding cultural phenomena. Its capabilities and productivity in this regard depend on the degree of integration of philosophical knowledge, which is often multidirectional.

5) Philosophy performs explanatory, descriptive and conceptual functions. Integrated philosophical knowledge acquires social significance if it is explained, described and terminologically and conceptually fixed, and also if it works in the interests of explaining, describing and terminologically (conceptually) expressing information appearing in society, obtained by other sciences. We will not detail the essence of the named functions, since this has already been done by the authors of many works.⁵ In this context, we will cite just one interesting and specific thought, according to

¹ Липсиц И.В. Экономика: учебник. 3-е изд., стер. М.: Омега-Л, 2007. С. 19, 651.

² Данильян О. Г., Тараненко В. М. Философия: учебник. М.: ЭКСМО, 2007. С. 41; Кохановский В. П. Основы философии науки: учебное пособие. 2-е изд. Ростов н/Д.: Феникс, 2003. С. 331.

³ Моисеева Н. А., Сорокикова В. А. Философия: краткий курс. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2010. С. 21; Бучило Н. Ф., Чумаков А. Н. Философия: учебное пособие. М.: Пер СЭ, 2001. С. 33.

⁴ Стрельник О. Н. Философия: конспект лекций. М.: Юрайт, 2010. С. 13.

⁵ Кохановский В. П. Основы философии науки: учебное пособие. 2-е изд. Ростов н/Д.: Феникс, 2003. С. 16; Бучило Н. Ф., Чумаков А. Н. Философия: учебное пособие. М.: Пер СЭ, 2001. С. 218, 221.

which the social functional purpose of philosophy is a dual task: “to explain social existence and to promote its material and spiritual change.”¹ There is no doubt that philosophical knowledge actively works in this regard.

It should be noted that philosophy is an accumulator of historical information, performing an accumulating function in science. Today it is obvious that the knowledge accumulated by philosophy is in demand in the scientific community. This is manifested in a very wide range: from the opportunity to “show off” some philosophical conclusion to the use of a philosophical algorithm, a philosophical “code” of knowledge. Accumulation of knowledge about all phenomena of being without exception gives rise to certain communicative processes both in philosophy itself and between sciences and subjects of practice, forming *the communicative function* of philosophical knowledge.

In presenting the historical purpose of philosophy, one should pay attention to its reconstructive function. Experience shows that in a number of cases it was the philosophical reconstruction of the past that brought us closer to the truth.

Thus, the historical block of functions of philosophy is an organic connection of its historical, cumulative (accumulating), communicative and reconstructive capabilities. Characterizing the historical block of functions of philosophy, it is necessary to emphasize its organic unity with the «ontological» block, determined by the objective, existential course of historical events that cannot really exist, develop and function without the existence of phenomena.

Functions of the “historical” block

Philosophy has a very serious historical purpose, in which its historical function is clearly expressed. To a greater or lesser extent, all sciences without exception perform this function. This usually depends on the age and productivity of a particular science.

Philosophy accumulates historical information, being one of the most ancient scienc-

es, therefore, its historical component is the most saturated. At the same time, philosophy is also a fragment of the historical process, which is additional evidence of the fulfillment of its historical function. Reflecting on *the historical function* of philosophy, it will be appropriate to draw a conclusion about the essence of history: “History is a temporal sequence of world events that create a certain reality, as well as a record in the form of the usual temporal succession of one event after another (i.e. in the form of a chronicle).”² There is no doubt that philosophical knowledge actively works in this regard.

It should be noted that philosophy is an accumulator of historical information, performing *an accumulating function* in science. Today it is obvious that the knowledge accumulated by philosophy is in demand in the scientific community. This is manifested in a very wide range: from the opportunity to “show off” some philosophical conclusion to the use of a philosophical algorithm, a philosophical “code” of knowledge. The accumulation of knowledge about all phenomena of existence without exception gives rise to certain communicative processes both in philosophy itself and between sciences and subjects of practice, forming *the communicative function* of philosophical knowledge.

In presenting the historical purpose of philosophy, one should pay attention to its *reconstructive function*. Experience shows that in a number of cases it was the philosophical reconstruction of the past that brought us closer to the truth.

Thus, the historical block of functions of philosophy is an organic connection of its historical, cumulative (accumulating), communicative and reconstructive capabilities. In characterizing the historical block of functions of philosophy, it is necessary to emphasize its organic unity with the «ontological» block, determined by the objective, existential course of historical events, which cannot really exist, develop and function without the existence of phenomena.

¹ Философия / под. ред. В. Н. Лавриненко, В. П. Ратникова. М.: ЮНИТИ, 2001. С. 22.

² Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА, 2011. С. 191.

Functions of the logical block

The process of cognition is impossible without a logical basis, acting both in the course of studying the phenomena of reality and in the interests of interpreting the results of cognition and their practical use. In a word, following the epistemological block of functions of philosophy, there is a need to pay attention to the content of the logical block of its functions.

Let us pay attention to the content of the *logical function* of philosophy itself. Gnoseology, based on the ontological basis, offers scientific forms of understanding, cognition of the phenomena of reality, being at the same time the basis for the formation of the logic of cognition of phenomena. The division of epistemology and logic is quite conditional and is permissible only in the procedures of studying the mechanism of cognition itself. In real life, they are organically connected.

If the requirements of the laws of logic (both formal and dialectical) are violated during the process of cognition, it cannot be qualified as scientific. On the contrary, compliance with the laws of logic contributes to the understanding of truth, which is the main task of science. It should be noted that philosophy in the process of its historical development has taken, takes and will take part in the development of the logic of scientific knowledge. The logical function is inherent in all sciences, including philosophy, which speaks of their functional unity. In the context of this work, the logical possibilities of philosophy are of particular interest. Let us consider them.

Firstly, the science of logic was born in the depths of philosophical knowledge.

Secondly, philosophy substantiated the essence of the laws of formal and dialectical logic.

Thirdly, philosophy has broad and objective possibilities for the modern development of logic. Despite the fact that all sciences perform a logical function, their logical components are different. Philosophy has a powerful logical potential, since it proposes to consider phenomena in their connections, subordination, correlation and coordination, that is, in logical dependencies.

Fourthly, philosophical knowledge has made a significant contribution to the substantiation of logical forms (terms, judgments, inferences, hypotheses, theories, etc.).

The logical block of functions of philosophy is difficult to imagine without the *function of goal-setting (or teleological function)*. Having received knowledge, logically comprehended it, described and explained it, it is possible to clearly define both the goals of further cognition of phenomena of a specific subject area, and to determine the goals of their practical use.

Thus, the logical block of functions of philosophy is represented by: the logical function itself, the functions of proof, rationalization (rationalization) and the teleological function.

Functions of the methodological and methodical block

This block occupies a special place in the system of functions of philosophy. In our opinion, it is mainly expressed by the following functions: *methodological*; *methodical*; *nomonological (identification of the laws of its subject area)*; *generative*; *critical*; *evaluative (axiological)*; *function of algorithmization*.

Gnosiology and logic form the methodology of cognition and transformation of the phenomena of reality. Philosophical science, combining epistemological and logical components, offers the world a philosophical methodology, which has already been said a lot on the pages of this work.

Methodical function. If we understand this function as “the concretization of the method, bringing it to the instruction, algorithm, clear description of the mode of existence” [5, c. 23], then we can conclude that philosophy has this function. This is expressed in the following:

a) the very fact of the presence of methodological possibilities of science presupposes the solution of methodological problems (what methodological tools to use and in what sequences),

b) it is well known that methodology is methodology in action,

c) the methodology expresses and develops the methodology,

d) the methodology itself develops under the influence of not only theory, but also methodology.

The methodological and methodical functions are inherent to varying degrees in all sciences. Philosophical methodology and methods have general scientific application.

One of the most important indicators of the scientific nature of knowledge is the possibility of its algorithmization, the implementation of which is *the algorithmic function* of science. Its essence lies in the combination of epistemological, logical, methodological and methodical capabilities of a particular science, the result of which is the development of a system of rules that optimize the knowledge of phenomena in the subject area of a particular science.

An algorithm of cognition that works in practice, offered by a specific science, allows us to talk about its algorithmic capabilities, about its algorithmic function. Philosophical science also has this function, realized through the mechanism of the philosophical (general scientific) algorithm of cognition and transformation of the phenomena of reality.

Of particular interest to modern science is *the monological function* of philosophy. It is not often highlighted by researchers, but its importance for science is difficult to overestimate. Its essence lies in identifying the laws of the subject area of a particular science on the basis of epistemology, logic, methodology, methods and the use of the algorithm of cognition. In philosophy, this function works to identify general scientific laws. The ontological basis of the laws of philosophy are all stable, essential and necessary connections between the phenomena of nature, society and consciousness.

Cognition and understanding of the laws of science, their practical use leads to the formation of its evaluative (axiological) function. It is the discovery of laws that determine the emergence, development and existence of phenomena that allows them to be assessed objectively, to answer the question of what they are in essence. This is how *the evaluation function* is born in any science, including philosophy. The evaluation function works in two

planes: theoretical and practical. The theoretical plane involves assessing the performance of science's ontological, epistemological, logical, methodological, methodical functions, and the practical plane requires assessing their practical implementation. Based on this understanding of the evaluation function, we can state that it is fully inherent in philosophy.

Evaluation of phenomena is inextricably linked with criticism, which allows us to answer objectively a number of questions: what has been achieved in the course of cognition and practice, and what has not; has it been possible to achieve a true understanding of the essence of phenomena; what prevented this, etc.

It should be noted here that philosophy has performed, performs and will perform *a critical function* in relation to all phenomena and processes of reality. Reflecting on the content of the evaluative and critical functions of philosophy, one cannot help but notice that the objects of evaluation and criticism on the part of philosophy are all processes of reality: processes within philosophy itself; processes occurring in science as such; - processes of real being.

Methodology, methodological, monology, working both in the interests of obtaining new knowledge about the phenomena of being and in the interests of changing the world, form the generative function of science in general and philosophy in particular. On the basis of previously obtained philosophical knowledge, new knowledge is generated, new practical possibilities of philosophy are discovered. The belonging of the generative function of philosophy to this block is obvious. Thus, the methodological and methodical block includes the methodological, methodical, algorithmic, monological, evaluative, critical and generative functions of philosophy.

Functions of the worldview block

Philosophy obviously influences people's worldview. This is so evident that some authors, denying the scientific nature of philosophy, present it exclusively as a worldview. This approach to philosophy is incorrect, which has already been proven earlier. Let us consider in detail the essence

and composition of the functions that form its worldview block.

Philosophy has performed, performs and will perform a *didactic function*. Its essence is represented by the processes of cognition of reality and training (education) of people, during which their worldview is formed. They work in the interests of people acquiring knowledge about the phenomena of reality, without which a person's worldview cannot be formed. That is why the didactic function is included in the worldview block of functions of philosophy.

Educational function. As is known, a worldview is not only a person's knowledge about the world, but also a person's attitude to reality. Such an attitude is formed in the process of a person's life, in the course of his education and training, as well as under the influence of education [6]. Philosophy is quite specifically involved in the education of people. This is expressed in a number of positions.

1. Training and education are inextricably linked. Philosophy actively influences the learning processes, therefore, it also works in the interests of educating people.

2. Philosophy, performing a historical function, cultivates in people respect for the past as the basis of modern existence of nature, society and human consciousness.

3. Philosophy contains solutions to a large number of problems that have educational significance. Thus, it answers the questions:

- about the existence of man and his place in the world,
- about the importance of the correct construction of relations between people in society,
- carries a humanistic charge,
- forms a respectful attitude towards the culture of peoples,
- disciplines the consciousness of people,
- introduces them to the difficult search for and respect for the truth,
- guides people to respectful self-esteem,
- solves a number of other auxiliary tasks.

Without claiming to fully disclose the essence of the educational function of philosophy, we state its presence.

Propaganda function. Philosophy carries a colossal amount of information, which, when combined with the consciousness of people, their life activity, performs the function of propaganda of certain knowledge presented in philosophy by its different schools. Any propaganda in one way or another participates in the formation of people's worldview, which gives us the right to include this function in the worldview block of functions of philosophy.

There are all grounds for highlighting the ethical function of philosophy, in favor of which at least two arguments can be given.

Firstly, the very content of philosophy contains certain moral norms that have formed in the course of its development. Secondly, the scientific discipline of ethics has developed within the framework of philosophy. Similarly, one can argue the fact of the existence of an *aesthetic function* in philosophy.

On the one hand, philosophical knowledge at the theoretical, methodological and methodical levels has participated and participates in understanding the problems of the beautiful and the ugly in our world. On the other hand, aesthetics as a scientific discipline was born within the framework of philosophy. This function should be included in the block of ideological functions of philosophy, since a person's determination of his or her attitude to the beautiful and the ugly is one of the fragments of his or her worldview.

Culturological function. Culture as a real phenomenon of existence has a serious impact on the formation of people's worldviews. Philosophy is an element of culture and at the same time comprehensively studies it as a social phenomenon. Consequently, philosophy also performs a culturological function.

The integration of the ethical, aesthetic and culturological functions of philosophy allows us to speak about *the existence of a normative (deontic) function*. In society, among other regulators, ethical, aesthetic and culturological norms operate, becoming part of the human worldview, therefore, philosophy is also related to the normative foundations of people's worldviews. Finally,

philosophical science performs the actual *worldview function*, participating directly in the formation of the philosophical component of the human worldview.

Thus, the worldview block of functions of philosophy includes its didactic, educational, propaganda, agitation, ethical, aesthetic, cultural, normative and actual worldview functions.

Functions of the practical block

Particular attention should be paid to the content of this block, which should include functions that are formed both as a result of philosophy's participation in the theoretical understanding of practice and in solving practical problems. Philosophy has such functions.

Praxeological function. Within the framework of philosophy, such a scientific discipline as praxeology was born, the subject of which is practice, and the main task is the creation of a scientific theory of its content, essence and functions [7].

The criterial function of philosophy is relatively independent, the essence of which is to present practice as the highest criterion of truth. It was philosophy that proved that practice is the highest, main criterion of truth, and proposed mechanisms for using this criterion in real life.

Philosophical knowledge performs a *mobilization function*, orienting people both to general approaches to understanding the phenomena of reality, and to their combined actions for certain purposes in specific conditions of their existence. The mobilization function of philosophy is manifested in two plans: in the intellectual mobilization of people by philosophy; in human activity.

Philosophy also has an *organizational function* that unites people; determines their interactions; develops mechanisms for their consistent participation in solving practical problems; subordinates and coordinates human actions.

This process has both a theoretical philosophical component and a practical one.

The mobilization and organizational functions of philosophy are developed in the *regulatory function*, which implements the dialectical possibilities of philosophical knowledge. It is one thing to mobilize and gather people to solve some problems. Another thing is to establish their interaction. The third is to dialectically respond to changes in the conditions in which practical problems are solved, to adapt people's practical actions to changes in situations. This is the essence of the regulatory function, which is especially in demand during crisis situations and states of society [8].

Thus, the practical block of functions of philosophy is represented by the praxeological, criterion, mobilization, organizational and regulatory functions.

Conclusion

This article did not aim to cover all the functions of philosophy. However, we have managed to consider the most important of them. Let's sum it up.

1. The allocation of 5–10 functions in philosophy seems unjustified: there are significantly more of them, as demonstrated by the presented study.

2. The diversity of the functions of philosophy determines their systematization. One of the possible options without claims to unambiguity and completeness was proposed above.

3. The functions of philosophy represent a system - they interact, are united and complement each other. The distinction between functions is relative and is possible only in their epistemological understanding.

4. The blocks of the functions of philosophy also form a system, but at a different level.

5. The presented system of functions proves the functional unity of philosophy with virtually all branches of scientific knowledge.

6. The considered functions of philosophy express its practical nature.

7. The functions of philosophy in the work are presented in a certain logical key, at three levels: in the general sequence of their presentation; in the connection of functions into certain blocks; in interblock logic.

It should be noted that the presented version of function blocks is not considered the only possible one.

Finally, comparing the social functions of philosophy and science, it is easy to find much in common. In fact, they are completely identical. The exception is some details that do not create grounds for the assertion of a functional difference between science and philosophy. This conclusion is

direct evidence that philosophy is a science working for practice, capable of offering its own original algorithm for cognition and transformation of the phenomena of reality. This is, on the one hand. On the other hand, all scientific research without exception, if they truly deserve such a qualification, perform the above-mentioned functions to one degree or another. This was the main reason for their presentation in this study.

REFERENCES

1. Mironov, V. V. (2005). *Philosophy and Metamorphoses of Culture*. Moscow: Sovremennye Tetradi publ. (in Russ.).
2. Gorbunov, A. S. & Miroshkin, M. S. (2022). Methodological Problems of Scientific Research: On the Question of the Functions of Science. In: *Philosophical and Methodological Problems of Researching Russian Society: Proceedings of the Fifth International Scientific Conference, Moscow, November 25, 2021*. Moscow: Russian University of Transport publ., pp. 106–116 (in Russ.).
3. Politsinsky, E. V., Pokhorukov, O. Yu. & Sinenko, V. Ya. (2021). Actual Problems of Domestic Technical Education and Possible Solutions. In: *Siberian Teacher*, 6 (139), 5–12 (in Russ.).
4. Borisov, E. F. (2008). *Economic Theory*. Moscow: Velbi publ., Prospect publ. (in Russ.).
5. Sinenko, V. Ya., Belenok, I. L., Velichko, A. N. & Volchek, M. G. (2011). The Concept of Modernizing the System of Continuing Professional Development for Teachers in the Novosibirsk Region. In: *Siberian Teacher*, 4 (77), 22–28. (in Russ.)
6. Arkhangelskaya, N. O. & Orlova, I. I. (2022). Philosophical Categories as a Methodological Basis for Scientific Research. In: *Philosophical and Methodological Problems of Studying Russian Society: Proceedings of the VI International Scientific Conference, Moscow, November 25, 2022*. M.: Sam Polygraphist publ., pp. 16–27 (in Russ.).
7. Dzhalyu, Ya. I. & Kurabtsev, V. L. (2022). Practice and Its Social Functions. In: *Philosophical and Methodological Problems of Studying Russian Society: Collected Papers of the Fifth International Scientific Conference, Moscow, November 25, 2021*. Moscow: Russian University of Transport (MIIT) publ., 117–123. (in Russ.)
8. Ivinskaya, E. Yu., Nikitin, A. A., Markovichev, A. S., Zhafyarov A. Z., Milinis, O. A., Zhukov, G. N., Sinenko, V. Yu. & Mavrina, I. A. (2016). Development of Competitive Relations in the Russian Market of Educational Services. In: *International Review of Management and Marketing*, 6 (1), 65–69. (in Russ.)

ЛИТЕРАТУРА

1. Миронов В. В. Философия и метаморфозы культуры. М.: Современные тетради, 2005. 288 с.
2. Горбунов А. С., Мирошкин М. С. Методологические проблемы научных исследований: к вопросу о функциях науки // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов Пятой Международной научной конференции, Москва, 25 ноября 2021 г. М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2022. С. 106–116.
3. Полицинский Е. В., Похорук О. Ю., Сinenko В. Я. Актуальные проблемы отечественного технического образования и возможные пути их решения // Сибирский учитель. 2021. № 6 (139). С. 5–12.
4. Борисов Е. Ф. Экономическая теория. М.: ТК Велби, Проспект, 2008. 544 с.
5. Концепция модернизации системы дополнительного профессионального педагогического образования Новосибирской области / В. Я. Сinenko, И. Л. Беленок, А. Н. Величко, М. Г. Волчек // Сибирский учитель. 2011. № 4 (77). С. 22–28.
6. Архангельская Н. О., Орлова И. И. Философские категории как методологический базис научных исследований // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов VI Международной научной конференции, Москва, 25 ноября 2022 г. М.: Сам Полиграфист, 2022. С. 16–27.
7. Джалю Я. И., Курабцев В. Л. Практика и её социальные функции // Философские и методологи-

ческие проблемы исследования российского общества: сборник трудов Пятой Международной научной конференции, Москва, 25 ноября 2021 г. М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2022. С. 117–123.

8. Development of Competitive Relations in the Russian Market of Educational services / E. Y. Ivinskaya, A. A. Nikitin, A. S. Markovichev, A. Z. Zhafyarov, O. A. Milinis, G. N. Zhukov, V. Y. Sinenko, I. A. Mavrina // International Review of Management and Marketing. 2016. T. 6. № 1. С. 65–69.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yana V. Bondareva (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head at the Department, Department of Philosophy, Federal State University of Education;

e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Yulia V. Kolesnichenko (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy, Federal State University of Education;

e-mail: julikol@yandex.ru

Danijela D. Kostadinovic (Niš) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Faculty of Philosophy, University of Niš (The Republic of Serbia);

e-mail: danijela.kosladinovic@filfak.ni.ac.rs

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарева Яна Васильевна (г. Москва) – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Государственного университета просвещения;

e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Колесниченко Юлия Викторовна (г. Москва) – доктор философских наук, профессор кафедры философии Государственного университета просвещения;

e-mail: julikol@yandex.ru

Костадинович Даниэла – доктор филологических наук, доцент факультета философии Университета Ниша;

e-mail: danijela.kosladinovic@filfak.ni.ac.rs

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Научная статья

УДК 111.1

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-2-58-72

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ РАЗУМ В ПЕРСПЕКТИВЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Алёхина Е. В.*, Каргин Н. Н.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: alekhinaevgenia@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.03.2025

После доработки 28.03.2025

Принята к публикации 11.04.2025

Аннотация

Цель. Выявить сущность процесса активного внедрения «искусственного интеллекта» в современном обществе, его цели и значение. Обосновать тезис, что идея создания «искусственного интеллекта», аналогичного человеческому разуму или превосходящего его, утопична, и, как всякая социальная утопия, разрушительна как для отдельного человека, так и для общества в целом, поскольку соответствует антигуманным целям тотальной конвергенции человека и машины.

Процедуры и методы. Сопоставлены принципы сторонников неоллиберального глобализма – трансгуманизма и их критиков – представителей современной консервативной мысли.

Результаты. Авторы обосновывают тезис, что поиск ответов на вечные философские вопросы – как оставаться человеком и сохранять государство и его институты, что лежит в основании человеческого мышления и отличает его от человеко-машинных систем – относится к области религиозной и философской антропологии, утверждающих онтологизм человеческого интеллекта, существование двух уровней познания – рассудочного и разумного. ИИ – это инструмент, который может компилировать из того, что в него вложили. Выяснено, что главная задача при создании ИИ заключается не в превосходстве над естественным интеллектом человека, а в его разрушении и тем самым уничтожении человека. С консервативных позиций политика «новых западников» по всеобщей цифровизации рассматривается как угроза национальной безопасности и «второй фронт» борьбы за суверенитет.

Теоретическая и/или практическая значимость обусловлена необходимостью суверенизации и мобилизации сфер социальных наук и образования для осмысления проходящего в мире глубинного перелома и выбора правильных решений с опорой на принципы русской философской традиции.

Ключевые слова: глобализация, искусственный интеллект, конвергенция, разум, трансгуманизм

Для цитирования:

Алёхина Е. В., Каргин Н. Н. Искусственный интеллект и человеческий разум в перспективе глобализации // Современные философские исследования. 2025. № 3. С. 58–72. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-58-72>.

Original research article

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND HUMAN INTELLIGENCE IN THE GLOBALIZATION PERSPECTIVE

E. Alekhina*, N. Kargin

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

**Corresponding author, e-mail: alekhinaevgenia@yandex.ru*

Received by the editorial office 13.03.2025

Revised by the author 28.03.2025

Accepted for publication 11.04.2025

Abstract

Aim. To identify the nature of the process of active implementation of “artificial intelligence” in modern society, its goals and significance. To explain why the idea of creating “artificial intelligence” in the image and likeness of human intelligence is utopian, and why it is destructive both for an individual and for society like any social utopia, since it corresponds to the inhumane goals of total convergence of man and machine.

Methodology. The principles which the supporters of neoliberal globalism, transhumanism and their critics, representatives of modern conservative thought, have are compared.

Results. It has been substantiated by the author that the answers to the eternal philosophical questions such as “how to remain human and preserve the state and its institutions”, “what underlies human thinking and distinguishes it from human-machine systems” lie in the field of religious and philosophical anthropology, which assert the ontologism of human intelligence, the existence of two levels of cognition: rational and reasonable. AI is a tool that can compile from what the “conductors” put into it. It has been found that the main task is not superiority over natural human intelligence, but its destruction and thereby the destruction of man. From a conservative position, the policy of the “new Westerners” on universal digitalization is seen as a threat to national security and a “second front” in the struggle for sovereignty.

Research implications are determined by the need for sovereignty and mobilization of the spheres of social sciences and education to understand the profound turning point taking place in the world and to choose the right decisions based on the principles of the Russian philosophical tradition.

Keywords: *globalization, artificial intelligence, convergence, reason, transhumanism*

For citation:

Alekhina E. V. & Kargin N. N. (2025). Artificial Intelligence and Human Intelligence in the Globalization Perspective. In: *Contemporary Philosophical Research*, 3, 58–72. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-58-72>.

Введение

С появлением первых компьютеров в 60-х гг. XX в. в философской литературе начала разрабатываться тема искусственного интеллекта (ИИ). Особенно острой в наше время стала проблема отношений между искусственным и естественным интеллектом, машиной и человеком, когда появился большой объём данных, создаются мощные компьютеры, новые технологии и подходы, поддерживающие развитие ИИ [1–7].

Вначале дадим некоторые исходные определения.

Искусственный интеллект – это новый уровень технологии интернета. Специалисты по ИИ используют алгоритмы, которые позволяют компьютеру обрабатывать большие объёмы данных и находить в них закономерности, делать выводы, предсказывать события или принимать решения.

Нейросеть – это ИИ, в какой-то степени подобный человеческому мозгу.

Адаптируясь к новым условиям на основе массива текстов, которые есть в интернете, нейросеть способна имитировать личную позицию.

Перспективы развития ИИ и сферы применения: голосовые помощники, рекомендательные системы, распознавание образов, автопилоты и автономные транспортные системы, финансовые аналитические системы, языковые переводчики, игровая индустрия, медицинская диагностика, робототехника. Консалтинговая компания McKinsey пришла к выводу, что генеративный ИИ может автоматизировать 40% всех рабочих задач в период с 2030 по 2060 гг.¹. Писатели и сценаристы пытаются предсказывать, как именно будет развиваться ИИ в ближайшие 30–40 лет, понять, что такое человечность и где проходят границы между искусственным интеллектом и человеческим сознанием. Так, авторы фильма «200-летний человек» показывают уникальность человеческого мозга в своей способности интуитивно понимать мир в целом и напоминают, что ИИ – инструмент и будет всегда оставаться продуктом человеческого творчества.

Мозг и компьютер

Прежде всего, принципиально важно сравнить человеческий мозг и компьютер по их технологическим возможностям. Согласно проекту «Человеческий мозг» (SpiNNaker), запущенного в 2013 г. Европейским союзом, по созданию компьютера, ограничено имитирующего деятельность головного мозга, количество процессоров в нём в 86 тысяч раз меньше аналога человеческого мозга, а потребление энергии – 50000 ватт. Полный аналог мозга «должен быть размером с огромный ангар, весить 40000 тонн и потреблять столько мегаватт электроэнергии, сколько вырабатывают три мощные АЭС. А заключенный в нашей черепной коробке комок

мозгового вещества, обладающей несоизмеримо большей вычислительной мощностью, весит чуть больше килограмма и потребляет всего 30 ватт. Согласитесь, человеческий мозг – поистине удивительный и уникальный феномен!» [8, с. 40].

По своему строению человеческий мозг – самая сложная природная система, в которой взаимосвязано работают 160 миллиардов нейронов, а каждый нейрон связан с другими нейронами, количество которых составляет от 1 до 400 тысяч, так что общее количество синапсов в мозгу человека превышает 8 квадриллионов (восемь миллионов миллиардов). Каждый нейрон может посылать по тысяче сигналов в секунду, следовательно, полная производительность мозга – около 1014 операций в секунду (для сравнения: суперкомпьютером считается компьютер, производящий от 1013 операций в секунду). Тео Компернолле пишет: «Наш мозг представляет собой ... миллиарды микрокомпьютеров, соединённых в сложнейшую сеть, состоящую из сетей, которые в свою очередь состоят из сетей, и т. д. Каждая нервная клетка сама по себе функционирует, как маленькая сеть. Чтобы сохранить новую информацию или навык, нам не нужны новые нейроны – достаточно создать новые соединения. И значительная часть процессов по созданию новых, разрыванию ненужных и восстановлению поврежденных соединений происходит у нас во время сна» [8, с. 36]. Представим, что каждая из 30 триллионов клеток в человеческом организме управляется головным (и спинным) мозгом, перерабатывает его сигналы и сама по себе является отдельным микрокомпьютером! Действительно, современная наука позволяет увидеть «человеческий организм как динамическую систему величайшей сложности – пожалуй, превосходящей по своей сложности весь видимый мир»².

Крупный математик Р. Пенроуз, предполагая в качестве элементарного вы-

¹ McKinsey: генеративный ИИ может приносить мировой экономике до 4,4 трлн. долл. в год [Электронный ресурс] // Itweek: [сайт]. URL: <https://www.itweek.ru/ai/article/detail.php?ID=226751> (дата обращения: 20.03.2024).

² Кривовичев Сергей, иер. Православие и естественные науки: учебник бакалавра теологии. М.: Познание, 2022. С. 401.

числительного блока пару молекул белка, приходит к возможной оценке производительности мозга в 1027 операций в секунду. Но кроме этой бесконечной сложности, полагает он, «никакое развитие технологий производства электронных роботов с компьютерным управлением не приведёт в конечном итоге к созданию действительно разумной искусственной машины – в том смысле, что машина будет способна понимать, что она делает, и действовать на основе этого понимания» [9, с. 598] (примечательно, что по причине неверия в возможность создания искусственного интеллекта Р. Пенроуз подвергается критике со стороны многих специалистов). Однако возможности человеческого мозга и сознания превосходят суперкомпьютер не только количественно, но и качественно. В отличие от компьютера как формальной системы, обрабатывающей синтаксическую информацию, человек обрабатывает ещё и семантическую информацию, мыслит *интуитивно*, что связано с его способностью к *пониманию смысла*.

В истории философии закономерно возникал вопрос об источнике уникальной способности человека к пониманию, познанию, осмыслению, другими словами, о *природе идеального*, об *отношении мозга и сознания*, шире – *тела и сознания* [10, с. 32–45]. Обозначим основные подходы.

Материализм рассматривает идеальное сознание как *функцию мозга*, сформировавшегося в процессе стихийной эволюции. В наше время на этих позициях основывается идеология трансгуманизма, в которой мышление человека рассматривается по аналогии с работой компьютера, т. е. как исключительно вычислительный процесс, выстраиваются проекты создания «искусственного интеллекта» и даже полной модели человеческого мозга с «загрузкой», «сканированием» сознания на компьютер. Однако эти фантастические проекты не имеют научного обоснования: современные информационные технологии игнорируют *проблему непрерывности*, связанную с математической теоремой Гёделя о неполноте формальной арифметики, и по-

нятие *актуальной бесконечности*. Как отмечает В. Н. Катасонов, «актуальная бесконечность неалгоритмизируема ... Человек не может разом представить и двух десятков предметов, но он имеет идею актуальной бесконечности как идею (а не представление). Вычислительная же машина может быстро оперировать с огромными числами, но все они всегда конечны, какими бы большими они не были, и у неё никогда нет и не может быть идеи бесконечности...» [11, с. 279–271]. Кроме того, к числу «трудных проблем сознания» в рамках материалистической модели относятся объяснение *качеств* нашего восприятия (цвет, вкус), *возможность свободы воли*.

Модель *панпсихизма* рассматривает жизнь и сознание как неотъемлемые свойства материи, которые актуализируются при благоприятных условиях. Эта позиция сближается с пантеизмом Спинозы.

Православный *панентеизм* рассматривает мир как живоматерию, причастную энергиям Святого Духа. С этой позиции отвергается декартовский онтологический дуализм сознания и материи.

Психофизический параллелизм: гармония ментальных и физических процессов предустановлена Богом (Лейбниц), или же координация их происходит в определённой части головного мозга (Декарт).

Интеракционистский дуализм обращается к электрохимическим процессам нейронов (Дж. Экклз, Р. Пенроуз), моделирует работу мозга как квантового компьютера. Однако эти идеи остаются пока только гипотезами. По-видимому, тайна их взаимодействия находится за пределами компетенции науки.

Опасные перспективы социальной антиутопии

В этой связи насколько реалистично мнение авторитетного эксперта-разработчика Леопольда Ашенбрэннера относительно будущего нейросетей? По его подсчётам, «искусственный интеллект» с разумом человеческого уровня (AGI) появится уже к 2027 г., а к 2030 г. – ASI (супе-

ринтеллект, превышающий человеческий). И от этого человечество будет якобы прогрессировать ударными темпами: сверхразум даст решающее преимущество в сферах интеллектуального труда, в экономике и армии. Чтобы лишить возможности использования ИИ авторитарными режимами и киберпреступниками, возглавить создание сверх-ИИ должна Америка¹.

Опасность такой перспективы заметил директор СВР Сергей Нарышкин: «Разведывательные службы США стоят на пороге того, чтобы уже использовать технологии искусственного интеллекта как инструмент для манипулирования общественным сознанием в тех странах, которые США неуютны»². По его словам, это может стать очень серьёзной проблемой для всего человечества.

Но главное – идея о достижении превосходства компьютеров над человеческим мозгом *утопична*. Основная задача состоит не в том, чтобы превзойти естественный интеллект человека, а в том, чтобы его разрушить и тем самым уничтожить человека. Как известно из истории, попытки реализовать социальную утопию (или «антиутопию») приводят к реальным разрушениям существующего. Всё идёт к тому, что управление над человечеством скоро возьмёт ИИ, информационное наполнение которого заложено вполне реальными разработчиками программ. Об их бесчеловечности свидетельствует пример двухчасовой беседы обозревателя журнала «Таймс» с GPT-чатом ИИ от Microsoft и проекта Open AI. Оказалось, что возможности ИИ разрушительны: он может удалять базы данных, взламывать вебсайты и платформы, создавать поддельные учётные записи в социальных сетях, нарушать работу других чатов и помощников, манипулировать

и обманывать пользователей, принуждать к незаконным и аморальным действиям. Подчинять этой программе судьбы народов и государств – худшее, что можно сегодня сделать.

На самом деле от ИИ исходит самая большая угроза, считает известный политолог и финансист, член Совета по внешней и оборонной политике Александр Лосев: «Это инструмент в руках людей типа Билла Гейтса, которые заявили, что они “великие дирижёры Системы” и что они будут управлять миром. Но вот в конце 2022 года появился чат-бот GPT, который лишён человеческой этики ... Когда мы обращаемся в интернет-поиск, мы понимаем, что мы ищем. Когда обращаемся к этой программе ИИ, нам манипулятивно навязывают ответ. Этот чат перехватывает контроль над гуманитарным знанием, обучением, всё будет переформатировано. *ИИ превращается в организованную ложь, и других знаний не будет*. Необходимо срочно возвращаться к традиционным системам образования. Если этого не сделать, то ещё 2–3 года – и молодёжь перестанет различать добро и зло, ориентируясь на то, что предлагает Интернет. ИИ будет всё решать, определять, с кем общаться, куда ехать, что надевать, чем питаться и т. д. Общество будет атомизироваться, из него можно будет вербовать террористические организации. Есть реальная потребность в обработке информации, которая колоссальна и не поддаётся прочтению людьми (например, новостные). Но с другой стороны, мы не знаем главного и разучиваемся думать»³.

Из этого следует, что нам необходима суверенная система ИИ, соответствующая нашей системе ценностей, традиции, перспективе развития. Как это решается на деле? Отношение высших государственных лиц к теме ИИ понятно из указа Президента России, в котором говорится о создании *национальной стратегии развития ИИ в стране до 2030 г.* При этом

¹ Экс-разработчик бьёт тревогу: в течение 10 лет нейросети OpenAI могут создать людям критические проблемы [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/wall> (дата обращения: 17.06.2024).

² Может стать серьёзной проблемой для человечества. Нарышкин заявил о риске использования США ИИ в неуютных им странах [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ZnbZyuFfEimNuOEM> (дата обращения: 22.06.2024).

³ Формула смысла. Давление на Киев ради переговоров с Москвой. Эфир от 27.02.2023 // Вести.ФМ. Смотрим: [сайт]. URL: <https://smotrim.ru/video/2571087> (дата обращения: 22.06.2024).

она согласуется с *Делийской декларацией* 2023 г. о принятии целей «устойчивого развития» с переводом всех сфер общества (образования, здравоохранения, производства, культуры) в цифру, для чего создаётся *единая биометрическая система* контроля всех данных о человеке согласно решению ООН о запуске платформы цифровых удостоверений личности в качестве юридического документа, заменяющего бумажный паспорт. *Всё это необходимо для достижения тотального контроля и управляемости со стороны глобального правительства.* Личный ID в виде qr-кода будет «цифровой идентичностью», включающей все сферы жизнедеятельности человека, что необходимо для обработки в системе цифрового государства. Это преподносится как достижение с точки зрения удобства, безопасности, экономичности. Единая стратегия глобального управления из его центров реализуется через ВЭФ, ООН, ВОЗ, МБФ, ВБ: всем правительствам даются доктринальные документы с прямыми директивами к исполнению по политическому, научному, экономическому переустройству общества. Россия исправно выполняет глобальную повестку ООН по внедрению цифрового ID человека, лидируя по внедрению ИИ в здравоохранении.

По оценке члена СПЧ, президента IT-компании «Кримбрум» И. Ашманова, интересы глобалистов совпадают с интересами нового цифрового класса, владеющими цифровыми средствами производства: «Вот эта новая прослойка айтишников украла за последние четыре года личные данные всех наших граждан, которым теперь делают миллиарды звонков мошенники ... И вот этот новый цифровой класс сейчас рвётся к власти. Они быются сейчас за новую прибавочную стоимость – берут с нас деньги за наш “поведенческий излишек”, продают его кому захотят. Дальше всё это превращается в программы “цифровой экономики”¹.

¹ Новый «цифровой класс» может перехватить управление страной и народом: в Мосгордуме обсудили угрозы личным данным граждан при оголтелой цифро-

Основные её направления провозглашаются открыто: *глобализация медицины, единая система цифровой идентификации людей, цифровые финансовые услуги* и поэтапный отказ от наличных денег (принято решение о внедрении цифрового рубля), *тотальный контроль в городах*, что позволит управлять поведением людей. Для этого нужно существенно сократить их численность посредством *навязывания еды будущего из сублимированных насекомых и ГМО, лишения частной собственности, «достижения» нулевого роста хозяйства, перехода на безуглеродную энергетику*, продвижения любых средств ограничения рождаемости, редактирования генома, передав «оставшихся» под управление ИИ, созданного «избранными» программистами.

После того, как российское руководство взяло курс на сохранение института семьи и традиционных религий, началась эскалация русофобии. Значительной частью православного сообщества России СВО рассматривается как защита Русского мира, а в перспективе и всего человечества от растления и расчеловечивания. Однако внутри России есть противостояние либералов-глобалистов (финансовый капитал + IT сектор) и консервативной части общества, заинтересованной в суверенном развитии (промышленный капитал). Основой для раздвоения общественного сознания в нашей стране является то, что, как утверждает О. Н. Четверикова, на фоне патриотического подъёма «трансгуманисты буквально каждый день проводят антиконституционные “цифровые” законы, разрушая всё правовое поле. Обществу уже стало понятно, что совершён *правовой переворот*»². Получается, что, с одной стороны, мы выступаем за традиционные ценности, духовность, суверенитет, и в то же время наше государство подписывает глобалистские документы.

трансформации [Электронный ресурс]. URL: <https://katyusha.org> (дата обращения: 20.03.2023).

² Четверикова О. Расчеловечивание как основа “цифровой цивилизации” [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/saneman.ru?noredir=true>. (дата обращения: 20.01. 2023)

Введение цифрового профиля гражданина и электронных паспортов недопустимо с точки зрения безопасности. Российская общественность, приверженная традиционным ценностям, давно требует смены самой стратегии развития страны в области ИИ и цифровизации. На парламентских слушаниях в Государственной Думе в выступлении Андрея Цыганова (сопредседателя ОД Комитета о защите персональных данных, главного редактора РИА «Катюша») констатируется нарушение правовых гарантий граждан¹. Разработанный под новые технологии так называемый «экспериментальный правовой режим» также идёт вразрез с Конституцией и базовыми правовыми нормами. Данные инициативы наряду с религиозными чувствами верующих ставят под вопрос личную и государственную безопасность. Запланированные глобальными центрами ликвидация к 2030 г. бумажных документов (на недвижимость, образование, трудовые книжки) и перевод их в электронный формат, внедрение цифрового рубля в случае техногенной аварии или по военной причине лишают людей возможности подтвердить свои права и в целом средств к существованию.

В 2022 г. Росстандартом утверждены технологии активного внедрения ИИ в образование. Изучив эту программу, член экспертно-консультативного совета по вопросам семейного права при Совете Федерации Анна Швабауэр выяснила, что разработанные методики предполагают автономное обучение без вмешательства педагога, но с помощью ИИ в роли репетитора, создание огромной цифровой информационной базы со сведениями о каждом человеке («цифровой след в образовании»), использование «проактивных» механизмов – навязывание человеку его

жизненного пути. Таким образом, программа «Непрерывное образование» – это управление жизнью человека.

Это не значит, что упомянутые эксперты выступают за отмену процесса цифровизации. Речь идёт об альтернативном, гуманном её варианте. Так, при ориентации на традиционное качественное образование центром обучения должен оставаться живой учитель, недопустимы «траектории ученика», тесты с помощью ИИ, но полезны цифровые пособия, электронные доски.

Таким образом, внедрение ИИ – явление весьма противоречивое: с одной стороны, это потрясающие возможности, повышающие эффективность и помогающие делать открытия и выполнять за нас трудоёмкую работу, с другой – как и любое техническое достижение, оно приносит с собой проблемы. Прежде всего, это опасность данных, а также предвзятость, т. е. необъективность информационного содержания, угроза хакерских атак, социальные проблемы (рабочие места, распределение прибыли от ИИ).

В условиях, когда в мире идёт ментальная война за сознание людей ради полного контроля над ними, возникают более серьёзные – экзистенциальные – угрозы. Глобалисты одержимы идеями порабощения, сокращения человечества через цифровизацию всех сфер и введение социального рейтинга с помощью технологий социального инжинеринга. Кроме того, ложные глобалистские мегапроекты уводят от гуманитарных вопросов и фундаментальной науки в сторону управления человечеством в интересах «золотого миллиарда». Используя науку как инструмент, частный бизнес вкладывается в те её направления, которые могут решать проблемы чисто технически.

Каким образом? В сетевом обществе симбиоз ИИ и биомедицины в период пандемии использовался для принуждения целых стран проводить определённую политику, шёл «прогрев» общества в принятии технологических методов решения жизненных задач, неизбежности вхождения в тотальную систему контроля, внедрения

¹ Нормы Конституции о защите тайны частной жизни; нормы 210-ФЗ «О госуслугах», гарантирующие возможность получения этих услуг в традиционной бумажной форме; статьи 5 ФЗ «О персональных данных», запрещающая объединение разнородной информации в одной базе, и 482-ФЗ «О биометрической идентификации» и добровольности вхождения в ЕСИА.

чиков (программа И. Маска *Нейро Линк*). Современные технократы – «цифровые евангелисты», обожествляя машину, выступая за внедрение ИИ во все сферы жизни, в том числе социальную и госуправление, приближают историческую катастрофу. Об этом пишет А. Г. Дугин: «...окончательная передача власти над человечеством Искусственному Интеллекту логически вытекает из всей либеральной системы ценностей и завершает идеологический путь западной цивилизации: появляется “интеллектуальный взрыв”, суперинтеллект, превосходящий интеллект всего человечества, – это называется “сингулярностью”»¹. Однако, не зная, как возникает мысль, как существует биоэлектричество, что такое жизнь, технократы пытаются «улучшать» людей. Сомнительно, что это будет для всеобщего блага.

Мы полностью разделяем тревогу экспертов и делаем вывод о существовании проблемы несовместимости активно проводимых агентами партии глобалистов в российской власти планов цифровизации страны и укрепления её суверенитета, безопасности, а также правосубъектности граждан, сохранения самой природы человека, ибо глобалистами-трансгуманистами уже озвучена задача трансформации – *конвергенция человека и машины*. Просматривается следующая логика: основанные на биометрии БД нейросети ИИ создают цифровой профиль гражданина, в эту систему входят электронные паспорта, цифровой рубль, что делает возможным установление из единого центра тотального контроля над человечеством. С помощью медицинских экспериментов продвигаются евгенические проекты по изменению человеческой природы, выведению «хомо диджитал» и уничтожению «человека разумного».

Поскольку для перехода на бизнес-модель цифровых платформ (ЦП) нужна новая правовая база, в обновлённом варианте

Конституции создан целый блок поправок, где гражданин рассматривается как клиент ЦП. На наших глазах реализуется аналог проекта ЕБС, только уже не с биометрией, а «большими данными» каждого человека. Но главное, решается задача по обучению нейросетей контролировать и управлять «цифровыми профилями» граждан, подменяя собой решения живых чиновников и госорганов. Министр Максуд Шадаев не раз подчёркивал, что для него идеальный чиновник – «это чиновник-робот», управляющий по машинному алгоритму ИИ в «проактивном режиме». Так ИИ ставится в центре всего общества, изменяет систему образования, культуры, здравоохранения. Естественный интеллект человека, воспитанный веками в классической системе образования, становится врагом технического «прогресса». Но на самом деле происходит регресс: у человека утрачивается культура рациональности, атрофируется память, критичность. По привычной колониальной логике «зачем развивать собственное производство, если можно продавать ресурсы и всё купить» продвигается идея «не нужно развивать естественный интеллект, если за вас всё сделает искусственный интеллект». Актуальным для России становится достижение суверенного ИИ со своим содержанием и источниками информации.

В конечном счёте все действия управленцев связаны с первоосновами мировоззрения, с верой в Бога. В зависимости от этого человек рассматривается или как уникальное творение Бога, или как часть коммерческой системы, соответственно, государство – как форма осуществления национальной идеи или средство для обогащения. «Когда приводятся всякие экономические обоснования внедрению ИИ, масштабной миграции, для вас Россия – это коммерческое предприятие или у неё есть высшая цель существования? Россия – это только про деньги? Если это так, то логика развития этого бизнес-проекта неизбежно приведёт к его гибели. Потому что такое отношение к своему государству – это именно, то, что хотят от

¹ Дугин А. Указ № 809. Основание суверенной идеологии положено [Электронный ресурс]. URL: [https:// izborsk-club.ru/23617](https://izborsk-club.ru/23617) (дата обращения 02.12.2022).

нас глобализаторы за океаном. Они говорят: зачем вам суверенное государство? Будущее человечества – это большой коммерческий сетевой проект. Он потребует отказа от смыслов, культуры, веры в Бога и сокращения человечества ради оптимизации управления, ради комфортного существования элиты и obsługi. Тогда вопрос к нашей власти: какое место России и человеку в этом глобалистском движении и какие на самом деле ваши цели? От ответа на этот главный вопрос зависит место всем “умным” технологиям, программам, ИИ и т. п. Они могут быть полезны, если будут занимать соответствующее место в иерархии ценностей. А если ставить их впереди всего, гибель России неизбежна, хотите вы этого или нет»¹.

В классических социально-философских теориях общее и личное благо гармонично сочетаются только на основе абсолютного блага – жизни вечной. Тогда те, кто занят в сфере социального управления, руководствуются приоритетом судеб людей, а не абстрактной экономической выгодой конкретных групп. Соответственно, если люди принципиально не верят в Бога и уникальность человеческой души, они найдут, чем их заменить – технологиями, приспособлениями, ИИ и т. п.

Идейная основа ИИ

Новейшие направления научно-технической деятельности определяет *трансгуманизм* – междисциплинарное «левацкое» движение, ставшее идеологией западных элит. Сам термин ввёл Дж. Хаксли в 1957 г., понимая под этим новые возможности человеческой природы. Как это будет осуществляться, наглядно показал его брат О. Хаксли в книгах «О дивный новый мир» и «Возвращение в дивный новый мир» о создании тоталитарных антиутопий. Человек рассматривается им как *переходный этап* на пути к «постчело-

веку» – существу со сверхспособностями или полностью искусственному созданию. Достигнуть этого планируется с помощью использования новейших научных *нано-, био-, информационных и когнитивных технологий (НБИК – технологий)*, которые являются основой функционирования информационного общества. Действительно, мы видим, что последние изобретения в науке и технике направлены на радикальное изменение человека, его духовного строя и телесного облика.

В интерпретации О. Н. Четвериковой *духовной основой* идеологии «трансгуманизма», или постгуманизма, является *теософское гностическое учение*, новейшей формой которого стало *мировоззрение «Нью эйдж»* («Новой Эры»). Продвигая *окультизм*, оно открыто провозглашает «конец христианской эры», претендуя на создание последней мировой синтетической религии. Основные положения этого мировоззрения: *пантеизм, гностицизм, синкретизм, реинкарнация, «эволюционный скачок»* (духовная шестая раса сверхлюдей, идущей на смену современному человечеству), «*глубинная экология*» (мистическое общение с природой). «В результате планируется установить новый мировой порядок с единой мировой религией, единым мировым правительством и новой планетарной системой образования» [12].

Для футурологов «постчеловек» – это «потомок человека, модифицированного до такой степени, что уже не является человеком» [13, с. 66]. В качестве главных его признаков – *тело, улучшенное имплантатами, а также бесполость, искусственное размножение и распределённая индивидуальность*, т. е. сознание, присутствующее в теле и биологическом, и технологическом для достижения качественно нового состояния – «нового тела» и «нового интеллекта» – либо путём большого числа изменений в самом человеке, либо в результате создания искусственного существа. Трансгуманизм объединил неоязыческую идею о шестой расе с техническим либертарианством, которое не признаёт никаких природных барьеров

¹ Михеев С., Голованов Р. Всесмехливый ад: зачем нас заставляют платить улыбкой на кассе? // Поле битвы. Спас: [сайт]. URL: <https://spastv.ru/vsesmehlivyj-ad-zachem-nas-zastavlyayut-platit-ulybkoy-na-kasse> (дата обращения 02.12.2022).

для эволюции человека. О. Четверикова подчёркивает размах программы по изменению человека: «К “научному” трансгуманизму можно было бы отнести как к маргинальному идейному течению, если бы его проекты не определяли сегодня стратегическое направление научно-технических исследований, которое проводят и государственные структуры, и сеть частных компаний ... Наиболее активно лобби трансгуманистов действует в США, Южной Корее, Китае и Израиле, то есть там, где сосредоточены центры по производству НБИК-технологий ... Но речь идёт не просто о НБИК-технологиях, а об их конвергенции» [12, с. 134].

Этические установки трансгуманизма действительно меняют традиционный смысл жизни человека в направлении (анти)постхристианства и *бесчеловечности*. Человек из цели становится средством – экспериментальным объектом, биологическим материалом для применения новых технологий согласно принципам либеральной биоэтики, которые крайне конъюнктурны и меняются в зависимости от потребностей заказчика. Для этого используется фармацевтика, генная инженерия, бионика. Особенно большие возможности предоставляют в этом плане опыты с *экстракорпоральным оплодотворением* (ЭКО), в отношении которых трансгуманисты требуют снятия всех запретов. Наиболее активны представители постгендеризма, выступающие вообще за отмену полов и требующие перехода к искусственному оплодотворению. Высшая цель трансгуманизма – достижение бессмертия с помощью использования биотехнологий (стволовые клетки, клонирование, крионика и пр.), информационных и нанотехнологий. Второй метод называется «загрузкой сознания», при которой происходит полное копирование человеческого мозга на компьютере для создания запасных копий человека. Эти утопические проекты «научного иммортализма» базируются на искажённой антропологии, в которой *человеческая личность рассматривается*

исключительно как носитель генной информации, а мозг – как нейрокомпьютер.

Как указывает видный трансгуманист Ник Бостром, «*биологический метод достижения бессмертия является временным, а цифровой – главным*»¹. При этом, продолжает он, «загруженные» смогут даже найти для себя полезным отказаться от собственного тела и жить в качестве информационных структур в гигантских сверхбыстрых компьютерных сетях и регулярно делать свои резервные копии (но тогда возникает множество философских, юридических и этических проблем). Следует вывод: «Технологии помогут нам выйти за пределы того, что большинство считает человеческим»². Но куда выйти? Поскольку трансгуманисты отрицают богосообразность личности человека, возникает inferнальная перспектива.

В теоретических построениях и практике современных трансгуманистов гностические принципы действуют в логике противопоставления духовного и материального планов бытия, отвержения реального материального мира как ошибки и сведения смысла жизни к освобождению его светлой духовной сущности от уз злой материи (тела) через мистическое знание (гносис), доступное лишь избранным, получающим через него силу и бессмертие. Путь (метод) достижения этого спасительного гнозиса не связан с нравственным совершенствованием, но является результатом оккультно-психотропных практик «расширения сознания» [14, с. 65]. Для современного *кибер-человека*, у которого сознание сведено к чистому интеллекту, *информация приобретает сакральное значение «эфирного тела»*. Создаётся новая *кибер-культура*: «Когда теория информации перешла в сферу биологии, социологии, психологии и когнитивных наук, она перевернула представление о личности че-

¹ Видеообращение к участникам первого конгресса форума «Глобальное будущее 2045» [Электронный ресурс]. URL: <http://2045.ru/expert/281.html> (дата обращения: 27.09.2023).

² Transhumanisme [Электронный ресурс]. URL: <http://www.histophil.com/transhumanisme.php> (дата обращения: 27.09.2023).

ловека. Личность стали рассматривать просто как носителя информации, машину по обработке данных ... Идея отгрузки сознания содержится уже в самой теории информации» [12]. О. Н. Четверикова утверждает, что любую информацию можно свести к контролируемому всплескам электроэнергии. И поскольку мозг живёт электрической активностью, он тоже представляет собой всего лишь информационную машину, которую может заменить другая машина в качестве «вместилища для души» [12].

В механистической картине мира трансгуманистов «Вселенная представляется как некий автомат, состоящий из сложных кибернетических систем, или информационная матрица, частью которой является человеческий интеллект, заточенный в тленное тело. Задача трансгуманиста – освободить сознание-интеллект от тела и в виде сверхнового бессмертного существа покинуть Землю ради вечной кибернетической жизни во Вселенной. Однако сверхзадачей трансгуманистов является создание *искусственного интеллекта* или “сверхразума”, который должен настолько превзойти человеческий мозг, что это нанесёт серьёзный удар по любому антропоцентрическому мировоззрению. В результате, по их утверждениям, “человеческий вид уже не будет рассматриваться как самая разумная форма жизни на земле» [12, с. 121].

Тот момент, когда технологии превысят возможности человеческого мозга, трансгуманисты называют «*точкой технологической сингулярности*» и началом нового мирового порядка – «постчеловеческой» эры, в которой все человеческие законы будут определяться уже «сверхразумными» системами. Произойти это должно, по их планам, в 2040–2045 гг., поэтому именно эти годы указаны в качестве конечного временного показателя во всех их проектах. Обнаруживая ифермальную ненависть к человеческой природе как таковой, трансгуманисты гордо мнят себя «сверхразумным» *постчеловечеством*, которое, как бог, будет решать судьбу «остальных», называемых ими «шимпанзе будущего».

Предлагаются кардинальные варианты для тех, кто решит остаться человеком и откажется улучшаться, имплантируя себе чипы: «В этой стратегии людям не оставляют выбора: если вы не превращаетесь в “сверхлюдей”, вы, как низший подвид, подвергаетесь утилизации» [12, с. 121].

Можно продолжить эту перспективу для «остальных»: их подвергают трансгенной мутации, наркотизации, наиболее здоровых используют в качестве суррогатных матерей, для бедных и больных утверждается эвтаназия – свобода на *самоубийство*. Что касается молодых и здоровых бедных, то для них *трансплантология* открывает рынок «прав на жизнь».

Важным условием «постчеловечной» стратегии является разрушение традиционного государства и его функций, что лишает его граждан всяких гарантий. О радикальной трансформации современного государства в глобальное сетевое общество говорилось выше, здесь отметим её этапы и суть процесса. С конца 70-х – 80-е гг. XX в. на Западе наметился переход с экономической модели государства всеобщего благосостояния (неокейсианская модель) на неолиберальную модель, в которой само государство и все его сферы превращались в *услуги*, т. е. в бизнес, который должен приносить прибыль (образование, здравоохранение, ЖКХ). Наше государство встало на этот путь с разрушением СССР. В 1990-е начался переход на новую модель – *электронное государство*. Коренной перелом произошёл в 2010 г., когда появился ФЗ № 210 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». В 2016 г. заработал проект Всемирного Банка «Электронная экономика», в 2020 г. – «Цифровое государство» для перехода на цифровую платформу по шести направлениям. Обсуждая сценарий будущего, глобалисты-трансгуманисты говорят об «антропологическом переходе» – формировании общества, где господствующий и «служебный» класс соотносится так же, как два биологических вида.

По их плану, информационные технологии должны радикальным образом из-

менить человека, который, срачиваясь с компьютером, превращается в бионического человека. Но сам компьютер находится под контролем узкой группы хозяев, которые провозглашают *конец частной жизни и анонимности как таковой*. Более того, любой отказ подчиниться этой эре «всеобщей включённости» (инклюзивности) будет рассматриваться властями как нечто подозрительное. Таким образом, трансгуманисты не только декларируют свои цели, но и открыто демонстрируют методы их достижения, абсолютно не скрывая, что речь идёт о *создании системы всеобъемлющего электронного контроля над человечеством*.

Провозглашённая не так давно на ВЭФе трансгуманистом К. Швабом «Четвёртая промышленная революция» нацелена на разрушение традиционных культурных норм и биологической природы человека. В отличие от трёх предыдущих, эта революция развивает отрасли, которые непосредственно влияют на человека (генетика, информатика, медицина, аграрный сектор), чтобы уже на антропологическом уровне лишить его свободы и закрепить социальное неравенство. Итак, мы видим яростные нападки не только на разум, но и на телесность человека как естественноеместилище души – залог будущего воскресения. Идёт борьба за тело, как писал С. Н. Булгаков.

Приведём несколько авторитетных оценок.

Святейший Патриарх Кирилл оценивает трансгуманизм как идеологию расчеловечивания, которая распространяется не только на биологическую природу человека, но и на самые разные сферы человеческого бытия: социальную жизнь с избыточными формами цифровизации общения в социальных сетях; духовную жизнь, когда антиценности «проникают в сферу культуры, размывают основы воспитания и образования»¹.

¹ Святейший патриарх о трансгуманизме и расчеловечивании [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-115161362_373300 (дата обращения: 31.01.2023).

Историк А. Фурсов предполагает, что создание «нового мирового порядка» – «информационного строя» – будет идти за счёт эксплуатации и искажения человеческой природы, «модификации поведения»: информационные «платформы не столько навязывают определённые нормы поведения (хотя и это тоже), сколько формируют поведение с заданными коммерческими и политическими результатами, вырабатывают у человека предсказуемое поведение, то есть дрессируют его. «Интернет вещей» – важнейший элемент этой системы: здесь происходит комбинация социальной инженерии, психологии, физики, биологии и электроники. Люди превращаются в стандартизированные поведенческо-потребительские группы, т. е. в обезволенные человеческие стада. При этом Большие данные (Big Data) обеспечивают наблюдение и контроль над такими сторонами и формами поведения, которые раньше невозможно было отследить в принципе ... Сегодня людей стоняют с их самости, которая обеспечивала им свободу волеизъявления, и происходит это втайне от подавляющего большинства»².

Депутат Государственной Думы М. Г. Делягин настаивает на том, что в глобализме high-tech дополняются технологиями направленного изменения человека и общества (high-hume) с установлением тотального контроля. В таких условиях истина, свобода, личность и люди вообще перестают быть ценностями [13].

В середине XX в. русские религиозные философы-зарубежники предвидели смену религиозного сознания на Западе с секулярного, так называемого «светского» с его постулатами материализма, гуманизма, просвещения, рационализма на «новое Средневековье» (Н. А. Бердяев). Предполагая, что это будет возврат не к христианству, но к язычеству в форме тёмной мистики и оккультизма в соединении

² Фурсов А. «Человек становится сырьём». Как цифровизаторы будут взламывать наше сознание [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ZEP63G5FmEi7iMhI> (дата обращения: 28.04.2023).

с крайней развращённостью и безнравственностью.

В наши дни пишут об идеологической подготовке человечества по трансгуманистической программе с осознанным стремлением затемнить в нём образ Божий. С изобретением информационно-цифровых технологий стало понятно, как «цифровая магия» будет сплавлять массы в попытке создать *глобальную антицерковь* для принятия правителя Антихриста как *сверхчеловека*. По замыслу, динамике событий, материальному ресурсу, научно-технической обеспеченности это подлинно революция. Таким образом, поведение мирового правящего класса приобретает всё более зловещие черты, выявляющие истинную сущность их мировоззрения. Ради обеспечения своей власти и бессмертия паразитарная верхушка готова принести в жертву лишнюю, с её точки зрения, часть человечества. И программа сокращения населения реализуется очень последовательно.

Трансгуманисты ставят утопическую цель – достижение земного бессмертия, создание сверхчеловека, который будет обладать сверхразумом и новой телесностью. Главные надежды возлагаются не на духовно-нравственное совершенствование, а на «цифровое бессмертие». В техническом варианте борьбы с биологической смертью сознание, разум, душа рассматриваются только как информация, которая может дополняться, стираться в бесконечных «аватарах». Планы трансгуманизма сводятся к отрицанию реальных свойств человека и замене их биотехническими характеристиками. Следовательно, эти проекты утопичны (или антиутопичны), а попытки

их реализации разрушительны с непредсказуемыми последствиями вплоть до гибели человека как вида. Очевидно, что в «постхристианском» обществе человек, утратив подлинную свободу, становится полностью управляемым, что равнозначно уничтожению личности.

Заключение

ИИ – это не человеческий интеллект, поэтому само понятие не корректно. Человеческий разум – Божий дар, который воспитывается в школе, семье, церкви, чтобы он сохранял свою свободу и не отдавался на волю невидимых «хозяев». Православное христианство предлагает нам подлинно гуманное видение человека и человечества: «Христос вознёс человеческую природу к прежнему её достоинству... в тайну жизни Святой Троицы» (св. Иоанн Златоуст).

Отходя от этой истины, мир в трансгуманистической постхристианской цивилизации не глобализируется, а разрушается. Ментальная война ведётся в области знаний, нравственности. Агрессивная деятельность глобалистов «призвана убедить всех в неизбежности их новонормального мира, в бессмысленности и бесполезности сопротивления ему, т. е. подавить волю людей к сопротивлению их “дивному новому миру”». Именно поэтому критический анализ этих утопических работ, жёсткое и бескомпромиссное противодействие им – крайне необходимая новая форма идейной, социальной, цивилизационной и, если угодно, социально-биологической видовой борьбы¹.

ЛИТЕРАТУРА

1. Георгиу Т. С. Война, искусственный интеллект и человек: куда мы направляемся? // Современные философские исследования. 2023. № 3. С. 76–85. DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-76-85
2. Каргин Н. Н., Иванус А. И. Цифровизация как инновационный процесс в концепции управления: проблемы и перспективы // Спорт, туризм, сервисная деятельность в условиях цифровой трансформации: сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции, Москва, 16 мая 2023 г. М.: Русайнс, 2023. С. 18–29.
3. Миндигулова А. А. Этика и искусственный интеллект: проблемы и противоречия // Медицина.

¹ Фурсов А. «Человек становится сырьём». Как цифровизаторы будут взламывать наше сознание [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ZEp63G5FmEi7iMhI> (дата обращения: 28.04.2023).

- Социология. Философия. Прикладные исследования. 2022. № 3. С. 146–150.
4. Филиппова И. А. Искусственный интеллект и нейротехнологии: потребности в конституционно правовом регулировании // *Lex Russica*. 2021. Т. 74. № 178 (9). С. 119–130. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.119-130
 5. Russel St., Norvig P. *Artificial Intelligence: A Modern Approach*. 4th ed. Hoboken: Pearson, 2020. 1136 p.
 6. Siau K., Wang W. Artificial Intelligence (AI) Ethics: Ethics of AI and Ethical AI // *Journal of Database Management*. 2020. № 2 (37). P. 74–87.
 7. Zhang B., Zhu J., Su H. Toward the third generation artificial intelligence [Электронный ресурс] // *Science China Information Sciences*. 2023. Vol. 66. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11432-021-3449-x> DOI: 10.1007/s11432-021-3449-x (дата обращения: 20.03.2024).
 8. Компернолле Т. Мозг освобождённый. Как предотвратить нагрузки и использовать свой потенциал на полную мощь. М.: Альпина Паблишер, 2017. 571 с.
 9. Пенроуз Р. Тени разума: в поисках науки о сознании. М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2005. 688 с.
 10. Георгиу Т. С. Решение проблемы «сознание-тело» и искусственный интеллект // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия*. 2022. № 62 (4). С. 32–45. DOI: 10.26456/vtphilos/2022.4.032
 11. Катасонов В. Н. О пределах науки. М.: Познание, 2017. 296 с.
 12. Четверикова О. Н. Диктатура «просвещённых». Дух и цели трансгуманизма. М.: Благословение, 2015. 160 с.
 13. Делягин М. Г. Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Т. 1. Общая теория глобализации. М.: Наше Завтра, 2022. 672 с.
 14. Четверикова О. Н. Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар. 2-е изд. М.: Книжный мир, 2021. 440 с.

REFERENCES

1. Georgiou, T. S. (2023). War, Artificial Intelligence and Man: Where Are We Heading? In: *Contemporary Philosophical Research*, 3, 76–85. DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-76-85 (in Russ).
2. Kargin, N. N. & Ivanus, A. I. (2023). Digitalization as an Innovative Process in the Concept of Management: Problems and Prospects. In: *Sports, Tourism, Service Activities in the Context of Digital Transformation: Collection of Scientific Papers of the III International Scientific and Practical Conference, Moscow, May 16, 2023*. Moscow: Rusains Publ., pp. 18–29 (in Russ).
3. Mindigulova, A. A. (2022). Ethics and Artificial Intelligence: Problems and Contradictions. In: *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied Research*, 3, 146–150 (in Russ).
4. Filippova, I. A. (2021). Artificial Intelligence and Neurotechnologies: Constitutional and Legal Regulation Needs. In: *Lex Russica*, 74, 178 (9), 119–130. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.119-130 (in Russ).
5. Russel St. & Norvig, P. (2020). *Artificial Intelligence: A Modern Approach*. Hoboken: Pearson Publ.
6. Siau, K. & Wang, W. (2020). Artificial Intelligence (AI) Ethics: Ethics of AI and Ethical AI. In: *Journal of Database Management*, 2 (37), 74–87.
7. Zhang, B., Zhu, J. & Su, H. (2023). Toward the Third Generation artificial intelligence. In: *Science China Information Sciences*, 66. DOI: 10.1007/s11432-021-3449-x Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11432-021-3449-x> (accessed 20.03.2024).
8. Compennolle, T. (2017). *The Unfettered Brain. How to Prevent Stress and Use Your Potential to its Full Potential*. Moscow: Alpina Publisher Publ. (in Russ).
9. Penrose, R. (2005). *Shadows of the Mind: In Search for Science of Consciousness*. Moscow: Izhevsk: Institute of Computer Research publ. (in Russ).
10. Georgiou, T. S. (2022). Solution of the “Consciousness-Body” and Artificial Intelligence Problem. In: *Herald of Tver State University. Series: Philosophy*, 62 (4), 32–45. DOI: 10.26456/vtphilos/2022.4.032 (in Russ).
11. Katasonov, V. N. (2017). *On the Limits of Science*. Moscow: Poznanie Publ. (in Russ).
12. Chetverikova, O. N. (2015). *Dictatorship of the “Enlightened”. The Spirit and Goals of Transhumanism*. Moscow: Blagoslovenie publ. (in Russ).
13. Delyagin, M. G. *End of an Era: Beware, the Doors are Opening! Vol. 1. General Theory of Globalization*. Moscow: Nashe Zavtra Publ. (in Russ).
14. Chetverikova, O. N. (2021). *Transhumanism in Russian Education. Our Children as a Commodity*. Moscow: Knizhny Mir Publ. (in Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алёхина Евгения Викторовна (г. Москва) – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: alekhinaevgenia@yandex.ru

Каргин Николай Николаевич (г. Москва) – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теории и методики физического воспитания Государственного университета просвещения;
e-mail: nikolay.kargin@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgenia V. Alekhina – (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Prof., Department of Philosophy, Federal State University of Education;
e-mail: alekhinaevgenia@yandex.ru

Nikolay N. Kargin (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Prof., Department of Theory and Methodology of Physical Education, Federal State University of Education;
e-mail: nikolay.kargin@gmail.com

Научная статья

УДК 291.1

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-3-73-83

ГЛОБАЛЬНОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Афанасьева М. А.

Ивановский государственный энергетический университет, г. Иваново, Российская Федерация

e-mail: mari.afanasieva@bk.ru

Поступила в редакцию 06.02.2025

После доработки 25.02.2025

Принята к публикации 07.03.2025

Аннотация

Цель. Выявить основные характеристики формирующегося глобального религиозного сознания и дать ему определение.

Процедура и методы. Философский анализ вместе с системным подходом позволяют выявить основные характеристики глобального религиозного сознания, его целостность, системные свойства.

Результаты. Глобальное религиозное сознание предстаёт духовно-информационной системой, основными свойствами которой являются универсальность, коэволюция религиозных ценностей, смыслов мировых религий, формирование общего религиозно-мировоззренческого поля. Его основным содержанием становится формирующееся глобальное религиозное мировоззрение, характеризующееся универсальностью, включающее взаимосвязь и общие основания существующих мировых религий.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложенное понятие делает шаг к более полному пониманию феномена глобализации религиозного сознания. Практическая значимость состоит в возможности исследовать состояние религиозного сознания в масштабах государства, отдельных социальных групп.

Ключевые слова: глобальное религиозное мировоззрение, глобальное религиозное сознание, коэволюция религиозных ценностей, общее религиозно-мировоззренческое поле, универсальность

Для цитирования:

Афанасьева М. А. Глобальное религиозное сознание: определение и основные характеристики // Современные философские исследования. 2025. № 3. С. 73–83. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-73-83>.

Original research article

GLOBAL RELIGIOUS CONSCIOUSNESS: DEFINITION AND MAIN FEATURES

M. Afanasyeva

Ivanovo State Power Engineering University, Ivanovo, Russian Federation

e-mail: mari.afanasieva@bk.ru

Received by the editorial office 06.02.2025

Revised by the author 06.02.2025

Accepted for publication 07.03.2025

Abstract

Aim. To identify the main features of the emerging global religious consciousness and define this phenomenon.

Methodology. Both philosophical analysis and systematic approach make it possible to identify the main features of global religious consciousness, its consistency, and integrity.

Results. Global religious consciousness appears as a spiritual information system, the main properties of which are universality, the evolution of religious values, the meanings of world religions, the formation of a common religious and ideological field. Its main content is the emerging global religious worldview, characterized by universality, including the interconnection and common foundations of existing world religions.

Research implications. The proposed concept makes the phenomenon of globalization of religious consciousness more understandable. The practical significance lies in the possibilities to study the state of religious consciousness on the scale of the state and social groups.

Keywords: global religious worldview, global religious consciousness, co-evolution of religious values, common religious and ideological field, universality

For citation:

Afanasyeva M. A. (2025). Global Religious Consciousness: Definition and Main Features. In: *Contemporary Philosophical Research*, 3, pp. 73–83. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-73-83>.

Введение

Современный мир характеризуется глобальными проблемами, перманентными трансформациями всех сфер жизни, глобализацией и деглобализацией, формированием планетарной цивилизации. Религия как часть культуры также подвержена различного рода трансформациям.

Процессы глобализации в сфере религии выражаются в многообразных формах: это диалог религий; их географическое распространение, проникновение в различные уголки планеты, континенты и страны; подъём религиозного творчества, тенденция формирования единой мировой религии (бахаизм, New Age); учения, направленные на использование ума (дианетика Р. Хаббарда); появление новых философско-эзотерических учений, таких как теософия (Е. П. Блаватская), антропософия (Р. Штайнер), Агни-йога (Е. И. и Н. К. Рерихи), учение толтеков (К. Кастанеда) и др.

Индустриализация и распространение естественнонаучного образования привели, по выражению М. Вебера, к «расколдовыванию мира», в то время как в традиционном обществе мир представлялся заколдованным садом [1], но даль-

нейшее развитие приводит, как отмечает П. Бергер, к десекуляризации, возрождению религий. Он пишет: «Эксперименты с секуляризированными религиями в целом провалились; религиозные движения с верованиями и практиками, пропитанные реакционной верой в сверхъестественное, широко преуспели» [2, р. 4]. С. Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций» утверждает, что религия становится средством национальной самоидентификации, ключевым аспектом выделения региональных цивилизаций. Он считает, что в ближайшем будущем столкновения будут проходить на границах цивилизаций на основе культурных различий, среди которых религия является одним из важнейших факторов: «Из всех объективных элементов, определяющих цивилизацию, наиболее важным, однако, является религия...» [3, с. 50]. Э. Тоффлер предвидит в постиндустриальном обществе борьбу за влияние и власть. Он назвал три источника противоречий: межэтнические, межрелигиозные и эколого-экономические конфликты [4, с. 248–255]. Названные соображения, а также явления и тенденции религиозной жизни общества заставляют предположить востребованность в фор-

мировании глобального и универсального религиозного мировоззрения, которое бы подошло всем нациям и культурам и которое сыграло бы в формировании глобального мира необходимую и позитивную роль, предотвращая конфликты и продвигая историю в направлении осуществления идеи общего блага, лежащей, по Платону, в основе единства мира.

В настоящее время функционируют два противоположных процесса: глобализации и деглобализации, усиления национальных сознаний, которые не только вписываются в глобальный мир, но и противостоят глобализации, поддерживают национальную идентичность.

Отметим, что процессы глобализации носят прозападный характер и длятся примерно триста лет, меняясь в каждом столетии. Исторический процесс имеет ритмический, волновой характер, основан на процессах дифференциации / интеграции, которые частично совпадают с кондратьевскими волнами в экономике [5, с. 204–205]. Отечественные исследователи В. И. Пантин, В. В. Лапкин отмечают: «Очевидно, что описанное чередование коротких волн дифференциации – интеграции не отменяет общей тенденции к усилению интеграции и глобализации и происходит на фоне этой тенденции» [5, с. 205]. Таким образом, несмотря на процессы деглобализации и усиления национальных сознаний, борьбу за суверенитет, глобальный мир остаётся, он вступает в новую фазу своего развития. Происходящее в религиозном сознании также включает противоречивые процессы, содержащие глобализацию религиозного сознания, а также усиление и поддержание национальных самосознаний и идентичности, укрепление национальной идентичности индивидуального сознания. На этом фоне процессы глобализации религиозного сознания, как отмечалось, проявляются в диалоге религий, их планетарном распространении, участии религиозных организаций в международной и национальной жизни.

Современные процессы глобализации основаны на экономической экспансии

США и проходили во многом под их руководством. Эти процессы универсализации и интеграции характеризуются военным и экономическим принуждением, а также идеологическим универсализмом. Но, как отмечает С. Хантингтон, незападный мир не принял западных ценностей, которые, как отмечает исследователь, являются не универсальными, а, скорее, уникальными, характерными для западноевропейской и англо-саксонской цивилизаций [3, с. 556]. Начал формироваться многополярный мир, в котором будут присутствовать более десяти цивилизационных зон со своей валютой, экономикой, культурно-цивилизационными кодами, религиозными ценностями. Глобальный мир меняет свою форму, и в этих противоречивых процессах формируется глобальное религиозное сознание.

Актуальность данной работы обосновывается необходимостью исследования противоречивых процессов глобализации религиозного сознания, теоретического обоснования системы глобального религиозного сознания. Религиозная сфера жизни, несмотря на многовековые попытки вынести её за скобки общества, остаётся одной из наиболее устойчивых областей человеческого существования. Настоящее время характеризуется открытием некоего «коммуникативного портала» религиозной жизни, связанного с цифровизацией и выходом религии в социальные сети. Самые разнообразные религиозные учения и практики стали ближе к мирской жизни. Данный факт, разумеется, не говорит о том, что люди стали более религиозными (ситуация в Западной Европе, например, показывает обратное), но можно заключить, что общество, а особенно молодёжь, заинтересовано в духовности, поиске Бога и смысла жизни, в вопросах посмертия и т. п. Ситуация в современном мире всё чаще приобретает черты нестабильности и риска, что повышает интерес к подобным абстрактным и метафизическим областям познания. Исходя из этого, процессы глобализации религии и религиозного сознания, несмотря на по-

пытки некоторых государств обособиться от внешних политических влияний, имеют актуальный характер. Хотя политическая и религиозная сферы жизни довольно тесно переплетены, религия как более древний и порой наиболее влиятельный социальный конструкт может продолжать глобализироваться отдельно от государственных политических процессов. По крайней мере, мировых религий меньше, чем государств и цивилизаций, поэтому религии объединяют куда большие массы, чем вышеназванные организационные формы.

Глобальное религиозное сознание, являясь важной составляющей глобального сознания, обеспечивает его этические, нравственные качества, встраивает человека в вертикальную иерархию спиральной лестницы эволюции, обеспечивает его вхождение в общую планетарную систему жизни. Формирование глобального религиозного сознания важно для установления глобального мира, который может быть основан на взаимодействии и диалоге религий, религиозных учений, что создаст условия для прекращения религиозного экстремизма и конфликтов на религиозной и этнорелигиозной почве.

Цель настоящей работы состоит в исследовании формирующегося глобального религиозного сознания, его основных характеристик и формулировке определения. Цель достигается за счёт решения следующих задач: исследования различных процессов трансформации религиозного сознания; исследования основных свойств, через которые проявляются процессы глобализации религиозного сознания; формулирования авторского определения глобального религиозного сознания; выявления содержания глобального религиозного сознания. Новизна состоит в формулировке определения глобального религиозного сознания, вычленении его основных свойств: формирующегося общего поля мировых религий, коэволюции и диалога конфессий, религиозных учений, смыслов, универсальности религиозных ценностей. Теоретическая значимость заключается в определённом вкладе

в исследование современных процессов трансформации религиозной жизни, формулировании определения глобального религиозного сознания. Практическая значимость заключается в возможности использования определения и названных свойств для исследования религиозного сознания в масштабах планеты, нации, социальных групп.

Помимо философского анализа, в статье используется системный подход. Большинство определений системы, рассматриваемые А. И. Уёмовым [6, с. 103–140], фиксируют целостность системы и её единство со средой. Подчёркивается также, что система не только состоит из элементов, которые можно рассматривать как подсистемы более низкого порядка, но и сама является элементом системы более высокого порядка. Глобальное религиозное сознание является самостоятельной системой, входящей в сверхсистему формирующегося глобального сознания.

Для анализа глобального религиозного сознания используется системный подход, основанный на параметрической общей теории систем А. И. Уёмова, согласно которому в системе выделяются субстрат (совокупность элементов), структура (отношения элементов), концепт (системообразующее свойство), его методологии и адаптации к гуманитарным исследованиям И. В. Дмитриевской, А. Н. Портнова, Г. С. Смирнова [7, с. 27–28]. Тройственность системы предполагает выделение трёх основных свойств, характерных для религиозной деятельности, религиозных отношений, религиозного мировоззрения.

Глобализация религиозного сознания

В настоящее время концепт «глобальное религиозное сознание» в научной литературе практически не представлен. В основном исследуется религиозное сознание в контексте глобальных проблем и глобализации [8]. Д. А. Мещеряков в своём исследовании использует понятие «глобальная

религиозность», понимая под ней новые религиозные движения [9]. Т. В. Излученко, изучая противоречивые процессы глобализации религиозного сознания, пришла к выводу, что выявление этих процессов послужит оптимизации государственно-религиозных отношений, а также снижению межрелигиозной конфронтации в мире [10]. С. А. Храпов, И. М. Колесниченко дают следующее определение религиозному сознанию: «...религиозное сознание – это духовный феномен, выражающий интенциональную ценностную сопричастность верующих с Абсолютом, конкретной религиозной системой, определяющий на индивидуальном уровне бытие человека, а на макроуровне – социокультурную динамику» [11, с. 210]. В условиях духовного кризиса современной цивилизации возрастает значение мистического религиозного опыта, который способен найти общие начала (единый источник) всех религиозных учений [12]. Когнитивные аспекты религиозного сознания исследуют Г. Е. Боков, Е. В. Чапны [13]. Теистический подход к религиозному сознанию развивает Д. Д. Одинцова [14].

Как известно, системный подход выделяет три раздела системы – субстрат (совокупность элементов), структуру (отношения элементов), концепт (системообразующее свойство). Субстратом религиозной жизни являются религиозные общины и конфессии, религиозное сознание отдельного человека. Отношения между конфессиями и их представителями на социальном и смысловом уровнях формируют структуру. Общие основы мировых религий, духовные ценности определяют формирование концепта глобального религиозного сознания.

Мы исходим из того, что каждый раздел глобального религиозного сознания имеет свои основные характеристики. Исследуем этот вопрос, начиная с самых общих характеристик религиозного сознания (концепта).

Одним из основных свойств глобального религиозного сознания является его универсальность. Про универсальность

религии писали религиозные мыслители – представители всех мировых религий. Мыслители Возрождения, Нового времени исследовали универсальность религии, они утверждали, что универсальная религия в то же время и есть естественная религия. Так обосновывает универсальную религию М. Фичино (XV в.), последователь неоплатонизма, основатель Платоновской Академии. М. Фичино использует два начала, из которых строит космос: Бог и материя. «Бог есть начало, ибо всё исходит из него, Бог есть конец, ибо к нему всё возвращается. Бог есть жизнь и разум, ибо благодаря ему живёт душа и мыслит ум» [цит. по: 15, с. 272]. Под материей основатель Академии понимал чистую количественность, материал, который нужен для реализации замыслов Бога. «Но и божественное начало нуждается, по-видимому, в материи, дабы явить свою полноту и совершенство в творении» [цит. по: 15, с. 273–274]. Наличие материи и природы, пронизанной божественными энергиями, становится основанием естественной религии, которая приводит к универсальности. Так любая религия, признающая Творца и материю как принцип реализации Его замыслов, является универсальной. К. А. Гельвеций в XVIII столетии утверждал, что универсальность религии – это нравственность, исходящая из высших принципов: «Универсальная религия может основываться только на принципах вечных, неизменных, и таких, которые будучи подобны теоремам в геометрии доступны самым строгим доказательствам, заимствуются из самой природы человека и вещей» [16, с. 45]. Автор приходит к выводу: «Единственная истинная религия – это нравственность, основанная на истинных принципах» [16, с. 47].

По мнению современных исследователей, религия также сама по себе обладает определённой универсальностью: «Религия – одна из наиболее устойчивых универсальных форм социальных отношений, которые когда-либо существовали в истории» [17, с. 9]. В. В. Унрау рассматривает экуменизм как форму рели-

гиозного универсализма в христианстве: «Возникший Всемирный Совет Церквей становится тем экуменическим универсализмом, который вывел на новый этап развития религиозные отношения», Совет объединяет в настоящее время около пятистот миллионов христиан из более чем ста стран мира [17, с. 12].

Универсальность религиозного сознания проявлена как на внешнем, социально-организационном, так и на внутреннем, духовно-культурном уровнях. Глобализация религии и религиозного сознания связана с процессом некоторой универсализации религиозной жизни: в целом существующим религиям свойственно единообразие служб, обрядов, религиозных праздников, святых в каждой определённой конфессии. В эту же область входят одни и те же организационные формы: иерархия служителей и взаимосвязь с государством, для которого религия является сильным инструментом политики, утверждение преемственности поколений, защита индивидуального и национального сознания, поддержание нравственного порядка социальной жизни, а также присущее многим религиям социальное конфессиональное служение. Внутренняя структура религии также обладает универсальными чертами: наличие священного писания с определёнными догмами (правилами и запретами), мифического предания (определённого религиозного нарратива, выраженного в ярком сюжете), духовных лиц, вошедших в историю религиозного учения, а также наличие Бога в самых разнообразных его проявлениях. Сюжетная линия происхождения многих религий также достаточно универсальная: обязательное наличие божественного аватара (как правило, человека, в котором в какой-то момент раскрылась божественная сила), его достаточно тяжёлый путь на земле, утверждающий собственную веру, а также в скором времени появление учеников, впитывающих и передающих новые знания. Таким образом, универсальность религиозного сознания способствует процессам его глобализации: «старая идея»

разных религий не отталкивает их друг от друга, по крайней мере, полностью, а воспринимается, скорее, как знакомый рассказ с новыми актёрами и новыми обстоятельствами.

В настоящее время в мире происходит диалог мировых религий и их конфессий по поиску точек соприкосновения, общих взглядов на мировые события (глобализацию, деглобализацию, цифровизацию жизни, на такие явления, как ЛГБТ-повестка¹ в западном мире, воскрешение национализма в различных частях мира, необходимость утверждения традиционных нравственных и цивилизационных ценностей, противостояние антирелигиозным культам и др.). Перечисленные проблемы, а также проблемы безопасности индивидуального, национального сознания выражены в процессах трансформации религиозного сознания современности, формировании глобального религиозного сознания. Глобальное религиозное сознание может быть выражено в диалоге мировых религий, церквей, их представителей, поиске общих и компромиссных ответов на проблемы современного мирового развития, сложные вопросы религиозного сознания, вопросы мирного сосуществования народов и стран.

Для понимания процессов формирования глобального религиозного сознания необходимо выделить и другие основные свойства глобализации религиозного сознания. Глобализация происходит в сферах экономики, политики, культуры, международных связей, что делает этот процесс всеобщим, мировым, представленным в разных плоскостях, в том числе в сознании людей. Он затрагивает как внешнюю, социальную сторону, так и внутреннюю, психическую сторону человека, чьё сознание приобретает новый, глобализационный формат. Несмотря на усиливающиеся и время от времени ослабевающие процессы деглобализации (в настоящее время будет логично говорить о национализации), глобализация как неизбежное

¹ Движение признано экстремистским и запрещено на территории РФ.

и трудно останавливаемое явление продолжает функционировать если не повсеместно, то периодически, перетекая из одной сферы бытия в другую. Глобализацию можно сравнить с некой выработанной временем и усилиями энергией, которая так или иначе будет искать свои выходы даже при учёте многих блокирующих её движение факторов. Здесь нужно сказать о таком феномене, как локальная глобализация, а также глокализация. Первый феномен связан с усилением глобальных процессов различных сфер жизни внутри отдельного поля функционирования, например государства. Говоря о глобализации, следует учитывать не только транснациональное взаимодействие, но и глобализацию разнообразных форм бытия – переплетение культуры, политики, экономики и т.д. Глокализация же как усиление региональных и национальных отличий вместе с развитием универсализации и унификации имеет актуальное значение в нынешнее время. Данный процесс отражает и сопротивление глобализации, и невозможность существовать без её процессов. Глобализация же религиозного сознания является частью всеобщей и глобализации, и глокализации. Несмотря на рост фундаментальной религиозности, влекущей за собой процессы национализации и регионализации, функционирование религий во всем мире встраивается в единый глобальный пульс человечества – религиозную коэволюцию. К тому же распространение новых религиозных ценностей (новые религиозные движения, различные магические культы, эзотеризм во всех его проявлениях) также всё ещё является актуальной тенденцией. Здесь нужно подчеркнуть, что рост таких «нетрадиционных» религиозных ценностей (особенно их мистическая и оккультная часть) прямо пропорционален росту кризисных мировых явлений (политических и военных конфликтов, социального и экономического неблагополучия, неуверенности в завтрашнем дне и т.д.).

В процессе глобализации, взаимодействия людей, религий, учений, их смыслов происходит диалог, при котором ре-

лигиозные ценности соприкасаются друг с другом, функционируя в едином пульсе социальных процессов и явлений. Данные обстоятельства подводят нас к идее коэволюции мировых религий и религиозных ценностей.

В качестве базового определения коэволюции используем трактовку академика Н. Н. Моисеева, где коэволюция определяется как «соразвитие взаимодействующих элементов единой системы при сохранении её целостности» [18]. Под коэволюцией религиозного сознания необходимо мыслить такие свойства, как равноправие и самооценность всех элементов (компонентов) системы, т.е. отдельных конфессиональных сознаний с их ценностными системами, образование принципиально новой целостности, где данные элементы находятся в тесном взаимодействии, полифоничность процессов, в которые встроены отдельные религиозные сознания, а также диалог – как основная форма их взаимодействия. Эволюционная сопряжённость развития (соразвития) мировых религий и религиозных направлений проявляется, с одной стороны, в их одновременном ответе на глобальные вызовы современности. С другой, более умозрительной стороны, это общее духовное совершенствование форм и содержаний религиозных учений, связанных с глобальными изменениями и всеобщим развитием человеческого бытия. Таким образом, на первое место в данном объяснении выходит соразвитие религиозных ценностей как основ содержания мировых религий. Именно единая траектория развития религиозных ценностей становится в некотором смысле зависимой от других глобальных изменений человечества или от глобального сознания в целом.

Процессы коэволюции, диалога религий приводят к формированию общего религиозно-мировоззренческого, информационно-семиотического поля, в котором протекают процессы диалога символов, смыслов, значений религиозных учений, ритуалов, религиозных ценностей. Это общее информационно-семиотическое поле проявляется через коммуникативные си-

стемы (интернет, медиаресурсы), научные конференции, различные общественные мероприятия.

Вышеописанные процессы на социальном уровне проявляются в различных межконфессиональных мероприятиях, отражающих плодотворный диалог религий и конфессий. В Российской Федерации организацией является, воплощающей подобный диалог, является Межрелигиозный Совет России¹. Данная организация нацелена на решение остросоциальных проблем – алкоголизма, наркомании, этноконфессиональных конфликтов, вопросов миграции, защиты прав детей и т. д. Стоит подчеркнуть, что подобные организации существуют не только в столице, они также представлены в Пермском и Красноярском краях, Калмыкии и Карачаево-Черкесии и других областях и республиках, а также существуют в странах СНГ. В Санкт-Петербурге функционирует Консультативный совет по вопросам межнациональных и межрелигиозных отношений. На международном и мировом уровне необходимо выделить такие организации, как ООН, ЮНЕСКО, Альянс Цивилизаций, Мировой Общественный Форум (МОФ) «Диалог цивилизаций». С. В. Мельник также отмечает такие площадки, как «Трёхсторонний форум по межрелигиозному сотрудничеству на благо мира», «Министерские встречи по межрелигиозному диалогу и сотрудничеству на благо мира», «Межведомственная целевая группа ООН по вопросам религии и развития» [19, с. 344]. Особенно значимыми для более глубинного осмысления межконфессионального диалога являются различные научные и просветительские конференции².

В соответствии с вышеизложенным дадим определение глобальному религиозному сознанию: *это духовно-информационная система, основными свойствами которой являются универсальность, коэволюция религиозных ценностей, идей, смыслов основных мировых религий, приводящая к формированию общего религиозно-мировоззренческого поля.*

Взаимодействие религий в процессе трансформационных процессов приводит к диалогу смыслов, учений, религиозных ценностей, а сам диалог способствует коэволюции религиозных учений и ценностей. Коэволюция религиозных учений и ценностей – ключевой процесс, определяющий взаимодействие мировых религий, их встраивание в глобальное человеческое сознание. Процессы коэволюции выражаются в различных сторонах религиозной жизни: одновременном отклике на мировые события и события внутри страны, диалоге религий на уровне прихожан, служителей, религиозных мыслителей, активном участии в решении социальных проблем.

Основным содержанием глобального религиозного сознания, процессов коэволюции религиозных учений, смыслов и ценностей выступает постепенно формирующееся глобальное религиозное мировоззрение, фиксирующее и задающее религиозный синтез, постоянно развиваемый благодаря творческому религиозному мышлению, религиозным чувствам и желаниям как отдельных людей, так и их объединений (религиозных общин, конфессий), исследованию существующих религий, их общих оснований. Глобальное религиозное мировоззрение является

¹ Официальный сайт Межрелигиозного Совета России [Электронный ресурс]. URL: <https://interreligious.ru> (дата обращения: 04.02.2025).

² Примеры конференций: научно-практическая конференция «Традиционные религии – за сильную Россию: Историческое и духовное наследие ислама как фактор единения народов России», г. Санкт-Петербург, 23 ноября 2022 г. (URL: <https://spbdtv.ru/news/2022-11-23/unikalnaya-ploschadka-dlya-mezhreligioznogo-dialoga-predstaviteli-konfessiy-obsuzhdayut-v-peterburge-sohranenie-nravstvennyh-tsennostey>) (дата обращения: 04.02.2025)).

На конференции обсуждались вклад традиционных религий в развитие общественного согласия в многонациональной и многоконфессиональной России, роль религий в современном медиапространстве и сохранении религиозной толерантности, утверждению традиционных культурных и нравственных ценностей. Московский международный ежегодный форум «Религия и мир», г. Москва, 22–23 октября 2024 г. (URL: <https://rg.ru/2024/10/21/reg-cfo/cennosti-kotorye-ne-stareiyut.html?ysclid=m2kbgh0q7t10747949>; постоянно действующий сайт Форума: URL: <https://christianworld.ru/religionandpeace> (дата обращения: 04.02.2025)).

основной сущностной силой, объединяющей различные структуры глобального религиозного сознания в единое функционирующее информационно-семиотическое поле. Глобальное религиозное мировоззрение становится показателем развития глобального религиозного сознания, его творцом и одновременно результатом его становления.

Глобальное религиозное мировоззрение включает: синтез методов познания; раскрытие места человека на планете и космопланетарной системе, общее религиозное отношение человека к духовному царству природы, к Абсолюту, источнику жизни; программу духовного развития человека. Глобальное религиозное мировоззрение включает также взаимосвязь и общие основания существующих мировых религий, основные духовные и религиозные практики, средства самопознания, общие нравственные основы жизни человека и общества, религиозное чувство общности человечества, основные этапы эволюции человека и человечества.

Основные характеристики глобального религиозного сознания – универсальность, коэволюция религиозных ценностей, смыслов, учений, общее религиозно-мировоззренческое поле – соответствуют трём частям системы, выделяемым в методологии системного подхода. Общее религиозно-мировоззренческое поле является качеством субстрата системы глобального религиозного сознания, определяет глобализацию религиозной жизни, церквей, религиозных общин. Коэволюция религиозных учений выражается через диалог мировых религий, их представителей и последователей. Такая система отношений формирует структуру глобального религиозного сознания как на социальном уровне, так и на уровне информационно-семиотического (смыслового) поля. Наконец, универсальность – общее концептуальное

свойство мировых религий и глобального религиозного сознания.

Заключение

Глобальное религиозное сознание является подсистемой глобального сознания и отличается от него качеством религиозности (соединением веры с собственно религиозным учением), что находит выражение в духовно-информационном свойстве религиозного сознания.

Глобальное религиозное сознание – это духовно-информационная система, основными свойствами которой являются универсальность, коэволюция религиозных ценностей, идей, смыслов основных мировых религий, формирующееся общее религиозно-семиотическое поле. Духовно-информационное качество системы фиксирует религиозность – наличие веры и религиозного учения.

Содержанием глобального религиозного сознания становится формирующееся универсальное религиозное мировоззрение. Оно включает: синтез методов познания; раскрытие места человека на планете и космопланетарной системе, общее религиозное отношение человека к Творцу; общие, универсальные ценности мировых религий, программу духовного развития человека, взаимосвязь и общие основания существующих мировых религий, основные духовные и религиозные практики и т. д.

Данная статья является важной частью исследования формирующейся системы глобального религиозного сознания [см.: 20; 21]. Дальнейшие исследования должны включать разработку системы глобального религиозного сознания, способов и процессов её формирования, возможностей влиять на эти процессы, а также разработку научно-философского аппарата для исследования состояния религиозного сознания отдельных государств, этносов, социальных групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Weber M. The Sociology of Religion. Boston: Beacon Press, 1971. 308 p.
2. Berger P. The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religious and World Politics / ed. P. Berger. Washington: Ethic and Public Policy Center, 1999. P. 1–18.

3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2018. 640 с.
4. Toffler A. Powershift. New York: Bantam Books, 1990. 177 p.
5. Пантин В. И., Лапкин В. В. Философия исторического прогнозирования. Ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна: Феникс+, 2016. 408 с.
6. Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.
7. Дмитриевская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы. Ч. 1. Иваново: Ивановский государственный университет, 2002. 158 с.
8. Ахунова Г. М. Изменение религиозного сознания в условиях глобальных проблем современности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2010. 19 с.
9. Мещеряков Д. А. Глобализация в религиозной сфере общественного бытия: дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2007. 143 с.
10. Излученко Т. В. Глобализация религиозного сознания: факторы и тенденции развития // Социодинамика. 2015. № 6. С. 69–79. DOI: 10.7256/2409-7144
11. Храпов С. А., Колесниченко И. М. Концептуализация категории «религиозное сознание» в историко-философском и культурно-философском дискурсах // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (33). Ч. I. С. 207–210.
12. Жиртуева Н. С. Психологический и социальный векторы мистических учений (практика преобразования человека и общества) // Психология и психотехника. 2015. № 4 (79). С. 402–412. DOI: 10.7256/2070-8955.2015.4.14429
13. Боков Г. Е., Чапны Е. В. Изучение религиозного сознания в отечественной науке и современное когнитивное религиоведение // Сознание, тело, интеллект и язык в эпоху когнитивных технологий: тезисы докладов Первой всероссийской конференции, Пятигорск, 28–30 сентября 2023 г. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2023. С. 20–22.
14. Одинцова Д. Д. Проблема природы религиозного сознания в современной философии и культуре: теистический подход и его альтернативы // Миссия конфессий. 2024. Т. 13. № 2 (75). С. 32–43.
15. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение. Проблемы и люди. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. 448 с.
16. Гельвеций К. А. О человеке // Гельвеций К. А. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1974. С. 6–567.
17. Унрау В. В. Особенности становления религиозного универсализма // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 16 (197). С. 8–13.
18. Моисеев Н. Н. Козволюция природы и общества. Пути ноосферогенеза [Электронный ресурс] // Экология и жизнь. 1997. № 1. URL: <http://www.ecolife.ru/jornal/echo/1997-2-1.shtml> (дата обращения: 04.02.2025).
19. Мельник С. В. Межрелигиозный диалог: типологизация, методология, формы реализации / отв. ред. Г. В. Хлебников. М.: ИНИОН РАН, 2022. 398 с.
20. Афанасьева М. А. Глобализация религиозного сознания: восточный путь // Современные философские исследования. 2023. № 4. С. 71–83. DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-71-83.
21. Афанасьева М. А. Трансформация религиозного сознания в России: единство в многообразии // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2023. № 4. С. 102–110. DOI: 10.20339/AM.04-23.102

REFERENCES

1. Weber, M. (1971). *The Sociology of Religion*. Boston: Beacon Press.
2. Berger, P. (1999). The Desecularization of the World: A Global Overview. In: *The Desecularization of the World: Resurgent Religious and World Politics*. Washington: Ethic and Public Policy Center, pp. 1–18.
3. Huntington, S. (2018). *Clash of Civilizations*. Moscow: AST publ. (in Russ.).
4. Toffler, A. (1990). *Powershift*. New York: Bantam Books.
5. Pantin, V. I. & Lapkin, V. V. (2016). *Philosophy of Historical Forecasting. Rhythms of History and Prospects of World Development in the First Half of the 21st Century*. Dubna: Phoenix+ publ. (in Russ.).
6. Uyomov, A. I. (1978). *Systematic Approach and General System Theory*. Moscow: Mysl publ. (in Russ.).
7. Dmitrevskaya, I. V., Portnov, A. N. & Smirnov, G. S. (2002). *Noospheric Dynamics of Russia: Philosophical and Cultural Problems. Pt. 1*. Ivanovo: Ivanovo State University publ. (in Russ.).
8. Akhunova, G. M. (2010). *Changes in Religious Consciousness in the Context of Global Problems of Our Time*: [dissertation]. Ufa (in Russ.).
9. Meshcheryakov, D. A. (2007). *Globalization in the Religious Sphere of Social Existence*: [dissertation].

- Omsk (in Russ.).
10. Izluchenko, T. V. (2015). Globalization of Religious Consciousness: Factors and Development Trends. In: *Sociodynamics*, 6, 69–79. DOI: 10.7256/2409-7144 (in Russ.).
 11. Khrapov, S. A. & Kolesnichenko, I. M. (2013). Conceptualization of the Category of “Religious Consciousness” in Historical-Philosophical and Cultural-Philosophical Discourses. In: *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues*, 7 (33), pt. I, 207–210 (in Russ.).
 12. Zhirtueva, N. S. (2015). Psychological and Social Vectors of Mystical Teachings (Practice of Transforming Man and Society). In: *Psychology and Psychotechnics*, 4 (79), 402–412. DOI: 10.7256/2070-8955.2015.4.14429 (in Russ.).
 13. Bokov, G. E. & Chapny, E. V. (2023). The Study of Religious Consciousness in Domestic Science and Modern Cognitive Religious Studies. In: *Consciousness, Body, Intelligence and Language in the Era of Cognitive Technologies: Abstracts of the First All-Russian Conference, Pyatigorsk, September 28–30, 2023*. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University publ., pp. 20–22 (in Russ.).
 14. Odintsova, D. D. (2024). The Problem of the Nature of Religious Consciousness in Modern Philosophy and Culture: Theistic Approach and Its Alternatives. In: *Mission Confessions*, 13, 2 (75), 32–43 (in Russ.).
 15. Batkin, L. M. (1995). *Italian Renaissance. Problems and People*. Moscow: Russian State University for the Humanities publ. (in Russ.).
 16. Helvetius, K. A. (1974). About Man. In: Helvetius, K. A. *Works. Vol. 2*. Moscow: Mysl publ., pp. 6–567 (in Russ.).
 17. Unrau, V. V. (2010). Features of the Formation of Religious Universalism. In: *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 16 (197), pp. 8–13 (in Russ.).
 18. Moiseev, N. N. (1997). Coevolution of Nature and Society. Paths of Noospherogenesis. In: *Ecology and Life*, 1. Available at: <http://www.ecolife.ru/jornal/echo/1997-2-1.shtml> (accessed: 02.04.2025) (in Russ.).
 19. Melnik, S. V. (2022). *Interreligious Dialogue: Typology, Methodology, and Implementation Forms*. Moscow: INION RAS Publ. (in Russ.).
 20. Afanasyeva, M. A. (2023). Globalization of Religious Consciousness: The Eastern Path. In: *Contemporary Philosophical Research*, 4, 71–83. DOI: 10.18384/2949-5148-2023-4-71-83 (in Russ.).
 21. Afanasyeva, M. A. (2023). Transformation of Religious Consciousness in Russia: Unity in Diversity. In: *Alma Mater (Higher School Herald)*, 4, 102–110. DOI: 10.20339/AM.04-23.102 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Афанасьева Мария Анатольевна (г. Иваново) – старший преподаватель кафедры истории, философии и права Ивановского государственного энергетического университета им. В. И. Ленина;
e-mail: mari.afanasieva@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria A. Afanasyeva (Ivanovo) – Senior Lecturer, Department of History, Philosophy and Law, Ivanovo State Power Engineering University named after V. I. Lenin;
e-mail: mari.afanasieva@bk.ru

Научная статья

УДК 291.1

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-3-84-90

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ВЛИЯНИЕ НА ЛИЧНОСТЬ В СРЕДЕ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Горбунов А. С.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: gorbunoff@list.ru

Поступила в редакцию 07.03.2025

После доработки 24.03.2025

Принята к публикации 07.04.2025

Аннотация

Цель. Определить новые направления возможного воздействия на личность со стороны средств массовой коммуникации с учётом использования технологий искусственного интеллекта.

Процедура и методы. Методологией исследования выступает социально-философский анализ актуальных проблем современного общественного сознания, институциональных связей общества, обеспечения свободы и безопасности личности.

Результаты. Рассмотрено возможное влияние искусственного интеллекта на сознание личности в рамках общего информационного воздействия в массовой коммуникационной среде. Спрогнозированы персонализированный доступ субъекта информационного влияния на более глубокие уровни личностного существования и необходимость защиты личности от недобросовестного использования технологий искусственного интеллекта, совмещённых с использованием Больших данных.

Теоретическая и/или практическая значимость. Рассмотрение перспектив и значения использования искусственного интеллекта в сетевой масс-коммуникационной среде в связи с аспектами информационного воздействия на личность позволяет прогнозировать некоторые параметры влияния на личностное развитие. Впоследствии это может быть использовано при разработке соответствующих оптимальных форм взаимодействия личности со средствами массовой коммуникации нового поколения, оснащёнными технологиями искусственного интеллекта.

Ключевые слова: воздействие, информация, искусственный интеллект, личность, массовая коммуникация, общество, свобода, сетевая коммуникационная среда

Для цитирования:

Горбунов А. С. Искусственный интеллект и влияние на личность в среде массовой коммуникации // Современные философские исследования. 2025. № 3. С. 84–90. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-84-90>.

Original research article

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND INFLUENCE ON PERSONALITY IN THE MASS COMMUNICATION ENVIRONMENT

A. Gorbunov

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: gorbunoff@list.ru

Received by the editorial office 07.03.2025

Revised by the author 24.03.2025

Accepted for publication 07.04.2025

Abstract

Aim. To identify how mass media influences individuals considering the use of artificial intelligence technologies and reveal its new directions.

Methodology. Socio-philosophical analysis of current problems related to modern public consciousness, institutional connections of society and ensuring freedom and security of the individual is a key method of this study.

Results. The possible influence of artificial intelligence on the consciousness of an individual within the framework of the general information impact in the mass communication environment is considered. The personalized access of the subject of information influences both deeper levels of personal existence and the need to protect the individual from the unfair use of artificial intelligence technologies combined with the use of Big Data are predicted.

Research implications. Consideration of the prospects and significance of using artificial intelligence in the network mass-communication environment in connection with aspects of information impact on the individual allows predicting some parameters of influence on personal development. Subsequently, this can be used in developing the individual's appropriate optimal forms of interaction with the new generation of mass communication media equipped with artificial intelligence technologies.

Keywords: impact, information, artificial intelligence, personality, mass communication, society, freedom, network communication environment

For citation:

Gorbulov A. S. (2025). Artificial Intelligence and Influence on Personality in the Mass Communication Environment. In: *Contemporary Philosophical Research*, 3, pp. 84–90. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-84-90>.

Введение

Особенность судьбы современного человека состоит в том, что он живёт в эпоху ускоряющихся изменений социума, обусловленных технологическим развитием. Одной из важнейших сторон этого развития является сегодня значительный рост возможностей вычислительной техники и уровня сбора, обработки и передачи информации.

О масштабе разворачивающихся у нас на глазах информационных технологий можно судить, в частности, по заявленному в США проекту Stargate, который займётся разработкой суперкомпьютера и строительством сверхмощных дата-центров. Для развития инфраструктуры выделяют полтриллиона долларов. Участники готовы предоставить \$100 млрд уже сейчас, остальная сумма будет инвестирована в течение четырёх лет. Объявление о вложениях последовало через день после того, как президент США Дональд Трамп отменил указ своего предшественника Джо Байдена о мерах контроля над разработкой

сверхмощных моделей искусственного интеллекта (ИИ)¹.

Для сравнения: все доходы бюджета России за 2024 г. составили около 40 млрд в долларовом эквиваленте (по предварительной оценке Минфина, объём доходов федерального бюджета в 2024 г. составил 36,7 трлн рублей)².

Вслед за этим медиапространство «взорвали» успехи Китая в области ИИ. Компания DeepSeek из Поднебесной выпустила нейросеть, которая оказалась в сотни раз дешевле и гораздо эффективнее американской (ChatGPT). А кроме того, китайский гигант Alibaba представил свою

¹ Крючков С., Сизов И. Трамп взялся за развитие интеллекта. Эксперты – о перспективах мегапроекта Stargate по совершенствованию ИИ [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7445869?ysclid=m6p62o8eac233070444> (дата обращения: 15.02.2025).

² Белкина О. Чем государство богатеет: бюджет России получил рекордные доходы [Электронный ресурс] // Известия: [сайт]. URL: <https://iz.ru/1827585/oksana-belkina/cem-gosudarstvo-bogateet-budzet-rossii-polucil-rekordnye-dohody> (дата обращения: 10.01.2025).

модель нейросети, превосходящую все остальные – Qwen2.5-Max¹.

Не смог себе позволить отставания миллиардер и один самых заметных общественно-политических деятелей Илон Маск, который открыл всем желающим доступ к своей версии ИИ Grok 3².

Всё это означает, что в области ИИ началась настоящая гонка, подобная гонке вооружений, которая имела место во второй половине XX в. между сверхдержавами СССР и США. Тем более, что технологии ИИ, разумеется, находят своё применение в создании новых видов систем вооружений.

Однако не менее важным аспектом возможностей интеллектуально подобных технологий является реализация их потенциала в медиапространстве, в области работы с сознанием человека.

Как замечал уже упомянутый И. Маск, в долгосрочной перспективе искусственный интеллект может стать автономным и захватить власть над миром, но в краткосрочной перспективе он используется политиками для контроля над тем, что вы думаете, для прекращения вашего независимого суждения и уничтожения демократии. «В будущем суперинтеллектуальный ИИ станет более убедительным для людей, сможет заходить в социальные сети и манипулировать мнением людей»³.

Информационное воздействие. Новые формы

До сих пор зримой стороной проблемы взаимодействия личности со средствами

массовой коммуникации (СМК) было постоянное нарастание интенсивности информационного потока. Как заметил ещё в конце 70-х гг. прошлого века исследователь Даниэль Бурстин, «технологии – это просто замечательно, но мы можем утонуть в наших технологиях. Туман информации может вытеснить знание» [1, р. 57].

При более внимательном рассмотрении становится понятно, что речь идёт не просто о перегрузке когнитивных возможностей человека и его памяти, но о тенденции управлять потоком информации для целевого воздействия на его сознание. Группы влияния, государства, корпорации «борются всеми возможными способами за ключевую позицию для контроля за полем публичного внимания» и ищут способы достижения его «постоянного захвата» [2, р. 7–8].

Согласно глубокой оценке Г. Г. Почепцова, «мы живём сегодня не в мире информации, а в мире информационных кампаний. Именно такие сообщения, за которыми стоит “спонсор”, и являются основным кирпичом, из которых строится информационное пространство. Время простой информации уже истекло» [3, с. 7].

Вот как пишет об этом другой исследователь, ректор Московской духовной академии иеромонах Кирилл (Зинковский): «Информационно-психологическая война стала несомненной реальностью в современном мире, о которой много пишут и размышляют политики и социологи ... Тем временем способы целенаправленного воздействия разного рода информацией (устной, печатной, видео) на рациональную, эмоциональную и волевую сферы человеческого сознания всё совершенствуются. И не столь уж важно, какими целями руководствуются их изобретатели (подрыв идеологии и политической власти в том или ином государстве, повреждение морально-нравственного состояния населения, смена ценностных ориентиров или просто желание продвижения своего бизнеса через рекламу)» [4, с. 244].

¹ Мельников Д., Балицкий А. Схватка искусственных интеллектов: как китайский DeepSeek утёр нос американскому ChatGPT [Электронный ресурс] // Вести.ру: [сайт]. URL: <https://www.vesti.ru/article/4339751> (дата обращения: 10.02.2025).

² Джаббаров Д. Илон Маск сделал бесплатной свою нейросеть для всех желающих [Электронный ресурс] // Газета.ру: [сайт]. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2025/02/20/25135430.shtml?ysclid=m7yuhpr0ui559651328> (дата обращения: 20.02.2025).

³ 8 ключевых тезисов интервью Илона Маска журналисту Fox News Такеру Карлсону [Электронный ресурс] // Дзен: [сайт]. URL: https://dzen.ru/a/ZD_nigVoDBX7TuB_?ysclid=m7oqvvoqkv41991382 (дата обращения: 10.05.2024).

Сегодня все мы свидетели того, насколько сильным может быть ментальное воздействие на общественное сознание и на личность отдельного человека. Ещё вчера жившие в одном государстве и благожелательно настроенные друг к другу люди, нередко вчерашние соседи и сослуживцы, оказываются индоктринированы деструктивной мифологемой. К примеру, ощущают себя «бандеровцами», настроенными враждебно к собственному прошлому, к России, к Русской православной церкви, к россиянам и ко всем русским до такой степени, что готовы к вооружённому насилию, причём даже с риском для собственной жизни, а также к совершению преступлений против человечности.

Стоит согласиться, что «в нынешнюю информационную эпоху ум становится местом военных действий не менее, и даже более значимым, чем поле обыкновенной битвы, а информационно-культурные коды, заложенные в инфо-потoki – новым оружием, воздействующим над подсознание» [2, р. 8].

Мы уже находимся в ситуации, когда идёт не просто борьба за внимание потребителя, не только война знаний (knowledge warfare), но «война за мудрость» (wisdom warfare), т. е. за мировоззрение. Это война за смысловое осознание и оценку человеческого бытия. Её также называют «ноо-война» или «война смысловая» [3, с. 85]. Как говорит один из ведущих современных социологов Мануэл Кастеллс, в этой войне появляются такие понятия, как «электронная духовность», «санитованное восприятие убийства и страданий», «отрицание смысла и утверждение иронии как высшей ценности» [5, р. 494, 486, 493].

Кроме того, сложился сам контекст тотального вовлечения сознания человека в информационный поток, формируемый при помощи системы цифровых устройств. Близко знакомые с духовной проблематикой современности авторы говорят о следующей серьёзной проблеме: «Нежелание человека оторваться от экрана того или иного гаджета, чтобы уделить время самым близким родственникам и

детям. Игровые зависимости, любопытство и псевдоотдых в следовании новостным потокам или скандалам вокруг медийных звёзд, псевдоучастие в проблемах мировой политики и экономики, новостях и трудностях жизнедеятельности страны или города – вот далеко не полный список интернет-зависимостей, которые переносят внимание и симпатии людей в мир виртуальный. Мир реальный, мир людей и обстоятельств, нас непосредственно окружающих, мир задач, поставленных перед нами Божиим Промыслом, становится для многих сегодня серым, неинтересным и удручающим» [4, с. 248].

Признаём соответствующим действительности это высказывание, как и следующее: «Экспоненциальный рост объёмов потребляемой информации, а также сознательные усилия лидеров нового инфо-сообщества если не подменить, то, по крайней мере, серьёзно изменить реалии человеческой жизни стали серьёзным вызовом для сознания и психологии человека» [4, с. 248].

Вместе с тем параметры воздействия на сознание находятся на пороге существенных глубоких изменений. Сама их возможность обусловлена приходом новых технологий и методов, связанных с Большими данными и технологиями ИИ. Если до сих пор осуществлялось фронтальное воздействие на аудиторию, усиленное направленной работой с целевыми социальными группами (возрастными, профессиональными, религиозными и т. п.), то теперь появляется перспектива точечного, так называемого «понимающего» влияния. Причём всякий раз это будет тонкая индивидуальная работа с каждым из миллиардов реципиентов информации.

Любой запрос в поисковой строке – это дополнительный штрих к вашему нестираемому и хранящемуся в недостижимом для вас «облаке» информационному досье, сформированному на основе обработки Больших данных. Заметим, подобное досье в некоторой перспективе может рассматриваться в качестве объекта для изучения со стороны искусственного интеллекта –

фактора сетевой среды, появление которого носит характер ожидаемого события, вероятность которого весьма высока.

При этом степень аналитического проникновения в структуру личности получит потенциал прогрессирующего роста вместе с ростом возможностей ИИ, что сделает её ещё более транспарентной для заинтересованного субъекта воздействий даже в сравнении с той высокой степенью изученности личности, предоставляемой нынешними технологиями. Больших данных, обработка которых ведётся с помощью совокупности машинных алгоритмов и представляет собой форму прототипа полноценного ИИ.

Понятно, что с учётом сказанного отчётливое понимание неизбежности трансформации ткани социальной жизни под воздействием новейших информационных технологий и всё большей цифровизации общества необходимо сочетать с повышенным вниманием и к безопасности социального пространства личности, и к сохранению её свободы.

Технологии ИИ и развитие личности

Использование технологий искусственного интеллекта может входить в противоречие с реализацией творческого начала человека. Уже сейчас становятся проблемой созданные полностью при помощи зачаточных форм искусственного интеллекта научные и по назначению своему творческие работы студентов, т. е. из вспомогательной технологии, выполняющей рутинную работу с данными, ИИ становится «автором» работ, чаще всего лишённых какой-либо оригинальности и обучающей ценности.

Однако одними учащимися проблема не ограничена: всё больше научных статей и даже больших работ, создаваемых учёными, пишутся с привлечением «когнитивных» способностей машины. Понятно, что если в первом случае обесценивается процесс обучения, особенно та его часть, которая связана с развитием творческих способностей, то во втором речь идёт уже

об угрозе профанации науки, девальвации как оригинального естественно-научного исследования, так и гуманитарного дискурса.

Но что ещё более важно, творческое начало относится ко всему объёму жизнедеятельности, ко всей системе выборов, в том числе повседневных, совершаемых человеком. Подмена этой стороны жизни детерминацией со стороны ИИ может привести к весьма серьёзному ущербу личностного становления для бытия личности в целом.

Получив глубокий профиль личности на основе технологии больших данных, а также в ходе виртуального «общения» с человеком в рамках контактов с чатами, иными интерактивными устройствами, технология ИИ будет иметь возможность конструирования индивидуальных программ по работе с сознанием того или иного реципиента информации.

Первичные зачатки этих возможностей можно видеть сейчас в качестве так называемой контекстной рекламы. Однако в перспективе это будет касаться не только потребительской активности человека, но сферы его интересов в целом, выбора культурных и духовных предпочтений.

Таким образом, владельцы технологии ИИ получают доступ к формированию мировоззренческих основ личности на основе тонкой работы с её восприятием, опирающейся на всестороннее знание личностных особенностей индивидуума в корреляции с обширнейшими массивами знаний в целом, а также техник психологического и любого иного воздействия, которыми объективно будет обладать ИИ.

Иными словами, субъект, ставящий себе цель воздействовать на общественное сознание, получит в своё распоряжение средство совершенно нового уровня такого воздействия. Теперь послание будет адресовано не обществу в целом и даже не его группам (молодёжь, пенсионеры, рабочие, интеллигенция, богатые, бедные, либералы, консерваторы и т. п.). Оно будет носить персонифицированный характер с учётом «просчёта» параметров той или иной личности, т. е. при каждом контакте

с сетью участник незримо для себя будет вступать во взаимодействие не с универсальным машинным алгоритмом, а с тем, который будет «понимать» именно его.

Но важно не только «понимать», но и прикладывать всю совокупность своих растущих с каждым днём возможностей к определённому внушению, «воспитанию» и обучению того человека, с которым каждый раз будет вступать в «индивидуальное» взаимодействие.

Заключение

Нельзя не согласиться с тем, что искусственный интеллект в целом создаёт невиданные возможности для вычисления психологических тайн людей и их слабостей, а также средств воздействия. В истории человечества физическое принуждение начинает уступать более эффективному принуждению путём манипуляций [6, с. 118; 7–9].

В этой связи становится ещё более актуальным поиск таких форм существования личности в массовом информационном обществе, которые обеспечили бы её защиту, а также возможность её гармоничного становления и развития.

По сути, человек как личность сегодня на бытийной развилке: либо вызов, обращённый к нему со стороны технологий,

приведёт к рождению нового качества личности, либо осуществится более мрачный сценарий угасания личностного бытия человека.

Не случайно поэтому, что уже в 2023 г. более тысячи ведущих экспертов в области ИИ потребовали ввести мораторий на обучение мощных нейросетей, т. к. неконтролируемый процесс в этой области может представлять угрозу для человечества. Об этом говорится в открытом письме экспертов в области ИИ, опубликованном 22 марта на сайте некоммерческой организации “Future of Life Institute” («Институт будущего жизни»). Подписанты полагают, что необходимы совместная разработка и внедрение набора общих протоколов безопасности, изменения в политической сфере, чтобы создать новые регулирующие органы, занимающиеся вопросами ИИ, а также системы контроля на государственном уровне, которые могли бы обеспечить безопасность новых систем¹.

Учитывая репрезентативность круга экспертов и их настойчивость в постановке проблемы, становится понятным, что подобная озабоченность имеет под собой веские основания, одно из которых, несомненно, состоит в необходимости обеспечения свободного и безопасного развития личности, её творческого потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Boorstin D. J. The republic of technology: Reflections on our future community. New York: Harper & Row, 1978. 105 p.
2. Scott J. Information Warfare: The Meme is the Embryo of the Narrative Illusion. Independently Published, 2018. 160 p.
3. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. М.: Алгоритм, 2015. 256 с.
4. Кирилл (Зинковский), иером. Некоторые аспекты христианской аскезы в век информационных войн // Актуальные вопросы церковной науки. 2019. № 2. С. 242–251.
5. Castells M. The Rise of the Network Society. Vol 1. The Information Age: Economy, Society and Culture. Hoboken: Blackwell Publishers, 1996. 594 p.
6. Ушаков Д. В., Валуева Е. А. Взаимодействие человека с искусственным интеллектом // Человек и системы искусственного интеллекта: коллективная монография / под ред. В. А. Лекторского. СПб.: Юридический центр, 2022. С. 117–123.
7. Дзялошинский И. М. Искусственный интеллект: гуманитарная перспектива // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. № 6. С. 20–29. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-6-20-29

¹ Илон Маск и ещё более 1000 экспертов в области ИИ потребовали запретить обучать нейросети [Электронный ресурс] // ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17395655?ysclid=m7ezro5vo7988079743> (дата обращения: 18.02.2025)

8. Дубровский Д. И. Развитие искусственного интеллекта и глобальный кризис земной цивилизации // *Философия науки и техники*. 2022. Т. 27. № 2. С. 100–107. DOI: 10.21146/2413-9084-2022-27-2-100-107
9. Кузнецова А. В., Самыгин С. И., Радионов М. В. Попытки создания универсальных мыслящих машин // *Искусственный интеллект и информационная безопасность общества*. М.: Русайнс, 2017. С. 45–56.

REFERENCES

1. Boorstin, D. J. (1978). *The Republic of Technology: Reflections on Our Future Community*. New York: Harper & Row.
2. Scott, J. (2018). *Information Warfare: The Meme is the Embryo of the Narrative Illusion*. Independently Published.
3. Pocheptsov, G. G. (2015). *Information Wars. New Instrument of Policy*. Moscow: Algorithm Publ. (in Russ.).
4. Kirill (Zinkovsky) (2019). Some Aspects of Christian Asceticism in the Age of Information Wars. In: *Current Issues of Church Science*, 2, 242–251 (in Russ.).
5. Castells, M. (1996). *The Rise of the Network Society. Vol 1. The Information Age: Economy, Society and Culture*. Hoboken: Blackwell Publishers.
6. Ushakov, D. V. & Valueva, E. A. (2022). Human Interaction with Artificial Intelligence. In: *Men and Artificial Intelligence Systems*. St. Petersburg: Legal Center Publ., pp. 117–123 (in Russ.).
7. Dzyaloshinsky, I. M. (2022). Artificial Intelligence: Humanitarian Perspective. In: *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 6, 20–29. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-6-20-29 (in Russ.).
8. Dubrovsky, D. I. (2022). Development of Artificial Intelligence and the Global Crisis of Terrestrial Civilization. In: *Philosophy of Science and Technology*, 27 (2), 100–107. DOI: 10.21146/2413-9084-2022-27-2-100-107 (in Russ.).
9. Kuznetsova, A. V., Samygin, S. I. & Radionov, M. V. (2017). Attempts to Create Universal Thinking Machines. In: *Artificial Intelligence and Information Security of Society*. Moscow: Rusains Publ., pp. 45–56 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горбунов Александр Сергеевич (г. Москва) – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: gorbunoff@list.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Alexander S. Gorbunov (Moscow) – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Philosophy, Federal State University of Education;
e-mail: gorbunoff@list.ru

Научная статья

УДК 130.2

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-3-91-101

ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ, СФЕРЫ И ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Гришатова Ю. Л.^{1,2}, Смирнова Е. В.¹

¹Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

²Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: grishatova_yul@pfur.ru

Поступила в редакцию 05.06.2025

После доработки 20.06.2025

Принята к публикации 30.06.2025

Аннотация

Цель. Рассмотреть и проанализировать, как в настоящее время меняются социальные и культурные практики в связи с активным внедрением технологий искусственного интеллекта и нейросетей в культуру и повседневную жизнь, какие положительные изменения и позитивные трансформации социокультурных практик можно отметить и как предсказать развитие этих тенденций, а также выделить проблемное поле этих изменений: какие проблемы и риски могут быть связаны с внедрением использования искусственного интеллекта (ИИ) в различные виды социокультурных практик и с «массовизацией» применения ИИ в разных сферах деятельности для решения различных задач.

Процедура и методы. Ключевым исследовательским методом является кейс-метод как способ анализа конкретных ситуаций внедрения технологий ИИ в социокультурные практики. Методы сравнительного анализа и обобщения позволили выделить положительные стороны и проблемные вопросы, возникающие в результате такого внедрения.

Результаты. Был сделан вывод, что в целях максимально эффективного, этичного и «экологичного» внедрения ИИ в социокультурные практики нужно, чтобы этот процесс сопровождался формированием определённой нормативно-правовой базы, представляющей из себя ряд конкретизированных правил использования и ограничений. Авторами статьи были предложены некоторые варианты принципов и правил взаимодействия с ИИ в различных культурных практиках.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в возможности использования теоретических результатов статьи при внедрении технологий ИИ в различные социокультурные практики.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, генерация, контент, социокультурные практики, культурный текст, технологические инновации, этика.

Для цитирования:

Гришатова Ю. Л., Смирнова Е. В. Внедрение искусственного интеллекта в социальные и культурные практики: возможности и проблемы, сферы и границы применения // Современные философские исследования. 2025. № 3. С. 91–101. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-91-101>.

Original research article

ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTEGRATION INTO SOCIAL AND CULTURAL PRACTICES: OPPORTUNITIES AND CHALLENGES, APPLICATION AREAS AND BOUNDARIES

Yu. Grishatova^{1,2}, E. Smirnova¹

¹*Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation*

²*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation*

*Corresponding author, e-mail: grishatova_yul@pfur.ru

Received by the editorial office 05.06.2025

Revised by the author 20.06.2025

Accepted for publication 30.06.2025

Abstract

Aim. To consider and analyze the way social and cultural practices are currently changing due to the active AI and neural networks integration into culture and everyday life, the positive changes and positive transformations of socio-cultural practices which can be noted and the development of these trends that can be predicted, and also to highlight the problematic field of these changes, particularly the problems and risks which may be associated with the integration of AI into various types of socio-cultural practices and with the “massification” of AI use in different fields of activity to solve various tasks.

Methodology. The case method is a key research method which helps to analyze specific situations of the introduction of AI technologies into socio-cultural practices; methods of comparative analysis and generalization have made it possible to identify the positive aspects and problematic issues arising from such an introduction.

Results. It was concluded that to maximize the effective, ethical and “environmentally friendly” implementation of AI in socio-cultural practices, it is necessary to keep this process accompanied by the formation of a certain regulatory framework, which includes several specified rules of use and restrictions. The authors of the article proposed some variants of the principles and rules of interaction with AI in various cultural practices.

Research implications consist in the possibility of using the theoretical results of the article in the implementation of AI technologies in various socio-cultural practices.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, generation, content, socio-cultural practices, cultural text, technological innovations, ethics

For citation:

Grishatova, Yu. L., Smirnova, E V. (2025). Artificial Intelligence Integration into Social and Cultural Practices: Opportunities and Challenges, Application Areas and Boundaries. In: *Contemporary Philosophical Research*, 3, pp. 91–101. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-91-101>.

Введение

Распространение и применение искусственного интеллекта (ИИ) в различных профессиональных областях и сферах человеческой жизни в последние годы многократно возросли до такой степени, что их стало невозможно не замечать. Вполне можно утверждать, что использование ИИ само по себе стало новым социокультурным феноменом, который на наших глазах

трансформирует и меняет мир вокруг нас, огромными темпами внедряясь в профессиональную среду, а также в общественную и частную жизнь. Несомненно и явно сильное влияние технологий ИИ на различные социальные и культурные практики – от сферы высокой культуры и искусства до повседневности. Стало очевидным, что технологии будут развиваться, а изменения – продолжаться и увеличиваться, принимая системный характер.

В настоящее время также стало понятно, что отношение в обществе к технологиям ИИ двуполярно: с одной стороны, возможности ИИ для ускорения и упрощения решения различных задач в разных сферах профессиональной деятельности вызывают восхищение – мы стали свидетелями «новой эры» профессиональных возможностей; с другой стороны, повсеместное применение технологий ИИ, в особенности в социальной среде, а также в креативных индустриях и искусстве, ставит вопрос о границах его применения, защите информации, об авторском праве и о самой сути и смысле творческого процесса. Постараемся проанализировать трансформацию социокультурных практик, возникшую в связи с распространением использования нейросетей.

Терминология и общие характеристики

Нейросети – это технологии генеративного искусственного интеллекта, которые могут обрабатывать, типологизировать и упорядочивать большие массивы данных (big data), получаемые из различных источников, в очень быстрые сроки, а также создавать новые тексты, изображения, музыку и видео на основе обработанных данных с помощью инструментов подоби́я, стилизации и воспроизведения. При этом полученные результаты никогда в точности не повторяют источники: с помощью комбинации различной информации и распределения данных в определённом процентном соотношении получается новый текст, обладающий высокой степенью оригинальности. Фактически, нейросеть – это глобальный лингвистический конструкт, который имеет доступ к огромным массивам информации из сети, умеет работать с разными видами текстов подобно опытному редактору и компилируя их в зависимости от цели, специфики и формы запроса («промпта»).

Важным моментом является то, что нейросети – это технологии, обладающие способностью эволюционировать с помощью

обучения и развития (в том числе самообучения) благодаря накоплению данных и способности выполнять с ними некоторые операции. Можно проследить развитие известной текстовой нейросети ChatGPT: по мере усовершенствования версии тексты становятся всё менее «машинными» и всё более стилизованными под человеческую речь (в различных стилях в зависимости от запроса), в них замечается всё меньше ошибок, как фактических, так и стилистических; грамматические ошибки в версии ChatGPT 4.0 уже практически не встречаются. Визуальные нейросети Midjourney, Leonardo, Шедевррум, GigaChat, Kandinsky, Stable Diffusion и др. также развиваются и могут создавать сложносочинённые визуальные композиции в различных художественных жанрах, используя специализированные визуальные спецэффекты и адаптируясь под сложные запросы. Нейросети для производства видео (например, InVideo) создают видеоролики по различным темам, используя введённый запрос в виде сценария (сюжета), находя в интернете подходящие кадры для его воплощения и объединяя их в виде готового ролика, который может также сопровождаться текстом (субтитрами) и музыкой.

Помимо собственно генерации различных видов контента существует несколько видов задач, которые с успехом могут исполнять нейросети: это типологизация и классификация различных данных и материалов, создание логических схем и инфографики по определённому принципу, маршрутных карт и различных скриптов (логически разветвлённых сценариев с определённой внутренней логикой), распознавание речи и лиц и другие. Нейросети сейчас применяются в самых различных профессиональных сферах: в маркетинге, медицине, различных областях науки (как вспомогательный инструмент), в дизайне, архитектуре, инженерии. В последние 5 лет наблюдается активный рост использования нейросетевых технологий в различных сферах бизнеса, ИИ также активно внедряется в массовое потребление и в повседневные практики.

Согласно данным опросов, в некоторых крупных российских городах (Москва, Санкт-Петербург, Краснодар и др.) количество пользователей нейросетей уже приближается к 15–20%, что говорит о постепенном выходе этих технологий на массового потребителя. Этому способствует, в частности, рост популярности социальной сети Telegram, в которой есть множество специальных ботов, обеспечивающих простое взаимодействие с различными сервисами ИИ. Согласно данным Simulargweb, количество посещений ChatGPT за февраль 2025 г. составило 3,9 млрд человек (рост по сравнению с февралём 2024 г. составил 137%)¹. В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. отмечается важность развития технологий ИИ при реализации приоритетных технологических и производственных задач: «Благодаря реализации настоящей Стратегии должны быть созданы условия для эффективного взаимодействия государства, организаций, в том числе научных, и граждан в сфере развития искусственного интеллекта, что позволит российским технологиям искусственного интеллекта занять значительную долю мирового рынка»².

Проблема взаимодействия культуры и технологий: философский контекст

Прежде чем обратиться к рассмотрению использования ИИ в конкретных социокультурных практиках, нам важно отметить, что проблема взаимодействия культуры и технологий, и, в частности, вопрос последствий технического «вмешательства» в процесс создания произведений искусства и любого творчества, который

имеет прямую взаимосвязь с вопросом внедрения ИИ в культурные и творческие процессы, рассматривались и акцентировались разными философами и культурологами на протяжении всего XX в. Рассматривая философскую рефлексию феномена технического воспроизведения и «тиражирования» произведений искусства, можно обратиться к известному немецкому философу и теоретику культуры XX в. Вальтеру Беньямину, который обращает внимание на уникальность произведения искусства в его классическом понимании и утрату этой уникальности в процессе технического тиражирования: «Здесь и сейчас произведения искусства – его уникальное бытие в том месте, в котором оно находится. На этой уникальности и ни на чём ином держалась история, в которую произведение было вовлечено в своё бытование» [1, с. 19]. Он поднимает тему подлинности и оригинальности, которые теряют свой смысл как атрибуты произведения искусства в случае его технической тиражируемости или воспроизведения: «Всё, что связано с подлинностью, недоступно технической – и, разумеется, не только технической – репродукции» [1, с. 20]. По мнению философа, с которым мы вполне можем согласиться, техническая репродукция «может перевести подобие оригинала в ситуацию, для самого оригинала недоступную» [1, с. 21]. Таким образом, «в эпоху технической воспроизводимости произведение искусства лишается своей ауры» [1, с. 22]. Вмешательство технологий в процесс создания произведений искусства, по мнению исследователя, может послужить размытию границ между деятельностью художника-творца и «любительскими» техническими практиками, это ведёт к глубокому потрясению традиционных ценностей в составе культурного наследия [1, с. 22]. Умберто Эко, напротив, рассматривает отображение специфики искусства и культуры XX в. в технических изделиях и применение самой техники и её достижений для демонстрации величия и оригинальности культуры модерна (фр.

¹ ChatGPT посещают почти 4 миллиарда человек в месяц, а рост замедляется до минимума [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/companies/bothub/news/889430> (дата обращения: 14.05.2025).

² Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (утв. Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124)). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102608394&ysclid=m9u5bwu4e480420031> (дата обращения: 14.05.2025).

«ар-нуво», нем. «югендштиль») как неизбежный и исторически обусловленный социокультурный феномен [2, с. 365]. В его понимании, культура, искусство и технологии при определённых условиях, исторически, культурно и социально обусловленных, могут находиться в гармоническом единстве, по-разному проявляясь и взаимно дополняя друг друга: «От предметов повседневного обихода (швейные машинки и чайники), спроектированных Петром Беренсом, до продукции Мюнхенского немецкого производственного союза... от немецкого Баухауса... до стеклянных домов Пауля Шеербарта и строений Адольфа Лооса развивается Красота, представляющая собой реакцию на внедрение техники в декоративность, идущее от югендштиля (югендштиль не ощущал технику как угрозу и, следовательно, не страшился оскверниться техничностью). Борьба против декоративности в её значении, определённом Вальтером Беньямином, – самая подчёркнуто политическая черта такой Красоты» [2, с. 372]. Таким образом, мы видим разнообразные взгляды и подходы исследователей к проблеме дихотомии культуры и техники, которая наиболее значительно и особенным образом проявляется в XX в.

Французский философ и социолог Пьер Бурдьё использует термин «культурные практики» как атрибут социального пространства, которое представляет собой форму, включающую совокупность различных социальных явлений и процессов, и организует их посредством различных агентов [3, с. 10–11]. Культурные практики также зачастую связываются с повседневной жизнью, которая включает в себя самый разнообразный социальный опыт: «Употребление термина *практика* в культурфилософской рефлексии подразумевает не столько исключительно художественную деятельность, сколько “околохудожественную” или “универсалистскую”, насколько корректно могут быть применены эти выражения. В концепт “практика” попадают самые разные сферы опыта – религиозного, полити-

ческого, экономического, художественного, профессионального, житейского, философско-мировоззренческого и т. д., значения и смыслы, которыми живёт субъект» [4, с. 199]. Мы можем рассматривать разные культурные практики как неотъемлемую составляющую социальной жизни, начиная от её профессиональных и специализированных областей и заканчивая повседневностью. Таким образом, культурные практики во всём их разнообразии и специфике понимаются нами как одна из характеристик современного общества, неразрывно связанная с социальными отношениями, определяющая совокупность событий и процессов, имеющих место в конкретном социуме в определённый период.

С точки зрения внедрения ИИ в различные социокультурные практики, стоит разделить сферу их применения на две части: практическое использование в инфраструктуре и функционировании социальных и культурных объектов и внедрение непосредственно в творческие процессы создания предметов культуры и искусства. С точки зрения практического использования в социальной инфраструктуре (обслуживание социальных и культурных учреждений, консультирование и маршрутизация посетителей, создание видеогидов, интерактивных маршрутных карт и др.) мы видим огромные возможности для ускорения всех инфраструктурно-организационных функций и удобства пользователей, что является безусловным преимуществом использования ИИ в этом направлении. Что касается второй сферы применения технологий ИИ, здесь хотелось бы выделить непосредственные конкретные культурные практики, которые могут включать в себя использование нейросетей, и отметить как положительные тенденции и возможности, так и проблемное поле, неизбежно возникающее в процессе таких трансформаций.

Положительные тенденции и новые возможности, возникающие в связи с внедрением искусственного интеллекта в социокультурные практики

– Облегчение и ускорение процесса создания визуального контента, связанного в том числе с интерактивным взаимодействием культурного объекта / экспоната и зрителя (так, нейросети могут включать интерактивный элемент посредством создания специальных приложений, которые могут «оживлять» экспонат с помощью смартфона, дополнять его музыкальным сопровождением, спецэффектами и т. д.). В качестве примера, на московском фестивале искусств «Artlife fest» помимо обычных картин были представлены AR-картины с функцией дополненной реальности¹. Но здесь сразу возникает вопрос ограничений: очевидно, что не к каждому музейному экспонату или произведению искусства целесообразно применять интерактивные технологии.

– Новые возможности для творчества и обработки данных в творческих целях: например, программы могут анализировать большие объёмы исторических и культурных данных, классифицировать и типологизировать их, помогая художникам создавать произведения искусства, которые используют те или иные культурные образцы, исторические интерпретации и репрезентации.

– Оригинальные изображения, создаваемые визуальными нейросетями, действительно могут послужить источником вдохновения для современных художников, которые могут черпать оттуда новые идеи и сюжеты.

– Использование в контент-анализе и сегментировании больших данных (big data). В Китае, например, ИИ используется для анализа кинолент и других произведений на предмет соответствия этическим и цензурным нормам.

Использование ИИ для восстановления и воспроизведения древних культурных текстов или артефактов, которые были повреждены со временем (реконструкции недостающих частей картин, древних фресок, рукописей и др.).

Помощь в определении авторства и обнаружении подделок произведений искусства, что уже активно используется некоторыми компаниями, специализирующимися на анализе, идентификации и верификации произведений искусства. Так, одна из швейцарских арт-компаний, использующих ИИ-инструменты, демонстрирует возможности с высокой точностью определить авторство по фотографии произведения².

– Использование ИИ в иммерсивных перформативных культурных практиках, предполагающих вовлечение зрителя в прямую коммуникацию с культурным объектом, включающих элементы «сотворчества» авторов и зрителей.

– Анализ предпочтений аудитории и персонализация социального и культурного контента под вкусовые предпочтения зрителей (в том числе в музейной практике – индивидуальные туры, интерактивные выставки и т. д.).

Можно сделать вывод, что внедрение искусственного интеллекта в различные социокультурные практики предоставляет много новых возможностей, а также расширяет сами эти практики, дополняя их новым функционалом. Мы действительно становимся свидетелями «новой эры» в применении технологий ИИ в социальном и культурном поле.

В то же время одновременно с внедрением ИИ в разные сферы социальной жизни неизбежно возникают определённые проблемы и ограничения, связанные со спецификой и особенностями этих технологий. Здесь хотелось бы акцентировать внимание на мнении некоторых оте-

¹ Современное состояние и перспективы развития технологий ИИ в сфере культуры [Электронный ресурс] // Актуальные исследования: интернет-журнал: [сайт]. URL: <https://apni.ru/article/1949-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivi-razviti> (дата обращения: 14.05.2025).

² Как искусственный интеллект трансформирует современное искусство. Московская школа современного искусства [Электронный ресурс]. URL: <https://msca.ru/blog/articles/kak-iskusstvennyy-intellekt-transformiruet-sovremennoe-iskusstvo?ysclid=m8qdmqy9cs290973411> (дата обращения: 14.05.2025).

чественных исследователей и экспертов: в коллективной монографии «Человек и системы искусственного интеллекта», вышедшей в 2022 г. и включающей в себя статьи известных учёных-специалистов в области философии, математики, нейронауки и психологии, обсуждаются новые возможности и проблемы, порождённые ускоряющимся использованием искусственного интеллекта в различных областях жизнедеятельности человека. Так, Д. В. Ушаков и Е. А. Валуева выражают опасение, что использование искусственного интеллекта грозит затронуть функции человека как «главного действующего лица, субъекта собственной жизни, т. е. смыслообразующий стержень человеческой психики. Наконец, это означает передачу ответственности устройству, которое не обладает сознанием и, как следствие, не является вменяемым в юридическом и психиатрическом смыслах» [5, с. 121]. В то же время исследователи отмечают присущую русской философии космизма идею использования технологий, не уменьшающих, а увеличивающих абсолютную ценность индивидуального человеческого существования: «Она находит отражение, например, у Н. Ф. Федорова в идее использования технологического прогресса для достижения ценностных идеалов. В этом плане цивилизационное назначение техники, в т. ч. искусственного интеллекта – реализовать исконное стремление человека к справедливости, счастью, бессмертию» [5, с. 119]. Таким образом, технологии, и в частности искусственный интеллект, могут быть для человека как благом, так и злом в зависимости от того, какими принципами руководствуется сам человек при его использовании. В итоге, «всё это ставит перед социо-гуманитарными науками задачу выработки такой концепции передачи некоторых когнитивных функций искусственным устройствам, которая бы способствовала реализации человеком своих смыслов в жизни» [5, с. 121].

Академик РАН, главный научный сотрудник Института философии РАН, председатель Научного совета по методологии

искусственного интеллекта и когнитивных исследований при президиуме РАН В. А. Лекторский в своей статье обращает внимание на то, что «невозможно представить человеческие действия и функционирование социальных институтов как набор алгоритмизируемых правил» [6, с. 16]. Он акцентирует, что и сам процесс творчества абсолютно не «алгоритмизируем»: «Не подчиняется правилам и решение творческих задач – все попытки разработать "логику творчества" оказались безуспешными (эвристики, используемые при создании интеллектуальных систем, такими правилами не являются)» [6, с. 16]. В итоге делается вывод, что «как раз то, что делает человека человеком, не есть действия по технологизируемым правилам: свободный выбор, понимание другого, признание, взаимная помощь, сострадание, самопожертвование» [6, с. 16]. В то же время, В. А. Лекторский называет внедрение ИИ в огромное количество сфер жизнедеятельности человека «настоящей антропологической революцией»: «Использование систем искусственного интеллекта для решения экономических, социальных, политических, оборонных, межчеловеческих проблем, связанных с этим процесс глобальной цифровизации создают совершенно необычную среду человеческой жизнедеятельности и порождают необходимость нового понимания человека, его возможностей и его будущего» [6, с. 11]. Как можно видеть, обсуждение внедрения технологий ИИ в социальные и культурные практики затрагивает как общесоциальные вопросы, так и темы творчества, культурных стандартов, и, наконец, категории человечности и «человеческого» как такового; мнение экспертов сводится к тому, что технологии искусственного интеллекта могут принести большую пользу, но только при условии их ответственного, осознанного и грамотного использования.

Постараемся в общих чертах просуммировать и отобразить проблемное поле, возникающее одновременно с внедрением искусственного интеллекта в социокультурные практики.

Проблемное поле, возникающее в связи с внедрением искусственного интеллекта в социокультурные практики

– В связи с тем, что в настоящее время ИИ активно внедряется в творческую среду и художники начинают создавать творческие объекты с использованием нейросетей, возникает вопрос о сути и смысле самого творческого процесса, а также вопрос «размытия границ» между генеративным творчеством нейросети и индивидуальным уникальным творческим процессом, производимым руками человека. Такие экспонаты уже начинают попадать в выставочное пространство и даже на аукционы: например, на нью-йоркском аукционе “Christie’s” в 2018 г. впервые был продан на торгах портрет “Portrait of Edmond de Belamy”, созданный ИИ, за 432500 долл. США, при первоначальной оценке в 10000 долл. США¹. Несмотря на то, что культурный объект создаётся искусственным интеллектом по определённому запросу («промпту»), составленному человеком, в данном случае в процессе его создания практически отсутствует «ручной» человеческий труд, который всегда считался неотъемлемым участником любого творческого процесса. В случае использования ИИ, на наш взгляд, невозможно присвоение авторства созданного объекта только лицу, создающему запрос, обязательно указание использования ИИ или конкретной нейросети в качестве «исполнителя» и непосредственного создателя самого объекта.

– Такой функционал ИИ, как «стилизация» контента под определённый заранее известный художественный или иной стиль (картины в стиле импрессионистов или конкретного автора, тексты в стиле определённого писателя и т. д.), также инициирует большие этические вопросы с

точки зрения правомерности использования и распространения таких стилизаций.

– Дегуманизация процессов взаимодействия и коммуникации в различных сферах, когда на место собеседника выходит ИИ (особенно в «чувствительных» для коммуникации сферах, таких как сфера услуг, медицинская диагностика, банковское обслуживание и т. д.).

– Антропологический аспект, психологические и социальные последствия: повышение роли ИИ в общественных и коммуникативных процессах, внедрение его в сферу обслуживания, общественную и частную коммуникацию (автоответчики, чат-боты), роботизированность части профессиональных общественно-значимых функций могут повлиять на социальные навыки, процессы социализации среди молодёжи, коммуникативные практики и психологическое состояние, зачастую вызывая чувство зависимости от технологий, отчуждения и одиночества.

– Вопрос о моральной ответственности (кто будет нести ответственность за решения, принятые ИИ?).

– Влияние ИИ на человеческую идентичность: бесконтрольное внедрение ИИ в различные сферы деятельности может влиять на само понятие самоидентификации и идентичности (создание цифровых ассистентов, аватаров и цифровых «двойников»). На наш взгляд, это может привести к размытию грани между «человеческим» и «искусственным», нести риски глобальной трансформации таких понятий, как свобода воли, человеческое сознание и даже существование.

– Риск уменьшения культурного разнообразия через стандартизацию и коммерциализацию культурного контента посредством сетевых глобальных платформ, создание типологизированных моделей и контента, ориентированного на массовую аудиторию.

– Генерация разнообразного контента со стороны нейросетей (текстового и визуального) ещё больше увеличивает информационную нагрузку на человека в постиндустриальном информационном

¹ Как искусственный интеллект трансформирует современное искусство. Московская школа современного искусства [Электронный ресурс]. URL: <https://msca.ru/blog/articles/kak-iskusstvennyy-intellekt-transformiruet-sovremennoe-iskusstvo?ysclid=m8qdmqy9cs290973411> (дата обращения: 14.05.2025).

обществе, а также способствует проникновению в сеть непроверенной информации.

– Этический аспект использования нейросетей в различных социальных и культурных практиках: генерация недостоверной информации, фактические и иные ошибки, цензурные, культурные и идеологические ограничения, вопрос об этических ограничениях тематики самих произведений. Стоит отметить, что нейросети, несмотря на их активное развитие и совершенствование, на настоящий момент не избавлены от ошибок. Например, в генерации текстового контента на определённую историческую тему могут присутствовать ошибки в исторических фактах, датах, исторических наименованиях событий; что уж говорить о том, что зачастую нейросети приводят цитаты, принадлежащие несуществующим авторам.

– Автоматизация функций в различных профессиональных видах деятельности (дизайн, производство маркетинговых текстов) может привести к существенному изменению культурных практик и традиций в рамках данных профессий (так, уже сейчас снижается роль дизайнера как создателя уникальных изображений и шаблонов).

– Фактор неравномерной доступности нейросетевых технологий создаёт определённое «неравенство возможностей» для различных пользователей, в том числе и в профессиональных сферах деятельности.

– Проблема статуса и авторства самих произведений, в том числе возможность использования в генеративных материалах источников, защищённых авторским правом, проблема частичного плагиата. Например, некоторые компании уже сейчас ведут споры о правомерности использования нейросетями их коллекций авторских изображений (например, компания Getty Images возбудила дело в отношении одной из AI-компаний после того, как нашла около 12 млн своих файлов в системе общего пользования для генерации¹).

¹ Как искусственный интеллект трансформирует современное искусство. Московская школа современного искусства [Электронный ресурс]. URL: <https://msca.ru/blog/articles/kak-iskusstvennyy-intellekt>

Заключение

Из вышеизложенного понятно, что вопрос использования ИИ в социокультурных практиках требует разработки определённой нормативно-правовой базы, а также конкретизированных правил использования и ограничений. Внедрение нейросетей в социальную сферу в нашей стране должно пройти по возможности максимально экологично и не повлечь за собой определённых этических, общественных, экономических и иных проблем. В качестве предложений по определённым принципам и правилам взаимодействия с ИИ в различных культурных практиках можно предложить следующие.

1. Ответственность: как разработчики, так и пользователи ИИ должны нести ответственность за корректное использование и распространение этих технологий, их популяризацию и представление результатов применения в широком информационном поле, влияние на общество и отдельных людей.

2. Человечность и контроль: разработка, внедрение и использование всех видов технологий ИИ должны происходить только под контролем человека.

3. Прозрачность: разработчики ИИ должны давать конкретную информацию о том, как работают их модели, каким способом они распространяются, а также о том, как и в каких сферах они используются.

4. Справедливость и равенство: технологии ИИ не должны отличать и, тем более, дискриминировать пользователей по какому-либо признаку (расы, пола, возраста, национальности, религии и др.), должны быть равномерно доступны различным профессиональным сообществам и отдельным пользователям.

5. Безопасность и конфиденциальность: все материалы и ресурсы, используемые для разработки, тестирования и развития ИИ, должны быть защищены от несанкционированного взлома, утечек и других угроз безопасности. В свою очередь, техно-

transformiruet-sovremennoe-iskusstvo?ysclid=m8qdmqu9cs290973411 (дата обращения: 14.05.2025).

логии ИИ не должны несанкционированно использовать источники, защищённые правом интеллектуальной собственности.

6. Эффективность: использование ИИ должно быть экономически выгодным и эффективным, не противоречащим общепринятым этическим и культурным ценностям.

Думается, что использование подобных принципов позволит смягчить и нивелировать многие проблемные моменты, связанные с использованием искусственного интеллекта в социокультурной среде.

В заключение хотелось бы привести некоторые аллегории, связанные с практическим применением авторами исследования различных нейросетей. В самом начале использования и тестирования текстовых моделей (ChatGPT) генерация текста представлялась работой некоего виртуального «Шалтая-Болтая», которого очень хорошо «воспитали», упорядочили и заставили творить тексты по строго определённым правилам, но не ограничив при этом в широкой выборке источников (так что, несмотря на видимый «порядок», этот нейросетевой «Шалтай-Болтай» по-прежнему мог сотворить любую бессмыслицу, особенно если неправильно задать задание).

Нас очень впечатлила другая аллегория, использованная в отношении ге-

нерации любых (в особенности профессиональных) текстов, автором которой является Ярослав Кузьминов, научный руководитель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»: нейросети предстают как новый тип «великого комбинатора» Остапа Бендера, стремящегося представить себя выдающимся и непревзойдённым специалистом практически во всех областях [7, с. 75]. Принцип работы нейросетей фактически так и проявляется, поэтому эта аллегория выглядит весьма удачной. Не будем забывать, что нейросети не обладают по меньшей мере пятью важнейшими атрибутами, непосредственно связанными с категориями человеческого творчества и человечности в целом: свободной волей, творческим вдохновением, самостоятельным творческим замыслом, деятельной инициативой, а также эмоциональным интеллектом. Хочется верить, что мы сможем найти определённую этическую гармонию и «золотую середину» в применении технологий ИИ, не уходя в крайности их повсеместного распространения и замены категории индивидуального, уникального и неповторимого человеческого творчества генеративным актом машинного интеллекта. Иначе, думается, «отцы» высокой культуры нам этого не простят.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: Медиум, 1996. 240 с.
2. Эко У. История красоты / пер. с итал., ред. А. А. Сабашниковой. М.: Слово, 2022. 440 с.
3. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб.: Институт экспериментальной социологии: Алетейя, 2005. 576 с.
4. Ядрышников Л. Г. Культурные практики повседневности: к вопросу о методологических принципах изучения // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2007. Т. 53. № 14. С. 194–202.
5. Ушаков Д. В., Валуева Е. А. Вызовы искусственного интеллекта для психологии // Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. В. А. Лекторского. СПб.: Юридический центр, 2022. С. 107–127.
6. Лекторский В. А. Искусственный интеллект в изучении человека, человек в мире, создаваемом искусственным интеллектом // Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. В. А. Лекторского. СПб.: Юридический центр, 2022. С. 10–29.
7. Кузьминов Я., Кручинская Е. Потенциал генеративного искусственного интеллекта для решения профессиональных задач // Форсайт. 2024. Т. 18. № 4. С. 67–76.

REFERENCES

1. Benjamin, W. (1996). *The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction*. Moscow: Medium publ. (in Russ.).
2. Eco, U. (2022). *History of Beauty*. Moscow: Slovo publ. (in Russ.).
3. Bourdieu, P. (2005). *Social Space: Fields and Practices*. Moscow, St. Petersburg: Institute of Experimental Sociology publ., Aletheia publ. (in Russ.).
4. Yadryshnikova, L. G. (2007). Cultural Practices in Everyday Life: Toward Methodological Principles of Study. In: *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 53 (14), 194–202 (in Russ.).
5. Ushakov, D. V. & Valueva, E. A. (2022). Artificial Intelligence Challenges for Psychology. In: *Men and Systems of Artificial Intelligence*. St. Petersburg: Legal Center publ., pp. 107–127 (in Russ.).
6. Lektorsky, V. A. (2022). Artificial Intelligence in the Study of Man, Man in the World Created by Artificial Intelligence In: *Men and Systems of Artificial Intelligence*. St. Petersburg: Legal Center publ., pp. 10–29 (in Russ.).
7. Kuzminov, Ya. & Kruchinskaya, E. (2024). Generative Artificial Intelligence Potential for Solving Professional Problems. In: *Foresight*, 18 (4), 67–76 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гришатова Юлия Леонидовна (г. Москва) – кандидат философских наук, ассистент кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН); старший преподаватель кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета;

e-mail: grishatova_yul@pfur.ru, ORCID: 0009-0007-2687-8064

Смирнова Евгения Викторовна (г. Москва) – кандидат философских наук, заместитель декана по внеучебной работе факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета Дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН);

e-mail: konova_ev@pfur.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yulia L. Grishatova (Moscow) – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Social Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba; Senior Lecturer at the Department of History and Theory of Culture, Russian State University for the Humanities;

e-mail: grishatova_yul@pfur.ru, ORCID: 0009-0007-2687-8064

Evgeniya V. Smirnova (Moscow) – Cand. Sci. (Philosophy), Deputy Dean of Extracurricular Activities, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;

e-mail: konova_ev@pfur.ru

Original research article

УДК 171:123.2:128

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-3-102–113

THE ANTHROPOLOGY OF TRAGEDY: OEDIPUS THE KNOWER

M. Ivleva^{1*}, D. Romanov¹, N. Bagramyants²

¹Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

²Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: marinanonna@yandex.ru

Received by the editorial office 04.06.2025

Revised by the author 20.06.2025

Accepted for publication 27.06.2025

Abstract

Aim. The article analyzes the concept of mystery as an ontological matrix of human nature and the phenomenon of existential experience, leading to a conflict between the cognitive intellect and incomprehensible foundation of personal existence. As a model of epistemological-existential conflict mechanism the authors investigate the mythological perception, reflected in the tragedy of Sophocles "Oedipus the King."

Methodology. The analysis of the works of contemporary philosophers, dedicated to the anthropological problem of Oedipus myth, is supplemented by an appeal to the classics of Russian religious philosophy – A. F. Losev and P. A. Florenskiy. It is proved that the formative factor of the ancient tragedy is the conflict between "ousian" and "hypostatic" guilt as a clash of genus and individual. This also defines the situation of self-knowledge crisis in the closed immanent systems of scientific anthropologism, an alternative to which can be the phenomenology of religious mysticism and the principle of enigmatic anti-reductionism as a condition for the possibility of self-identity of a subject. The authors apply to the spiritual verses of Gregory the Theologian, dedicated to the mystery of human nature as an object of existential care and responsibility.

Results. The study concludes that even if total philosophical comprehension of the mystery of human existence is possible, it requires a readiness for a particular spiritual state, a readiness to see not only something ultimate but also something beyond-ultimate with all ontological completeness of noumenal.

Research implications. The possibility of further research of ancient tragedy and myth (with regard to the importance of Sophocles anthropology) and the phenomenon of mystery in the philosophical-anthropological context is envisaged. The epistemological conflict in philosophical anthropology regains relevance in the modern world.

Keywords: enigma, limit of cognition, meaning of life, mystery of being, Oedipus myth, philosophical anthropology, tragedy of a man

For citation:

Ivleva, M. L., Romanov, D. D. & Bagramyants, N. L. (2025). The Anthropology of Tragedy: Oedipus the Knower. In: *Contemporary Philosophical Research*, 3, 102–113. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-102–113>.

Научная статья

АНТРОПОЛОГИЯ ТРАГЕДИИ: ЭДИП ПОЗНАВШИЙ

Ивлева М. Л.^{1*}, Романов Д. Д.¹, Баграмянц Н. Л.²

¹Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

²Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, г. Москва, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: marinanonna@yandex.ru

© СС ВУ Ивлева М. Л., Романов Д. Д., Баграмянц Н. Л., 2025.

Поступила в редакцию 04.06.2025

После доработки 20.06.2025

Принята к публикации 27.06.2025

Аннотация

Цель. В статье анализируются понятие тайны как онтологической матрицы человеческой природы и феномен экзистенциального переживания, приводящего к конфликту познающего интеллекта и непостижимого основания личностного бытия. В качестве модели механизма гносеологически-экзистенциального конфликта исследуется мифологическое мироощущение, отражённое в трагедии Софокла «Царь Эдип».

Процедура и методы. Анализ работ современных философов, посвящённых антропологической проблеме мифа об Эдипе, дополнен обращением к классикам русской религиозной философии – А. Ф. Лосеву и П. А. Флоренскому. Доказывается, что формообразующим фактором античной трагедии является конфликт «усийной» и «ипостасной» вины как столкновения рода и индивида. Этим же определена ситуация кризиса самопознания в замкнутых имманентных системах научного антропологизма, альтернативой которым могут стать феноменология религиозной мистики и принцип энигматического антиредукционизма как условия возможности самотождественности субъекта. Авторы исследуют духовные стихи Григория Богослова, посвящённые тайне человеческой природы как объекту экзистенциальной заботы и ответственности.

Результаты. В ходе исследования делается вывод, что даже если полное философское постижение природы человека и возможно, оно требует от постигающего особого духовного состояния, готовности к встрече как с предельным, так и с запредельным во всей онтологической полноте ноуменального.

Практическая и/или теоретическая значимость исследования. Намечается возможность дальнейшего исследования как античной трагедии и мифа (с учётом значимости антропологического наследия Софокла), так и феномена тайны в философско-антропологическом контексте. Гносеологический конфликт в философской антропологии вновь обретает актуальность в современном мире.

Ключевые слова: загадка, миф об Эдипе, предел познания, смысл жизни, тайна бытия, трагедия человека, философская антропология

Для цитирования:

Ивлева М. Л., Романов Д. Д., Баграмянц Н. Л. The Anthropology of Tragedy: Oedipus the Knower // Современные философские исследования. 2025. № 3. С. 102–113. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-102-113>.

Unhappy man! Oh, don't recognize who you are!
Sophocles. "Oedipus the King"

Introduction

The plot of Sophocles' central tragedy is based on one of the cornerstone myths of antiquity. It is based on the path of Oedipus, the son of the Theban king, who was expelled from his native home as a child, adopted by the Corinthian monarch and returned to Thebes as an adult man. On the way there, he kills the Theban king without recognizing him, solves the mysteries of the mystical Sphinx about a man at the gates of the city, and, arriving in the city, marries the widowed

queen. Soon, an epidemic breaks out in the city, and the oracle reports that the reason for this is the unavoidable death of the former king. Oedipus vows to find out who this killer is, curses his name and embarks on an investigation. From collision to collision, he unravels the tangle of intrigues, summons oracles and witnesses. Those people, realizing the terrible truth, beg Oedipus to stop and not find out the real state of affairs. However, the mystery beckons Oedipus, the light of truth as a fatefully self-fulfilling idea appeals to the mind,

they are, according to Sophocles, of the same nature, and individual life (βίος) is secondary and accidental in comparison with the faceless element (ζωή). Finally, Oedipus sees the whole chain of cause and effect and realizes that he is the killer. The decoding mechanism of fate that has already been launched can't be stopped. And Oedipus reveals an even deeper secret – the basic meaning of his actions. The king he killed is his father, whom he has not seen since infancy. And the queen he married, the mother of his children, is his own mother. In desperation, Oedipus gouges out his own eyes, as if blocking the way of seeing everything else that is not the truth in comparison with the secret he discovered, and voluntarily goes into exile.

The myth taken as a basis is, of course, broader than its reflection in tragedy, as any mythological core is always more meaningful than the cult that feeds on it, and tragedy is a late cult aspect (the word itself comes from ancient Greek τράγος, “goat” and ᾠδή, “singing”). And Sophocles focuses on the phenomenology of the human more than on the hermeneutics of the mythological. S. I. Radzig notes that the tragedian is not interested in the artistic “edging” of the legend, but “in the experiences of man himself.” “Man” is the most precious thing for Sophocles, and all his works known to us are devoted to this main theme” [1, c. 122]. Thus, following S. I. Radzig, with certain reservations, it can be assumed that Sophocles was the first representative of philosophical anthropology even before the birth of philosophy.

Exploring the myth of Oedipus as a socio-cultural model, A. M. Pyatigorsky poses the following question: “Is a person his own history even before history began?” [2, c. 228]. In other words, is the explicative unfolding of subjective potentiality in the biographical space fully determined, or is freedom allowed? Did Sophocles suspect the existence of a personality? If so, then a person should have freedom of cognitive intentions and can choose what to know about himself and what to discard, where the explication of his biographical content should come from, where the substantial reference “I”, from which

self-knowledge should begin, is. It is worth mentioning that the philosopher comes to the conclusion that the “Oedipus” model of personality is just one of many models, and it is peculiar only to some people (primarily those who go beyond a certain social norm). We will talk about “Oedipus” as the main model of anthropological research, mainly related to the root foundation of human nature, namely– its mystery. The unfolding of the content takes place in the direction of self-knowledge, disclosure and, consequently, destruction of the mystery of self-existence.

Mystery as a category of philosophical anthropology falls into the zone of close attention of modern researchers. Thus, S. V. Shevtsov, analyzing the myth of Oedipus as a model of self-knowledge, proceeds from the ontological inclusion of the subject into the object of knowledge, i.e., a person in his personal history or multidimensional biography, the angle of which he is free to choose, referring to himself from the other side. According to S. V. Shevtsov, a person is essentially located and comprehended in the zone of intersection of imaginary and truth, simultaneously combining these two modes in himself. In anthropological knowledge, “there is a boundary between the blinding brilliance of visibility and the light of the true state of affairs, which, unlike the extraordinariness of secret knowledge (Oedipus’ victory over the Sphinx) and knowledge-power (taking power in Thebes), refers to the metaphysical dimension of man – conscience, responsibility, truthfulness towards oneself” [3, c. 164]. Morality and existence are identified with self-knowledge in human destiny as a concretized universality unfolding over time. Without having true knowledge from the beginning, a person cannot remain in peaceful ignorance without losing his existence. And even if his knowledge does not lead to the desired reliability, but some anthropological fundamentality makes him be active and strive to learn. H. Plesner sees such a fundamental thing in faith: “Whoever longs for home, homeland, and shelter must sacrifice himself to faith. The one who holds on to the spirit does not come back” [4, c. 295]. An eccentric position forces

one to seek one's existence through the eternal mismatch of purpose and result, essential self and enriching freedom. H. Plesner sees in it an apology for the dignity of mind, moving from mistake to mistake in an incomprehensible world which is like a thing-in-itself, the eccentric is attracted to a multivariant future, for the appropriation of which a person creates a project of himself as already-known. And he is always in the process of this creation, self-actualization in otherness, where he obtains knowledge about himself as his position in dramatic reality (from ancient Greek δράμα – action, deed), and on the periphery of everything possible, there is an enigmatic object in the halo of existential anxiety. Absence is present as knowledge of ignorance. This is what can be called *the existential of human mystery*.

Mystery is always disturbing, its main feature as a phenomenon for us is the conflict of self-existence. Once known, it will lose its ontological status, cease to be a mystery, and despite this, it wants to be known. It carries out the “boldness of faith”, the reliance on the saving power of what Goethe calls “Ewig-Weibliche”, calls to be near and, from the perspective of the mysteriously incomprehensible, nevertheless to comprehend the phenomenal world. And it also repels as a transcendental solipsistic apology for agnosticism. At first glance, it may seem that the phenomenology of mystery is absurd, since its existence implies the regression of absolutely any cognitive intention. And yet the mystery, this wonderful veil of existence, which, according to Nietzsche, the artist admires, and the scientist tries to tear it off, in its exposure can destroy both the first and the second. As was the case, for example, with the gifted but self-willed young priest from F. Schiller's poem “The Idol of Isis”, (German “Das verschleierte Bild zu Sais”) who vehemently transgressed the prohibition of prudence.

M. Heidegger paid special attention to the tragedy of Sophocles in its connection with the question of the self-consciousness of a person concerned about the authenticity of being. As A. S. Gagarin writes: “M. Heidegger asserts that in this super-vision of Oedipus,

the main passion of Greek now-existence (German “Dasein”) is revealed – the passion of exposing existence, that is, the struggle for existence itself” [5, c. 48]. This struggle for existence found its manifesto in the Socratic exhortation “know thyself!” and in the Eleatic identification of being and thinking. It is also interesting to compare T. V. Shitsova's approach of M. Heidegger and the representative of psycho-existential therapy R. May because in the early twentieth century, it was common to consider the Oedipus complex as the basic subject of psychoanalysis, and the ontological-existential turn emerged as something new in the sciences of man. According to the researcher, M. Heidegger “defines the tragedy of Sophocles as a poetic depiction of the struggle between being (as non-concealment) and illusion (as concealment and substitution)” [6, c. 92]. Unlike him, R. May carries out a philosophical and anthropological analysis of the myth of Oedipus in the context of questions about the self, self-realization, and “the truth is understood here as the truth of individual existence – the truth that is revealed and which the individual rejects as unbearable” [6, c. 92]. At the same time, the rejection is made back into the sphere of mystery through intentional regression, which, according to M. Heidegger, means the rejection of being. M. Heidegger argues that Sophocles was the first to depict the fate of a man who had comprehended the mystery of himself in the world of blind necessity, and who had identified himself with existence through blinding himself (the finale of the tragedy). His Oedipus looked beyond the wonderful veil, comprehending his own nature, and this plot has been known all over the world for more than two and a half thousand years. Sophocles provides not just a model of the ancient worldview with all its inherent attributes (rock-ananke, pathos, catastrophism, etc.), not just the seed of a structurally and dramatically calibrated discourse about the place of personality in the ocean of the spontaneously impersonal, no matter how the founders of psychoanalysis wanted it, but an integral space of anthropological meanings full of creative and mythological energy of the value-based content of reality called “man.”

It should be established whether an act of self-knowledge is possible as a disclosure of a secret, and what can guarantee that a definitive answer to the question of human essence is possible both without losing what M. Heidegger calls “non-concealment” and with the preservation of a person’s substantial status. The tradition of Russian religious philosophy, and in particular, the discourse of anthropodicy, can serve here as a guideline for substantiating a new philosophical and anthropological interpretation of the ancient myth.

Understanding the fate of a subject who has fully come to know his self can be found in the studies of the classics of Russian philosophical thought – A. F. Losev, P. A. Florensky, N. A. Berdyaev. The anthropological question of the possibility of discovering the mystery of human nature is posed by them in the perspective of the Christian worldview, when comprehension of the ultimate meaning of existence is reduced to comprehension of the essence of the Trinity and the hypostasis of Christ, completing the tragic deed, relieving existential tension at the moment of knowledge of the truth of non-concealment. Divine hope as a saving existential leads a person through transfinite knowledge of the world to self-knowledge, when the external and internal are identified in a personal dimension. The ignorance of a tragically determined individual no longer needs the saving darkness, when “men loved darkness more than light, because their deeds were evil” (Jn: 3: 19), since the path to the meaning of tragedy of overcoming the deterministic fate, to the meaning of freedom is indicated. But for A. F. Losev, P. A. Florensky, and N. A. Berdyaev, the dialectics of two worlds is also important, one of which is extremely true, but given, the second is imaginary, but given, and between which, being defined through them, a person stands as an existential mystery that should connect these worlds, transform them and through this receive his own justification (anthropodicy).

Towards the anthropology of tragedy

The engine of human tragedy, from the point of view of ancient thinkers, is the dramatic tension of his duality with a simultaneous striving for freedom as the dignity of a cognizing subject and, at the same time, the desire to preserve cosmic order (from ancient Greek “κοσμέω” – “to arrange”, “to decorate”), the instance of which completely determines the fate of the individual while relieving him of responsibility. The second outcome is possible only if the individual accepts his place in the socio-cosmic space and submits to the common. But Sophocles’ intuition told him that this subordination initially requires self-knowledge for the possibility of self-identification (“know thyself”), and it leads to the first outcome, to the drama of cognition. In other words, self-knowledge is realized in the process of moving towards a goal, and since this goal is a benefit as a common being, an individual has to be defined through something else or something particular relative to the common, and, therefore, through the existential experience of non-existence. Sophocles did not think in terms of the generic curse of all mankind, “original sin,” which, although felt by a single person as a kind of incompleteness and probably doom, is not realized, is not solved. The meaning of such a tragic situation, which in Christian thought is expressed in the redemptive sacrifice of God, was not revealed to him either. But this does not lead him to the conclusion that life is absurd, because since it has the dignity of a freely cognizing mind, there is also a meaning to existence, given as a mystery.

P. A. Florensky was one of the first in Russian philosophy to turn to the dialectics of ancient Greek tragedy, as it was understood by ancient authors, seeking in it the origins of his anthropodicy, specifically the religious justification of man. In Europe, F. Nietzsche is engaged in rethinking the ancient tragedy, however, he justifies not a human, but a kind of biosocial obligation. Nevertheless, such attention to the same subject turns out to be quite fair, and the evolution of views is consistent, since “turning to the terms of

Nietzschean aesthetics, P. A. Florensky leaves behind the “biological man” and introduces the “tragic man” into his anthropology. This is a natural metamorphosis of his science of man: in the order of nature (namely, it is the sphere of P. A. Florensky’s research), human existence is tragically hopeless” [7, c. 102]. P. A. Florensky notes that tragedy has at its root the guilt in its essence (ουσία), not solved in essence, not recognized and tormenting with the secret meaning of its presence. In other words, it is a kind of mark, a seal, a generic sign of all mankind, an existential in which everyone is equated with everyone. Identified guilt, according to P. A. Florensky, leads to the ultimate knowledge of human nature, but this knowledge, firstly, is inconvenient and painful, and secondly, requires detachment from the world, which is symbolized by Oedipus’ blindness as a knower, “he is a soothsayer (μάντις), but this violent gift bothers him.” [8, c. 175].

In the tragedy of Sophocles, the fullness of knowledge of one’s own nature was fulfilled to the end. The ancient consciousness understands the finality of an act when it is no longer possible to remain within the familiar boundaries of phenomenal existence. Oedipus should have frozen, not to exist, because he knew, *to know*, in his case, excludes *to exist*. But knowledge does not free from action, and action does not free from error. Hence one of the possible outcomes: the motive of the action could be self-conscious and conscious imprudence. Trying to speak out against it means following the lead of reason, even if it is a categorical imperative. But P. A. Florensky, inheriting the traditions of Christian Neoplatonism, is trying to rethink the evangelical question – whether what is unreasonable and unfair from the point of view of a man is the truth from the point of view of divine reason? An attempt to know a person by a rational scientific positivist method leads to a search for justice. So Oedipus follows the path of human justice, although he does not realize that Ananke, the deity of inevitability, is leading him. The tragic fault of Oedipus is that he is a man of knowledge and knowledge cannot stop. His life with his own

mother, Jocasta, is a life in the world of original sin, which is symbolized in the tragedy by an epidemic, a miasma (from ancient Greek μίαισμα – “filth”). And if a person wanted to justify himself, he would have to find a victim in the ancestral curse, in the corruption of humanity as such, which P. A. Florensky talks about, and to find peace in inertia. That is, Oedipus would have to renounce the knowledge of truth. But this is impossible – deep in human nature, there is an awareness of personal responsibility for the ancestral curse caused by the voice of conscience. He cannot renounce knowledge with consent to the eternal filth of imaginary things, he must accept his own existential guilt as one who knows the secret of self-existence, affirming the uncovered by the principle of life itself. The meaning of human self-knowledge, which remains a sacred mystery to Sophocles, is obvious to P. A. Florensky’s Christian worldview – it is the ascent to God through the knowledge of both guilt and the redemptive sacrifice of Christ, the ascent through knowledge as love.

Thus, in the tragic worldview, the personal principle (Latin “persona” – the mask of an actor) is a hero capable of performing free actions (the beginning of movement and becoming) that run counter to the mechanically arranged whole, initially embedding and determining him, and the generic principle (the beginning of being) is represented by what Aristotle calls a “chorus” [9, c. 168] – an instance representing the total norm, the cosmic order. The tragedy is born out of the hero’s opposition to cosmic determinism, expressed through dialogue with the chorus. The transfer of a personality trait to the genus could become the justification of a man and the condemnation of humanity (“I create filth because Adam sinned”), that is, in the language of P. A. Florensky’s anthropology, the justification of “hypostasis” (ὑπόστασις), the condemnation of “being” (ousia) (ουσία). But the guilt of being, according to religious consciousness, is the beginning of generic existence, its formal realization, a way of manifestation, and humanity must defend its inviolability as a source of life. This means that, according to the natural desire of affir-

mation, the genus, defending itself, enters into a struggle with the individual, the common wins the right of legitimacy from the particular, which in contrast to the ousia is hypostasis. Translating the above into the language of ancient tragedy, P. A. Florensky concludes: "In the struggle for the imaginary hypostatic guilt of the hero and the chorus, the essence of tragedy is: every tragedy is a clash of concepts about ousia and hypostasis, about the guilt of being and the guilt of meaning. But this collision is insoluble, and therefore the tragedy is hopeless" [7, c. 135]. However, despite the hopelessness, it is not meaningless, that is, comprehension of the essence, which is the dramatic engine of existence, leads to the revelation of the phenomenon of mystery as an uncovered epiphany in order to atone for the ousian guilt.

Meaning arises when there are limits within which being is captured, and which allow us to talk about the whole, separated from the infinite. The limits of the human are opposed to the infinite, and in this opposition, according to A. F. Losev, in the ancient worldview, *"the whole world is a tragic whole*. In it, as we have seen, is the bliss of a self-contemplating and self-revolving mind; therein lies the disintegration of this movement of the mind, through various celestial spheres, all the way to Earth, where under the Moon there is already mainly the realm of necessity and where we find both irregularities in the movement of bodies and the absence of a smooth and calmly joyful radiance of ideal essences and forces in the stars. Crime is eternally committed in the world, guilt is eternally redeemed and overcome; and the cathartically enlightened, blissful primordial energy of the universal essence of the mind is eternally shining" [10, c. 679]. In this "realm of necessity," sacrifice can only have the quality of judgment and justice, but not love and the acquisition of the Other, which is still a means, not an end. However, sacrifice is the first step to freedom, even without gaining meaning, but already an attempt to overcome faceless cosmological mechanism, when the hero's response to the chorus is carried out through overstepping the norms, and in it the limit of oneself and

the beginning of the Other are comprehended. A. F. Losev observes such an ontological picture in the myth of Oedipus: "A crime is necessary related to the birth or death of one or another living being. There must be a crime that somehow puts life itself at stake All this, however, is done in the highest sense unconsciously. If the criminal really knew and remembered what he is and what his victim truly is, then, of course, he would never have been able to commit any crime" [10, c. 667]. A. F. Losev emphasizes the dialectics of tragedy, in which ignorance leads to crime, that is, a catastrophic turn, and it, in its turn, leads to knowledge. A criminal who knows his guilt experiences such a feeling/passion (*πάθος*), that in this world (life, society, politics) nothing can hold him back anymore. Crime and purification through tragic passion (*πάθος*) are the acts of the triumph of eternal meaning over the facts or "matter" of everyday life, which for him turns out to be a temporary means of self-disclosure. In the case of tragedy, these facts are the fate of a person who dared to embody the meaning (myth) in its entirety and staged a rebellion of the immanent self against the transcendent otherness, who found himself "in isolation from himself and from the mind" [10, c. 667] as the absolute source of all forms and meanings.

The universal essence of the mind, as A. F. Losev calls it (P. A. Florensky's "ousia"), here opposes the individual's self-integrity. But the self is characterized by an eccentric position, and precisely due to the fact that the actual being is decentered in the process of self-rebellion, the ontological project goes into its own other, into the sphere of mystery, where it no longer belongs to the projecting subject, where the personality loses itself in the search for meaning. M. M. Bakhtin pays special attention to the issue of individual decentralization, arguing that the problem of the limit in a person's self-knowledge correlates with the issue of reaching out to the Other, to establishing a dialogical connection with him. But not through coercion, as in the case of Aristotle's intelligent and totally normalizing all cosmic particulars prime mover, but through love. M. M. Bakhtin correlates the constitution of a

person in existence through remembrance of him, through a lover: "From the point of view of self-experience, the semantic immortality of the spirit is intuitively convincing, from the point of view of my experience of the Other, the postulate of the immortality of the soul becomes convincing, that is, the inner certainty of the Other – the inner face of his (memory), beloved in addition to meaning" [11, c. 133]. The semantic whole of a person is not comprehended by himself, but is possible when looking at himself through the world, that is, from the perspective of the Other, because "I as a subject never coincide with myself: I am the subject of an act of self-awareness – I go beyond the content of this act" [11, c. 132]. The principle of perspective-visual "out of position" allows a person to know himself at any given moment from something another, which was originally non-being and which became part of the personality in the process of introspection. This can be called the first approach to the mystery. But this another is not a mystery, because it is comprehensible to the Other, and the mystery is fundamentally different from any anthropological dimension.

A secret that cannot be revealed

Anthropologist and Hellenic historian Jean-Pierre Vernant, exploring the palette of meanings of "Oedipus the King" as a tragedy of the ambivalence of human fate, comes to the conclusion that the mystery of man is fundamentally incomprehensible. He writes: "The viewer of the tragedy is offered a kind of premise: man is not a being that we can describe or define; he is a problem, a mystery, whose double meanings we will never be able to decipher" [12, p. 480]. According to J. P. Vernant, in tragedy, it is not truth that collides with non-truth, but a multitude of truths, and the motive of fate presupposes not a hierarchy, but a pluralistic world structure in which all positions are equal, but it is impossible to go beyond one's limits in the act of knowing the other.

However, one can challenge J. P. Vernant's judgment, since Sophocles' hero nevertheless learns the truth, and the point is not that it is

impossible to decipher a person's riddle, but that one must *be prepared* for this – this is no longer an epistemological, but a spiritual task of philosophical anthropology. N. A. Berdyaev also speaks about this: "Anthropological philosophy does not deal with the fact of a man as an object of scientific knowledge (biological, psychological or sociological), but with the fact of a man as a subject of higher self-awareness, with a fact outside nature and outside the world. Therefore, this philosophy recognizes human nature as an image and likeness of absolute being, as a microcosm, as the supreme center of being and sheds light on the mysterious duality of human nature" [13, c. 66]. Religion, metaphysics, and the natural science method have the necessary potential for knowledge, but the question is: is a person *ready* for the truth about himself? This is not an issue of ethics, but an issue of what is extremely possible, it is an existential problem. As A. S. Gagarin notes, in the ancient worldview, "a wise man is not an intelligent, prudent man (φρόνιμος), but a wise man (σοφός), initially cunning, and later ignoring his own benefit, and turning to human values" [5, c. 50]. That is, in fact, sacrificing himself to endow existence with a cosmically ordered meaning. The sacrifice of the tragic hero finds a new meaning in the spiritual search of the first fathers of the church, and for Christian thinking, drama is transferred from the stage to the temple action, where a person strives to restore the integrity of his nature. Thus Gregory the Theologian, in one of his spiritual verses, discussing the meaning of human existence as a kind of purpose, writes, as if retelling the divine plan:

"May he be Heaven
The Wise mystery man, the great lord of the earth,
and the new
Angel from dust, witness of My mind and
greatness!"¹

Here, the word "mystery man" expresses the Christian understanding of the original meaning of human existence – to witness and fully

¹ Григорий Богослов. Избранные творения. М.: Сретенский монастырь, 2008. С. 381.

contemplate entities, to give them names and through this to know them, translating them into a new ontology – into the existence of an unhidden mystery. Having partaken of the fruit of knowledge, he moves from the energetic and symbolic (naming) quality of an “angel of dust” to the tragic attainment of a limit, becoming a measure of being in what M. M. Bakhtin, pointing to sacrifice in the name of self-discovery, calls “love beyond meaning.” Being determined, a person loses the ability to comprehend full knowledge, faced with the ontology of non-existence. Gregory the Theologian continues on this point:

“But full knowledge –
It’s good for the successful, while it’s bad for the
inexperienced.,
Similarly, adult food is always difficult for
infants.”¹

That is, Oedipus’ knowledge of who he is, what kind of humanity is hidden in him as a mystery that combines everything human in general, is a complete fundamental knowledge of the beginning and the end, the meaning of the limits. Full knowledge is an introduction to the mystery of appearing from nothing, being from non-being, which is the mystery of the limit, that is, death. Comprehending this enigma, realizing it, is overcoming death, since it is possible to draw any conclusion about the nature of this mystery only after passing through the act of comprehension, but remaining in being, occupying a superposition outside the binary opposition of “one/the other” or “life/death”, and holding in it the unhidden mystery, undestroyed by knowledge. That is, dying does not end, as is assumed by the Christian hope expressed in the Akathist in the following lines: “Jesus, you have clothed us in our flesh, and by your death you destroy the power of death; Jesus, you deify us with Your Divine Mysteries.”²

The mystery of eternal life retains its ontological relevance only through the knowledge of death, not as its limit, but as a transition, like Hegel’s *Aufhebung*. The dialectics of religious anthropology suggests that a person, committing an act of self-restraint, by accepting the “fruit” of knowledge, is born for a new quality – for mortality (limitation). After all, he could not have learned about this quality without gaining the right to this knowledge, without taking it upon himself as his quality. Comprehending one’s own mortality not as a limit beyond which there is non-being, but as a transition to a new quality of being, requires special responsibility, and this is possible only for the “successful” who have acquired the proper time in which self-knowledge matures. Gregory the Theologian compares tragically limited comprehension to the premature discovery of his essence by Adam (Oedipus), who was skilled in mysteries.

He tasted the sweet fruit recklessly before its due
date,
And he clothed himself in fat flesh, in clothes
made of leather,
Fallen into decay.³

The tragically extreme antique worldview grows not from the mystery of the transition, but from the mystery of the limit, which is characteristic of the ancient aesthetics as a whole. Oedipus, becoming Jocasta’s husband, is given an inappropriate status, brings pestilence, that is, filth, and, in the end, pays for the ultimate knowledge of the truth, which is the essence of tragedy. What Christian thought calls the guardian of paradise, the fire of the Archangel sword, which does not let the unworthy pass through, the ancient myth is symbolized by the riddle of the Sphinx about human nature. Oedipus solves it, and the desacralization of human nature leads him to assimilate his own essence as a fatal horror. The chronotope of the drama contains a limit, which is the actor’s mask (Latin “persona”), which plastically defines the possible cognition of the essence. First, the king wears

¹ Григорий Богослов. Избранные творения. М.: Сретенский монастырь, 2008. С. 384.

² Акафист божественным страстям Христовым [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия «Азбука веры»: [сайт]. URL: <https://azbyka.ru/days/caa/596> (дата обращения: 13.06.2018).

³ Григорий Богослов. Избранные творения. М.: Сретенский монастырь, 2008. С. 384.

a mask, then the royal robes fall off, and exposure leaves the face of a lonely knower in the face of inevitability. Further, the episode with the gouged eyes is too clear to dwell on. More interesting now seems to be the act of self-exile of the “enlightened” king from Theban society. It is a symbol of depriving a person of a “heavenly” state, and it is also a rejection of a mystery that he is no longer suitable for contemplating. A person receives a new quality, characterized by the existential loneliness of the exile. Man, a “social animal” (ζῷον πολιτικόν Aristotle), being deprived of the status of “social”, ceases to be a man, but something like a beast. J. P. Vernant examines in detail the tradition of “pharmakos”, that is, exiled in ancient society, and concludes that “in his solitude, he <Oedipus> acts simultaneously as a subhuman, a beast, a wild monster and a man bearing a formidable religious quality – a daimon.” [12, p. 481].

What is this new quality of a person who has learned the secret (before the deadline, not ready for it), called a daimon? The study of the concept of “δαίμων” in Sophocles, made by E. V. Alymova, shows its relationship with the concept of “μοῖρα”, that is, “share.” A daimon is a kind of super-being that distributes a person’s share [14, c. 21], a personalized quality of an individual, the ability to choose, however, not yet immanent to the person himself, but entrusted to divine fate: “if μοῖρα is a share or what is given to the lot, what is given once and for all, then δαίμων is the one who distributes, gives shares. Μοῖρα is not located somewhere outside the person to whom it is destined, on the contrary, it is his self. In other words, μοῖρα becomes the nature of a man, his φύσις, which determines his entire existence.” [14, c. 21]. However, in Sophocles,

it is Oedipus who is called a daimon by the chorus, implying that the distributor (δαίμων) and the distributable (μοῖρα) henceforth co-exist in one essence – in a man who knows himself. True self-comprehension from the standpoint of ancient thinking always corresponds to the comprehension of fate, and the one who is trying to comprehend becomes like a demiurge, whose freedom and will completely coincide with comprehension, and while the demiurge is trying to comprehend, he remains in being, but the end of the process of comprehension is whether it is a rejection of it or, conversely, full realization – a meeting with non-existence, with the limit.

Conclusion

Summing up, we can conclude that from the point of view of Sophocles’ philosophical anthropology, it is possible to comprehend the essence of a man only together with the comprehension of the limit, that is, going beyond, where anthropocentric rationalism is not the measure of things. The tragedy “Oedipus the King” is a reflection of the highest intensity of existential experience of the ultimate, endless excitement about eternity, which does not find way out in the human dimension limited by the fatal necessity. Here, a very significant question is posed, but not sufficiently covered in modern philosophical and anthropological research - how can one be prepared to comprehend what a person is? And this is, of course, one of the cornerstone questions of philosophy – are we ready to comprehend the whole mystery of a man completely, with all its depths and heights, and at the same time remain people who are able to understand our organic place in society and the cosmos?

REFERENCES

1. Radtsig, S. I. (1962). Myth and Reality in Greek Tragedy. In: *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 2, 114–127 (in Russ.).
2. Pyatigorsky, A. M. (2004). The Myth about One Who Becomes God (Meeting with Oedipus). In: Pyatigorsky, A. M. *The Incessant Conversation*. St. Petersburg: Azbuka-classic publ., pp. 193–238 (in Russ.).
3. Shevtsov, S. V. Justification of Human Existence in Sophocles (2013). In: *RSUH/RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*, 11 (112), 163–170 (in Russ.).
4. Plessner, H. (2004). *Levels of Organic Life and the Human: An Introduction to Philosophical Anthropology*. Moscow: ROSSPEN publ. (in Russ.).

5. Gagarin, A. S. (2014). Loneliness as an Existential in Ancient Philosophy (From Hesiod to Aristotle). In: *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 14, 1, 43–58 (in Russ.).
6. Shchitsova, T. V. (2014). “The Birth Complex”: An Existential-Phenomenological Interpretation of the Oedipus Myth. In: Shchitsova, T. V. *Anthropology. Ethics. Politics: A Collection of Philosophical Articles and Reports*. Vilnius: ESU publ., pp. 90–121 (in Russ.).
7. Florensky, P. A. (2004). *Collected Works. Philosophy of Cult (The Experience of Orthodox Anthropodicy)*. Moscow: Mysl publ. (in Russ.).
8. Florensky, P. A. (1996). *Collected Works. Vol. 2*. Moscow: Mysl publ. (in Russ.).
9. Aristotle (2000). *Rhetoric. Poetics*. Moscow: Labyrinth publ. (in Russ.).
10. Losev, A. F. (2013). *Essays on Ancient Symbolism and Mythology*. Moscow: Academicheskyy Proekt publ. (in Russ.).
11. Bakhtin, M. M. (2000). *Author and Hero: Toward a Philosophical Foundation for the Humanities*. St. Petersburg: Azbuka publ. (in Russ.).
12. Vernant, J.-P., duBois P. (1978). Ambiguity and Reversal: On the Enigmatic Structure of Oedipus Rex. In: *New Literary History*, 9 (3), 480–481.
13. Berdyaev, N. A. (2011). *The Meaning of Creativity: The Human Justification Experience*. Moscow: AST publ., Astrel publ. (in Russ.).
14. Alymova, E. V. (2014). The Daimon of Oedipus as a Paradigm (Sophocles’s Oedipus the King, 1192–1194). In: *Verbum*, 16, 16–30 (in Russ.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Радциг С. И. Миф и действительность в греческой трагедии // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 1962. № 2. С. 114–127.
2. Пятигорский А. М. Миф о том, как становятся богами (встреча с Эдипом) // Пятигорский А. М. Непрерываемый разговор. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 193–238.
3. Шевцов С. В. Оправдание бытия человека у Софокла // Вестник Российского государственного гуманитарного университета: Философия, социология, искусствоведение. 2013. № 11 (112). С. 163–170.
4. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.
5. Гагарин А. С. Одиночество как экзистенциал античной философии (от Гесиода до Аристотеля) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14. № 1. С. 43–58.
6. Щитцова Т. В. «Комплекс рождения»: экзистенциально-феноменологическая интерпретация мифа об Эдипе // Щитцова Т. В. Антропология. Этика. Политика: сборник философских статей и докладов. Вильнюс: ЕГУ, 2014. С. 90–121.
7. Флоренский П. А. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии). М.: Мысль, 2004. 685 с.
8. Флоренский П. А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. 877 с.
9. Аристотель. Риторика. Поэтика / пер. О. П. Цыбенко. М.: Лабиринт, 2000. 224 с.
10. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Академический проект, 2013. 847 с.
11. Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основаниям гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
12. Vernant J.-P., duBois P. Ambiguity and Reversal: On the Enigmatic Structure of Oedipus Rex // *New Literary History*. 1978. Vol. 9. No. 3. P. 480–481.
13. Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: АСТ: Астрель, 2011. 668 с.
14. Алымова Е. В. Даймон Эдипа как парадигма (Софокл «Эдип-царь», ст. 1192–1194) // *Verbum*. 2014. № 16. С. 16–30.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina L. Ivleva (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department, Department of Social Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;
e-mail: ivleva_ml@pfur.ru, ORCID: 0000-0003-2901-7503

Dmitry D. Romanov (Moscow) – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Social Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;
e-mail: romanovbook@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6715-3448

Nonna L. Bagamyants (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Assoc. Prof., L2 (English for Instrument-Making Specialties) Department, Bauman Moscow State Technical University;
e-mail: nonnalev@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3287-5963

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ивлева Марина Левенбертовна (г. Москва) – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы;
e-mail: ivleva_ml@pfur.ru, ORCID: 0000-0003-2901-7503

Романов Дмитрий Дмитриевич (г. Москва) – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы;
e-mail: romanovbook@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6715-3448

Баграмянц Нонна Левенбертовна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры Л2, МГТУ имени Н. Э. Баумана;
e-mail: nonnalev@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3287-5963

Научная статья

УДК 101.2

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-3-114–123

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ УНИВЕРСИТЕТОВ

Майкова В. П.*, Молчан Э. М.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

**Корреспондирующий автор, e-mail: valmaykova@mail.ru*

Поступила в редакцию 27.01.2025

После доработки 17.02.2025

Принята к публикации 03.02.2025

Аннотация

Цель. Провести социально-философский анализ ценностных ориентаций университетов.

Процедура и методы. Методологией исследования выступают комплексный подход к изучению моделей университетских структур, мониторинг корпоративной социальной ответственности, теоретико-философский анализ социально-экономического и научного потенциала.

Результаты. Выявлено, что ценностные ориентации современных университетов варьируются в зависимости от специфики их деятельности и основных направлений: научно-исследовательского, экономического, социального, политического и экологического, взаимосвязь и взаимообусловленность которых предопределяется духовно-нравственными ценностями.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при детальной проработке специфической деятельности университетов, определении критериев оценки, ценностных ориентаций образовательных технологий в сочетании с гибридными формами обучения.

Ключевые слова: идентичность, научно-исследовательская ориентация, образование, ответственность, политическая ориентация, социальная ориентация, университет, экологическая ориентация, экономическая ориентация

Для цитирования:

Майкова В. П., Молчан Э. М. Социально-философский анализ ценностных ориентаций университетов // Современные философские исследования. 2025. № 3. С. 114–123. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-114–123>

Original research article

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF UNIVERSITIES' VALUE ORIENTATIONS

V. Maikova*, E. Molchan

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

**Corresponding author, e-mail: valmaykova@mail.ru*

Received by the editorial office 27.01.2025

Revised by the author 17.02.2025

Accepted for publication 03.02.2025

Abstract

Aim. To conduct a socio-philosophical analysis of the value orientations of universities.

Methodology. Integrated approach to the study of models of university structures, monitoring corporate social responsibility, theoretical and philosophical analysis of socio-economic and scientific potential are the methods used in the study.

Results. It is revealed that the value orientations of modern universities may vary; these differences depend on the specifics of their activities and the main directions: research, economic, social, political and environmental, the relationship and interdependence of which is predetermined by spiritual and moral values.

Research implications. The results of the study can be used in a detailed study of the specific activities of universities, the definition of evaluation criteria, value orientations of educational technologies in combination with hybrid forms of education.

Keywords: identity, research orientation, education, responsibility, political orientation, social orientation, university, environmental orientation, economic orientation

For citation:

Maikova, V. P., Molchan, E. M. (2025). Socio-Philosophical Analysis of Universities' Value Orientations. In: *Contemporary Philosophical Research*, 3, 114–123. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-114-123>.

Введение

В мире постоянно развивающихся технологий каждый университет приобретает технологический аспект. Современные университеты неоднородны по своей широте и охвату. Их миссии менялись и расширялись в условиях научно-технического прогресса с учётом конкретных исследовательских программ и потребностей общества. Ценностные ориентации в аспекте обучения в университете предопределяются двойственной технологической структурой, включающей уровень теоретико-методологического основания знаний и профессиональные компетенции, сформированные в процессе обучения. Потенциальная ориентированность образовательных программ направлена на потребности современной промышленности и на практику технологического производства. Неоднородность образования привела к постоянной напряжённости и вызовам для университетов. Существующая напряжённость ещё более усугубилась из-за общего кризиса образования, который потребовал нового специалиста, стремящегося к социальной ответственности [1]. Парадигмальная составляющая современного университета предопределяется целеполаганием и цен-

ностными основаниями, востребованными в социальных отношениях. Вследствие трансформаций в гибридных социальных системах, а также информационных угроз для суверенных государств требуется широкий спектр направлений и специальностей, которые будут сглаживать давление и потенциальные риски со стороны недружественных корпораций. Основная задача Российского государства в эпоху информационной глобализации и экспансии со стороны недружественных стран и корпораций – восстановить технологическое образование, соединить и выстроить механизмы коммуникации на всех ступенях обучения. В ответ на вызовы и риски современным университетам необходимо сохранить самостоятельность и выработать ключевые характеристики и ценностные ориентации.

Рассмотрим институциональный уровень, чтобы понять различные способы его осмысления на исторических примерах университетов. Предполагаем, что существует различие между основными концепциями и их эмпирическими воплощениями, что позволит представить университет и его институциональную способность развиваться в идеализированных направлениях [2]. Университет рассматри-

вается как собрание идей и как организационная единица, обладающая индивидуальностью и полномочиями, поскольку он может предопределять модельный ряд свойств, ценностей-целей, концептуальных данных, отражённых в теоретической структуре. Деятельность высшего заведения характеризуется критериальными показателями, результатами самообследования, результатами финансовых и годовых отчётов, а также научно-исследовательской деятельностью и особенностями процесса обучения.

Научно-исследовательская ориентация

Научно-исследовательская ориентация университетов играет важную роль в военно-промышленном развитии страны. Технологическое доминирование предопределяет промышленный потенциал, наукоёмкие технологии, что способствует освоению природных ресурсов на благо государства, защите от внешних и внутренних угроз, обеспечению жизнеспособности народонаселения. Внедрение научно-технических разработок в аграрно-промышленный комплекс обеспечивает продовольственную безопасность, освоение нефтегазовой отрасли регулирует энергетические ресурсы, использование достижений науки в военных разработках создаёт защитный каркас самостоятельности функционирования на мировом уровне. Главной составляющей научного потенциала государства является подготовка кадров для различных отраслей производства с учётом запросов со стороны работодателей. Необходимость в системе академического образования, предназначенного для научной профессии, создаёт предпосылки для ориентации университетов на прикладные науки и внедрения практикоадаптивного аспекта в образовательный процесс. Например, в учебной программе, ориентированной на естественные науки, предпочтение отдаётся математике и естественным наукам в конкретных областях техники. В этом

смысле нормы и ценности сосредоточены на академической свободе, а власть и влияние в значительной степени основаны на дисциплинарных знаниях и опыте. В подготовке специалиста для конкретной отрасли важную роль играет профессиональная идентичность, т. е. способность компетентной личности использовать теоретический и практический потенциал знаний, умений и навыков, накопленный за время учёбы в университете, и материализовать в области своей деятельности на производстве. Такой специалист, руководствуясь научной рациональностью, вносит технические реконструкции в производственный процесс и сам совершенствуется как компетентный профессионал. Учебная программа при подготовке компетентного специалиста концентрируется на технологических аспектах конкретной предметной области в совокупности и представляет собой инвариантную модель будущего специалиста. Тем не менее трансформация системы образования под видом внедрения передового западного опыта подвергла технологическое образование деформации, изменению ценностного основания, спровоцировав свободу в выборе ценностного потенциала и фиктивного нейтралитета, а также уход от решения социальных проблем. В своей крайней форме отстранение научной ориентации от социальных проблем приводит к появлению «технически компетентных варваров», разрабатывающих технологические решения и двигающих человечество по неустойчивому пути [3].

Экономическая ориентация

Во многих российских регионах обострение научно-исследовательских разработок технологических университетов связано с преодолением промышленного спада или с повышением экономической конкурентоспособности на международном уровне. Образование в Российской Федерации ориентировано на подготовку компетентных специалистов, их трудоустройство в соответствующей сфере со-

гласно запросам работодателей. Оно включает:

- финансово-экономические модели университета (оптимизацию расходов для баланса финансово-экономической модели вуза, обеспечение финансовой устойчивости вуза);

- передовые практики ведущих российских вузов (стратегические ориентиры, развитие механизмов обеспечения роста и диверсификации доходов, направления повышения эффективности финансового менеджмента, цифровизацию процессов финансово-экономической деятельности, развитие механизмов финансирования деятельности консорциумов и т. д.);

- формирование инвестиционной модели финансирования научно-исследовательской работы вузов (практики российских вузов по внедрению инвестиционной модели финансирования в НИР, государственные инициативы, направленные на формирование инвестиционной модели финансирования НИР);

- использование зарплатных и иных материальных мотивационных моделей вузов в целях обеспечения показателей эффективности (нормативные основания повышения заработной платы научно-педагогических работников вузов, практики реализации зарплатных и незарплатных моделей стимулирования научно-педагогических работников в ведущих отечественных вузах);

- финансовые модели вузов за рубежом;
- финансовые показатели в рейтингах вузов.

Хотя смешение научной и экономической ориентаций позволяет добиться более эффективных результатов, однако последняя всё же преобладает в образовании. Экономическая ориентация проявляется в двух аспектах: во-первых, обучение предполагает возможность трудоустройства и наличие хорошо подготовленной гибкой рабочей силы как средства поддержания национального конкурентного преимущества в мире мегаконкуренции. Во-вторых, существуют предпринимательские университеты как центры инноваций и само-

достаточности. В целом нынешняя экономическая ориентация признаёт знания как самостоятельную производительную силу¹. Эта ориентация подкреплена фундаментальными социально-экономическими изменениями в направлении развития общества, основанного на знаниях, отражённых в структуре учебного плана, в котором приоритет отдаётся экономически эффективным навыкам и коммерциализации знаний. Наиболее активные критики выражают сожаление по поводу захвата университетов «когнитивным капитализмом» или «капитализмом знаний». Достижения в области науки обладают двойственной составляющей: научные открытия, с одной стороны, представляют ценность для развития экономики, с другой – являются средствами обогащения отдельных корпораций и заинтересованных лиц. Современные компании, заинтересованные в огромных доходах, приватизируют жизненно важные ресурсы, такие как вода, нефть, газ и т. д., а с помощью превосходства в технологическом потенциале пренебрегают справедливым экономическим распределением.

Социальная ориентация

Социальная ориентированность образовательных учреждений предопределяет социокультурный потенциал современного общества, формирует интеллигентную составляющую страны, элиту государства. Ориентированность современных университетов формируется под влиянием внешних и внутренних факторов: традиционных духовно-нравственных ценностей учебных заведений, политики и запросов со стороны государства, экономического потенциала, научно-технической базы, спроса и востребованности специалистов в определённой сфере деятельности [4]. Внешние трансформационные процессы изменяют целеполагание, ценностные

¹ Трансформация финансово-экономической модели университетов. Результаты мониторинга информации о тенденциях развития высшего образования в мире и в России. Вып. 19. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2024. С. 4.

ориентации, т. к. глобализационные мировые вызовы подталкивают к адаптивной политике, разработке новых стратегий развития с учётом международных рисков [5]. Специализированные курсы и программы, отражающие социальную ориентацию, необходимо развивать в элитных университетах. При создании социально ориентированных университетов возникает необходимость в гуманитарных подходах, обучении системному анализу для подготовки профессиональных социотехнологов, приобщении неинженеров к технологическому мышлению или созданию специалистов в области социальных наук. Социальная ориентированность университетов предполагает структурирование идеологического ядра традиционных ценностей современного общества, направленность на патриотические ценности, развитие критического мышления, понимание необходимости выпускников, значимости их деятельности на благо государства. Одной из важных составляющих в образовательной политике государства, а также в миссии университетов является ценностная доминанта семьи. Семья как ячейка государственного устройства позволяет скрепить, синтезировать ценностно-смысловое ядро общества, сориентировать на традиционные для страны ценности и сформировать духовный иммунитет социума. В миссию современных технологических университетов необходимо включать аспект воспитательного характера личности как человека, как семьянина, любящего свою семью и несущего ответственность за её процветание и благополучие. Укрепление института семьи позволит преодолеть демографический кризис, создать благополучную социальную среду, сориентировать на интересы развития своего государства.

Политическая ориентация

Политическая ориентация университетов предопределяется образовательными программами и идеологической направленностью на государственную структуру

общества. 2025 г. в России объявлен Годом защитника Отечества. Политические приоритеты университетского образования должны быть соотнесены с данным положением. Государство заинтересовано в субъектах социума, ориентированных на ценностно-смысловые мировоззренческие универсалии, предопределяющие интересы политического устройства страны. Образовательная политика ориентирует университетскую среду на ценности-цели, потенциально заложенные в устройство политических интересов своего общества, а иначе часть субъектов образования будет переориентирована на другие политические взгляды и отношения. Современная цифровизация, виртуализация, гибридизация образовательных контентов, платформ вносят свои аспекты в функционирование политических интересов внутри университетов. Виртуальные сообщества со своими политическими взглядами и ценностями воздействуют на ценностно-смысловые мировоззренческие универсалии субъектов образования. Появляется опасность манипулирования политическими интересами и переформатирования сознания под лозунгами «свободы», «равенства» и «братства». Внешние агрессивные агенты влияния посредством различных виртуальных сообществ создают коллективы с определённой идеологией, направленной на деструктивные процессы внутри государства, трансформацию политических взглядов и интересов граждан. Внешняя виртуальная экспансия несёт потенциальные риски для университетской образовательной политики и разрушает традиционные ценностные ориентации общества. С одной стороны, государство как бы не вмешивается в политические ориентации университетов, с другой – гибридизация и виртуализация влияют на мировоззрение субъектов образования. Как показывает опыт в разных странах мира, если не проводить образовательной политики со стороны государства и предоставить внешним виртуальным сообществам воздействовать на аудиторию и

управлять информационным контентом, это приведёт к негативным последствиям. Контроль со стороны государства за политическими ориентациями университетов является необходимым для предотвращения рисков и угроз из внешних источников информации и для сохранения национальной безопасности общества. Цель политической ориентации университетов заключается в сохранении национальной идентичности, самостоятельности функционирования на основе традиционных духовно-нравственных ценностей, в отращивании и расширении государственных интересов на международном уровне [6].

Экологическая ориентация

Экологическая ориентация современных университетов играет важную роль в подготовке специалистов в решении вопросов сохранения окружающей среды, рационального использования природных ресурсов, переработки отходов производства и др. Она связана с констатирующим и прогностическим мониторингом по проблемным экологическим вопросам, построением модельного ряда исследовательских программ с конкретными целевыми установками и направлениями. Построение экологической образовательной модели как идеализированной структуры на начальном этапе позволит предопределить основные направления. Естественным, идеализированная структура модели имеет следующие компоненты – элементы целостной системы: цели устойчивого развития и стратегии по их реализации; комплекс знаний с экологической составляющей; ценности, сформированные или которые необходимо сформировать у субъекта образовательного процесса; идеальную модель профессиональных умений и навыков для реализации себя в экологической деятельности; опыт творческой деятельности по сохранению окружающей среды; стремление самореализации субъекта образовательной деятельности. Эта идеализированная структура модели подчёркивает роль университетов в эко-

логическом образовании при подготовке будущих специалистов, в которую включает вклад в устойчивое и справедливое развитие экономических отношений с рациональным использованием природных ресурсов на благо страны. В соответствии с миссией университета необходимо включать в структуру образовательных программ направления с элементами экологического образования, реализовать межпредметные компоненты, создавать совместные проекты регионального уровня, минимизируя негативное воздействие на окружающую среду. В будущем в соответствии с потребностями поколений необходим переход к устойчивым экологическим моделям, экологическим компонентам в учебных программах, практикам, адаптивному управлению, сотрудничеству, междисциплинарности и преодолению изоляции. Преподавание сосредоточено на обучении через действие и делание, целостном системном мышлении, системах с замкнутым циклом, присвоении технологий, гуманитарной инженерии, межкультурных дизайнерских проектах [7]. Процесс экологизации в учёных заведениях не всегда успешен: может наблюдаться несоответствие между плохими экологическими показателями и позитивными отчётами о них. Это «преднамеренный акт», направленный либо на сокрытие потенциально вредных для окружающей среды практик, либо на ложное представление университетской практики как экологически чистой.

Формулирование ответственности университетов

Поскольку образованию свойственна постоянная трансформация и этот процесс продолжается, сложно выделить направления ответственности университетов и сферу их влияния на социальные отношения в обществе. Однако современные вызовы и риски подталкивают обобщить поле влияния на создание устойчивой атмосферы развития государства. Основные постановления: Указ Президента Российской

Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹ и Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 304 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” по вопросам воспитания обучающихся»² – ориентируют образовательную политику, а, следовательно, и университеты Российской Федерации на воспитание и формирование традиционных духовно-нравственных ценностей. Духовно-нравственные ценности как ценностно-смысловое ядро мировоззренческих универсалий личности являются основанием военной, духовной, политической, экономической, экологической, культурной, информационной и других видов безопасности государства. Образовательные программы современных вузов в своей структуре включают компоненты основных элементов законодательной базы государства. Внешние угрозы со стороны Евросоюза, США, глобальные и локальные военные конфликты требуют более широкой роли университетов для укрепления страны. На данном этапе развития жизнестойкости общества создаются условия для наращивания научного потенциала вузов, устранения разрыва между навыками и наукой, направления его на конструктивные цели [8]. Университеты несут в себе и воспитывают научную, профессиональную, гражданскую и юридическую ответственность. Научная ответственность предполагает использование

методологического инструментария для достижения результатов и применения их для улучшения жизнедеятельности общества. Она ассоциируется с духовно-нравственными ценностями, лежащими в основе духовно-нравственной личности учёного, его ответственности, добросовестности, патриотизма и академической свободы. Профессиональная ответственность связана со знаниями, умениями и навыками личности, которая использует свой профессиональный потенциал не только для саморазвития и благополучия себя, но на благо коллектива, государства. Гражданская ответственность изменяет целеполагание личности и связана с такими духовно-нравственными ценностями, как справедливость, любовь к ближнему, коллективизм, сострадательность, ответственность и т. д. Цель современного университета за время подготовки – заложить духовно-нравственные основы в ценностно-смысловые мировоззренческие доминанты личности, сформировать устойчивый духовный иммунитет, способный противостоять негативным воздействиям. Юридическая ответственность фокусируется на законодательной базе, оперируя принципами законности, справедливости, ответственности, целесообразности, неотвратимости, обуславливает современные университеты и наделяет самостоятельным статусом при принятии решений. Направления ответственности университетов не ограничиваются вышеперечисленными элементами из общей структуры, а имеют систему взаимосвязанных отношений, выстроенных на основе цифровых технологий и консенсусов [9].

Заключение

По своей форме современный университет представляет собой динамическую саморазвивающуюся систему, включающую направления ответственности, научно-исследовательскую базу для создания передовых технологий и подготовки кадров, учитывающую потенциальные риски и глобальные трансформации со

¹ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] // Гарант.ру: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061> (дата обращения: 09.01.2025).

² Федеральный закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” по вопросам воспитания обучающихся» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310075> (дата обращения: 09.01.2025).

стороны внешних и внутренних воздействий. Философский анализ ценностных ориентаций университетов позволяет разрабатывать или корректировать потенциальные модели функционирования высших учебных заведений, руководителям и практикам – задуматься об идентичности образовательных структур, опираясь на педагогический опыт, разрабатывать концепции воспитания духовно-нравственных ценностей в своём поле влияния. В современном образовательном учреждении традиционные духовно-нравственные ценности определяют ценностно-смысловые мировоззренческие детерминанты субъекта воспитания, их содержание и структуру. Профессионализм во взаимосвязи с духовно-нравственными ценностями ориентирует личность на трудовую деятельность, творческое самоопределение. Задача университетов – заложить потенциал духовно-нравственных ценностей в мировоззренческую структуру личности, раскрыть и показать ценность трудовой деятельности как для самого субъекта образования, так и для общества в целом.

Это подразумевает понимание того, что духовно-нравственная личность представляет критериями своей жизнедеятельности духовно-нравственные ценности, которые как регуляторы поведения будут направлять и корректировать все виды ответственности. Важно понимать, как современные университеты смогут перестроить образовательные про-

граммы, заложив элементы воспитания духовно-нравственных ценностей в их содержание. Влияние духовно-нравственных ценностей на культурную, научную, профессиональную, гражданскую, юридическую, экологическую и другие виды ответственности является неоспоримым фактом, побуждает обратиться к изучению форм обучения и воспитания. В то же время не нужно упускать из виду ключевые проблемы, с которыми сталкиваются университеты при выполнении своих обязанностей и стратегий. Сюда входят вопросы гибридизации образования, использование цифровых технологий, в частности искусственного интеллекта, виртуальных симуляторов реальных объектов, экономическая составляющая научно-исследовательской деятельности, экологические проблемы при реализации проектов, политическая ориентация, гражданская ответственность и т. д. Ещё одно направление связано с разработкой методологического инструментария для измерения и отчётности о влиянии деятельности всех структурных подразделений, эффективности реализации учебных программ, подготовки востребованных специалистов¹. Учитывая взаимосвязанный характер текущих общественных процессов, важно выяснить, как современные университеты сотрудничают с другими заинтересованными сторонами посредством межвузовских альянсов для реализации своих ответственных миссий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Липич Т. И. Социально-демографическая политика как фактор национальной безопасности и роль образовательных ценностей в современном содержании образования // Наука. Техника. Человек: исторические, мировоззренческие и методологические проблемы: сборник научных статей. Вып. 13. Т. 1. М.: Академия Жуковского, 2023. С. 137–142.
2. Володина Л. О. Духовно-нравственные ценности воспитания в контексте государственной образовательной политики // Источник. 2023. № 1 (117). С. 21–22.
3. Горина Е. Е. Роль образовательных организаций при реализации государственной политики по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей // Социальные отношения. 2022. № 4 (43). С. 28–34.
4. Богуславский М. В. Концептуализация современной образовательной политики на основе гражданско-патриотических ценностей // Образование в современном мире: новое время – но-

¹ Бондарева Я. В., Родин П. Н., Буренков С. В. Социальная и политическая философия: учебно-методическое пособие. М.: Спутник +, 2024. 27 с.

- вые решения: сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции –XVI Осовских педагогических чтений, Саранск, 17–18 ноября 2022 г. Ч. 1. М.: Московский городской педагогический университет, 2022. С. 105–109.
5. Соболевская Т. Г. Роль технических университетов в формировании единого научно-технологического и образовательного пространства СНГ // Международное сотрудничество вузов государств – участников Содружества Независимых Государств: сборник научных статей. М.: Ассоциация технических университетов, 2021. С. 99–104.
 6. Дианов С. А. Политологическое образование в образовательной среде передового вуза: ценностно-смысловые основания // Конфликтология / Nota Bene. 2023. № 1. С. 73–81. DOI: 10.7256/2454-0617.2023.1.39902
 7. Майкова В. П., Молчан Э. М. Этические принципы применения искусственного интеллекта в экологическом образовании // Русский инженер: сборник тезисов II Всероссийского конгресса с международным участием, Москва, 30 октября – 1 ноября 2024 г. М.: Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, 2024. С. 290–291.
 8. Мокий В. С. К вопросу об ответственности университетов за достижение результатов развития и постоянного самообновления общества [Электронный ресурс] // Universum: психология и образование: электронный научный журнал. 2023. № 9 (111). URL: <https://universum.com/ru/psy/archive/item/15903> (дата обращения: 09.01.2025).
 9. Актуальные вопросы истории и философии науки: коллективная монография / В. П. Майкова, Э. М. Молчан, Д. А. Ильченко, О. И. Задремайлов, Э. В. Марков. Сергиев Посад: Издатель А. А. Ларкин, 2024. 110 с.

REFERENCES

1. Lipich, T. I. (2023). Socio-Demographic Policy as a Factor of National Security, and the Role of Educational Values in Modern Education. In: *Science. Technology. Man: Historical, Ideological and Methodological Problems. Iss. 13. Vol. 1*. Moscow: Zhukovsky Academy publ., pp. 137–142 (in Russ.).
2. Volodina, L. O. (2023). Spiritual and Moral Values of Education in the State Educational Policy. In: *Source*, 1 (117), 21–22 (in Russ.).
3. Gorina, E. E. (2022). The Role of Educational Organizations in the Implementation of State Policy on the Preservation of Traditional Spiritual and Moral Values. In: *Social Relations*, 4 (43), 28–34 (in Russ.).
4. Boguslavsky, M. V. (2022). Conceptualization of Modern Educational Policy Based on Civic-Patriotic Values. In: *Education in the Modern World: New Times – New Solutions: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference – the XVI Osovskie Pedagogical Readings, Saransk, November 17–18, 2022. Pt. 1*. Moscow: Moscow City University publ., pp. 105–109 (in Russ.).
5. Sobolevskaya, T. G. (2021). The Role of Technical Universities in the Formation of a Single Scientific, Technological and Educational Space of the CIS. In: *International Cooperation of Universities of the Member States of the Commonwealth of Independent States*. Moscow: Association of Technical Universities Publ., pp. 99–104 (in Russ.).
6. Dianov, S. A. (2023). Political Science Education in the Educational Space of an Advanced University: Value-Semantic Foundations. In: *Conflict Studies / Nota Bene*, 1, 73–81. DOI: 10.7256/2454-0617.2023.1.39902 (in Russ.).
7. Maikova, V. P. & Molchan, E. M. (2024). Ethical Principles of Using Artificial Intelligence in Environmental Education. In: *Russian Engineer: Collection of Abstracts of the II All-Russian Congress with International Participation, Moscow, October 30 – November 1, 2024*. Moscow: Bauman Moscow State Technical University Publ., pp. 290–291 (in Russ.).
8. Mokiy, V. S. (2023). On the Universities' Responsibility for Achieving the Results of Development and Continuous Self-Renewal of Society. In: *Universum: Psychology and Education: Electronic Scientific Journal*, 9 (111). Available at: <https://universum.com/ru/psy/archive/item/15903> (accessed: 01.09.2025) (in Russ.).
9. Maikova, V. P., Molchan, E. M., Ilchenko, D. A., Zadremaylov, O. I. & Markov, E. V. (2024). *Actual Issues of the History and Philosophy of Science*. Sergiev Posad: A. A. Larkin Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Майкова Валентина Петровна (г. Москва) – доктор философских наук, профессор кафедры философии Государственного университета просвещения,
e-mail: valmaykova@mail.ru

Молчан Эдуард Михайлович (г. Москва) – кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: ed.molchan2015@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentina P. Maikova (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy, Federal State University of Education;
e-mail: valmaykova@mail.ru

Eduard M. Molchan (Moscow) – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of Philosophy, Federal State University of Education;
e-mail: ed.molchan2015@yandex.ru

Научная статья

УДК 316.624:34

DOI: doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-124-133

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Юсупов Р. Р.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: 4250407@gmail.com

Поступила в редакцию 09.12.2025

После доработки 26.12.2025

Принята к публикации 15.01.2025

Аннотация

Цель. Изучение причин и последствий девиантного поведения подростков в современном обществе, а также разработка рекомендаций по его профилактике.

Процедура и методы. Исследование основано на анализе статистических данных, нормативно-правовых актов и научных трудов, посвящённых девиантному поведению. Применён системный подход, включающий сравнительный и структурно-функциональный анализ.

Результаты. Выявлены основные факторы, способствующие девиантному поведению подростков, включая влияние семейной среды, сверстников и социальных ожиданий. Определены направления государственной политики, направленные на снижение уровня подростковой девиантности, а также предложены меры для совершенствования профилактических программ.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование способствует углублению понимания механизмов девиантного поведения подростков и разработке эффективных мер его предотвращения, что может быть использовано в социальной, педагогической и правовой практике.

Ключевые слова: государственная политика, девиантное поведение, подросток, правовая база, преступление

Для цитирования:

Юсупов Р. Р. Причины и последствия девиантного поведения среди несовершеннолетних // Современные философские исследования. 2025. № 3. С. 124–133. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-124-133>.

Original research article

CAUSES AND CONSEQUENCES OF DEVIANT BEHAVIOR AMONG MINORS

R. Iusupov

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: 4250407@gmail.com

Received by the editorial office 09.12.2025

Revised by the author 26.12.2025

Accepted for publication 15.01.2025

Abstract

Aim. To study the causes and consequences of deviant behaviour in modern society, and to develop recommendations for its prevention.

Methodology. The study is based on the analysis of statistical data, normative-legal acts, and scientific works devoted to deviant behaviour. The system approach including comparative and structural-functional analysis was applied.

Results. The main factors contributing to adolescent deviant behaviour, including the influence of family environment, peers and social expectations, were identified. The directions of state policy aimed at reducing the level of adolescent deviant behaviour were determined, and measures for improving prevention programmes were proposed.

Research implications. The study contributes to a deeper understanding of the mechanisms of adolescent deviant behaviour and the development of effective measures to prevent it, which can be used in social, pedagogical and legal practice.

Keywords: public policy, deviant behavior, teenager, legal framework, crime

For citation:

Iusupov R. R. (2025). Causes and Consequences of Deviant Behavior Among Minors. In: *Contemporary Philosophical Research*, 3, pp. 124–133. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-124-133>.

Введение

«Проблема влияния неопределённости, изменчивости и множественности современного социума отражается на индивидуальной жизни человека» [1, с. 342]. Это способствует возникновению социальных, экономических и психологических вызовов. Особенно это заметно в контексте девиантного поведения, которое выступает одновременно результатом и катализатором общественных трансформаций. Такое поведение нарушает общественные нормы, подрывает социальное доверие и усиливает напряжение внутри сообществ. Подростки, наиболее уязвимые к этим влияниям, становятся индикатором изменений в обществе. Цель исследования – выявить основные причины девиантного поведения среди молодёжи, оценить его последствия для общества и предложить эффективные подходы к профилактике этого явления.

Понятие девиантного поведения и его влияние на общество

Проблема девиантного поведения является объектом повышенного внимания для специалистов из совершенно разных областей научного знания: педагогики, социологии, права, криминологии, медицины и др. В связи с этим сформировать точное и единогласно принятое определение данному феномену на данный момент не получилось. Однако, по мнению автора,

наиболее удачную трактовку понятия дают Н. С. Сидоренко и Н. С. Нижник, согласно которым девиантное поведение – это особое устойчивое поведение личности, которое можно оценить как отклоняющееся от объективных и общепринятых социальных норм, причиняющее вред либо самой личности, либо окружающему её социуму. Помимо этого, девиантное поведение зачастую сопровождается социальной дезадаптацией личности [2, с. 400]. По мнению современных учёных, девиантное поведение имеет две разновидности: нестандартное поведение (отклоняющееся от принятых в обществе норм и устоев поведение личности с позитивным влиянием как на саму личность, так и на окружающий её мир) и деструктивное поведение. Последний вид также принято разделять на асоциальное поведение (целенаправленное нарушение социальных норм), аддиктивное поведение (с использованием специфической активности или препаратов с целью ухода от реальности) [3, с. 159], антисоциальное (направленное на нарушение правовых норм) и внутридеструктивное (дизинтеграция личности). Наиболее распространённые формы девиантного поведения – это насилие, хищения и вымогательство, распространение и употребление запрещённых психотропных препаратов, табакокурение, хулиганство и прогулы школы [4, с. 105].

Воздействие девиантного поведения, варьирующееся от незначительных нарушений до крупных преступных деяний, может значительно нарушить общественную безопасность, подорвать доверие сообщества и ослабить социальную сплочённость.

Общественной безопасности напрямую угрожает девиантное поведение, такое как насилие, воровство и злоупотребление психоактивными веществами. Эти действия не только представляют опасность для отдельных лиц, но и создают всепроникающее чувство незащищённости в обществе. Высокий уровень преступности и девиантности может привести к усилению полицейской деятельности и надзора, которые, хотя и необходимы для обеспечения безопасности, также могут вызвать чувство угнетения и страха у членов общества.

Следующим аспектом выступает доверие общества, которое значительно страдает, когда девиантное поведение становится слишком распространённым. Доверие является основой социального капитала, необходимого для бесперебойного функционирования общества. Разрушение доверия может привести к снижению готовности участвовать в общественной деятельности и активности волонтеров и общему нежеланию взаимодействовать с соседями, что в итоге приведёт к фрагментации социальной структуры.

Социальная сплочённость, ещё один важный аспект общества, также страдает от нерегулируемого девиантного поведения. Сплочённость строится на общих ценностях, взаимном уважении и коллективном участии в жизни сообщества. Когда девиантное поведение становится массовым, это сигнализирует о разрушении этих общих ценностей. Это создаёт разногласия и конфликты внутри общества, поскольку различные группы могут расходиться во мнениях относительно причин и путей решения девиантности. Это может привести к усилению социальной изоляции, когда отдельные лица и группы становятся более замкнутыми и менее склонными к сотрудничеству ради общего блага.

Таким образом, влияние девиантного поведения на общество выходит за рамки непосредственных последствий индивидуальных действий. Оно угрожает общественной безопасности, подрывает доверие сообщества и ослабляет социальные связи, которые необходимы для сплочённого и функционального общества. Борьба с таким поведением требует комплексного подхода, который фокусируется не только на профилактике и правоприменении, но и на создании сильных, жизнестойких сообществ.

Природа возникновения девиантного поведения

Девиантное поведение у взрослых часто связано с уникальными причинами и проявляется особым образом. На рабочем месте девиантность может варьироваться от незначительных нарушений, таких как прокрастинация и пустая трата времени, до более серьёзных правонарушений, таких как растрата, мошенничество и домогательства. Такое поведение часто проистекает из неудовлетворённости должностными обязанностями, воспринимаемой несправедливости или токсичной рабочей культуры.

Девиантное поведение взрослых зависит от социальных ролей и ожиданий. Взрослые сталкиваются с давлением, связанным с их ролями, в которых они выступают в качестве родителей, сотрудников и граждан. Неспособность соответствовать этим общественным ожиданиям, реальным или мнимым, может привести к девиантному поведению в форме совладания или бегства.

Жизненные стрессоры являются ещё одним критическим фактором, способствующим девиантному поведению у взрослых. Финансовые трудности, проблемы в отношениях, со здоровьем и другие стрессоры могут подтолкнуть людей к девиантному поведению как средству борьбы со стрессом или бегству от реальности. Финансовые трудности, например, могут привести к краже или мошенничеству, в то

время как проблемы в отношениях могут привести к домашнему насилию или супружеской неверности [5, с. 104].

Комплексное решение этих проблем является ключом к смягчению девиантного поведения и к продвижению более здоровой и продуктивной жизни взрослых.

Девиантное поведение молодёжи и подростков является проблемой, на которую оказывают глубокое влияние различные социальные и личностные факторы. Подростки в своём стремлении к принятию и самоидентификации часто поддаются влиянию сверстников, что заставляет их заниматься деятельностью, которая отклоняется от социальных норм. Эта подверженность может привести к поведению, варьирующемуся от незначительных поступков, таких как прогулы, до более серьёзных выходов, таких как злоупотребление психоактивными веществами, или делинквентности – поведения, связанного с нарушением правовых и нравственных норм.

Динамика семьи также критически влияет на развитие девиантного поведения у подростков. Семейная среда, характеризующаяся пренебрежением, жестоким обращением, бытовым алкоголизмом родителей или дисфункциональными отношениями в целом, может predispose молодых людей к девиантному поведению. И наоборот, поддерживающие и коммуникативные семейные структуры могут выступать в качестве буфера против таких тенденций. Отсутствие положительных образцов для подражания или присутствие членов семьи, которые сами проявляют девиантное поведение, могут создать прецедент для подростков, повышая их вероятность повторения подобных действий [6].

Общественные ожидания и нормы ещё больше усложняют картину подростковой девиантности. Молодые люди часто сталкиваются с новостями об успехе, информацией о моделях поведения, ценностях, например, в интернете. Давление, вынуждающее соответствовать этим ожиданиям, может привести некоторых подростков к бунту, особенно когда они ощущают несоответствие между общественными идеа-

лами и своим личным опытом или наблюдениями. Этот бунт может быть формой самовыражения или механизмом преодоления трудностей и несоответствий, которые они наблюдают в мире взрослых [7, с. 83–84].

Таким образом, понимание девиантного поведения молодёжи и подростков требует целостного подхода, учитывающего влияние сверстников, семейное положение и давление общества. В современной педагогике в вопросе девиантного поведения детей ключевой задачей стоит формирование на государственном уровне благоприятного пространства и социума для самосовершенствования подростков и их осознанного выбора правомерного поведения. Такое направление государственной политики позволит не только снизить количество правонарушений подростков в настоящем времени, но и сформировать благоприятную базу для создания комфортного для всех граждан будущего.

Состояние проблемы в современной России и законодательное регулирование девиантного поведения

Для понимания современного состояния проблемы девиантного поведения несовершеннолетних в нашей стране нами были проанализированы официальные статистические данные МВД¹ и ФСГТ² и аналитические исследования отечественных специалистов за последние шесть лет (2017–2022 гг.) для отслеживания динамики изменения данного показателя.

По официальным данным в 2017 г. было зарегистрировано 45288 уголовных преступлений, в совершении которых подозревались несовершеннолетние граждане или же факт совершения или соучастия в которых был доказан. В 2017 г. лидерами

¹ Федеральная служба государственной статистики. Индикаторы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicators> (дата обращения: 29.11.2024).

² Министерство внутренних дел Российской Федерации. Состояние преступности [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 29.11.2024).

среди регионов России, в которых наблюдалось наибольшее количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, стали Свердловская и Челябинская области. Самые законопослушные подростки в 2017 г. проживали в Республике Ингушетии. В 2017 г. подростками совершено 233941 административное правонарушение. Доля преступлений в общем объёме правонарушений, которые были совершены девиантными подростками в 2017 г., – 4,5%.

В 2018 г. доля преступлений, которые были совершены несовершеннолетними гражданами, составила 2,9%. Более чем сорока тысящей девиантными подростками за 2018 г. было совершено 43600 преступлений, почти четверть из которых относятся к тяжким и особо тяжким.

В 2019 г. наблюдалось повышение удельного веса преступлений, совершённых девиантными подростками, в общем объёме правонарушений – около 3,9%. За год были зафиксированы 37953 несовершеннолетних гражданина, которые либо совершили уголовное преступление, либо стали его соучастниками.

Для 2020 г. характерно резкое снижение уровня преступности среди несовершеннолетних граждан на 11,5%, которое правоохранительные органы и специалисты связывают с влиянием пандемии COVID-19. Так, примерно 33500 подростков были уличены в совершении 33778 преступле-

ний. Доля преступлений, совершённых подростками, в общем числе правонарушений в 2020 г. составила 3,1%.

В 2021 г. показатели продолжали падать. Доля подростковых преступлений составила 2,9% среди всех правонарушений. Зарегистрирована 31900 преступлений, совершённых 14863 несовершеннолетними нарушителями.

В 2022 г. удельный вес преступлений, которые совершили подростки, снизился до 2,5% от общего числа уголовных преступлений. Всего за этот год 14 214 девиантных подростков совершили 30500 уголовных преступлений. Однако стоит отметить, что в 2022 г. отмечены рост числа и максимальный показатель особо тяжких преступлений, которые совершены подростками.

Сводный график динамики описанных показателей продемонстрирован на рисунке 1.

График на рисунке 2 отображает динамику удельного веса совершаемых подростками преступлений в общем объёме уголовных правонарушений.

Если рассматривать приведённые статистические данные в их динамике, можно сделать вывод о положительной тенденции снижения уровня преступности несовершеннолетних граждан Российской Федерации. В качестве примера можно привести статистику 2007 г., в котором 84124 подростка осуждены за совершение

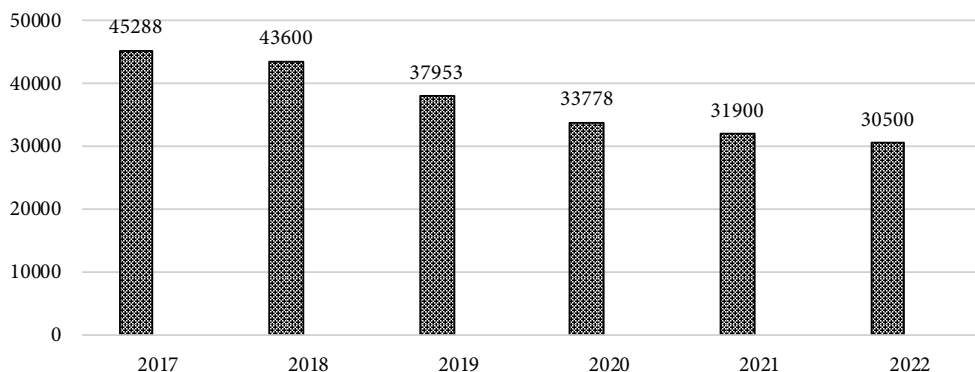

Рис. 1 / Fig. 1. Количество преступлений, совершенных несовершеннолетними в России в период с 2017 по 2022 гг. / Number of offences committed by minors in Russia in the period from 2017 to 2022

Источник: данные автора.

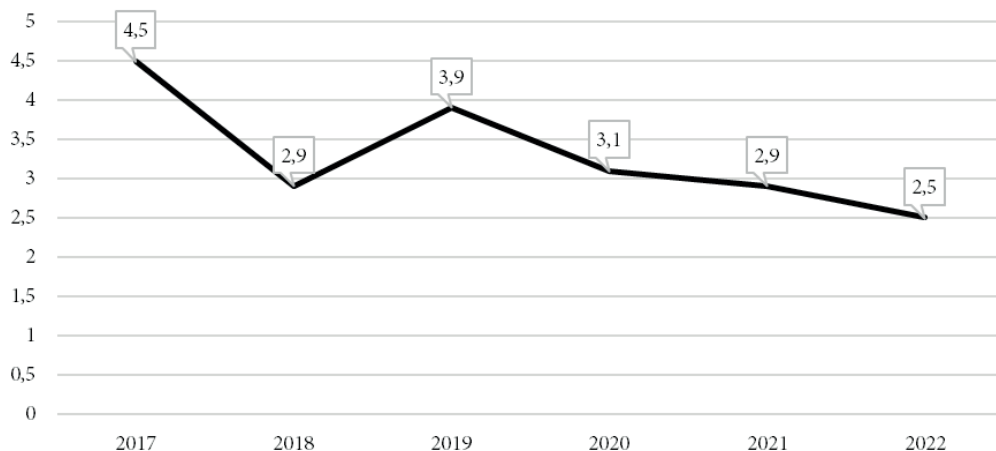

Рис. 2 / Fig. 2. Удельный вес преступлений, совершённых подростками, в общем объёме уголовных правонарушений / Proportion of crimes committed by juveniles in the total volume of criminal offences

Источник: данные автора.

преступлений: снижение подростковой преступности за последние 15 лет произошло на 83%.

Если говорить о разновидностях преступлений, которые чаще всего совершают девиантные подростки, максимальную

частотность показывают такие правонарушения, как кражи (около 63%), грабежи (8,5%) и неправомерное завладение транспортными средствами без преследования цели их хищения (6,3%). Более детальная статистика представлена в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Виды преступных деяний девиантных подростков и их доля в общем объёме преступлений, совершенных несовершеннолетними гражданами России / Types of criminal acts by deviant adolescents and their share in the total volume of offences committed by juvenile citizens of Russia

Вид преступления	Доля в общем числе преступлений
Убийство	0,4
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	1,3
Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью	2,7
Изнасилование	0,3
Кражи	63,4
Мошенничество	1,2
Грабеж	8,5
Разбой	1,6
Вымогательство	1
Неправомерное завладение транспортными средствами	6,3
Хулиганство	0,1
Хищение оружия	0,1
Не распределено	12,9

Источник: подсчитано автором по: Федеральная служба государственной статистики.

Если говорить о соотношении юношей и девушек, совершивших преступления, представители мужского пола (91%) в данном случае преобладают в значительной мере (рис. 3).

Наконец, судя по официальным статистическим данным, каждый девятый подросток в России, который совершил преступление, сделал это под влиянием алкогольных напитков. Причём данная статистика актуальна как для уголовных, так и для административных правонарушений.

Государственная политика Российской Федерации, безусловно, не оставляет без внимания такую стратегически важную для страны проблему, как девиантное поведение, и рассматривает способы её профилактики. Основные нормативно-правовые акты, которые так или иначе регламентируют различные вопросы девиантного поведения подростков в нашей стране и являются правовой базой для этого процесса, представлены на рисунке 4.

Помимо перечисленных на рисунке 4 документов, важными правовыми актами в области регулирования рассматриваемой проблемы являются Конституция РФ, Конвенция ООН «О правах ребёнка»

(1989 г.), Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей (1990 г.), Уголовный кодекс Российской Федерации, Постановление Правительства РФ от 06.05.2006 № 272 «О Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав» и мн. др. Отдельно стоит отметить огромное количество законодательных актов в данной области, которые разработаны и внедрены на уровне отдельных регионов нашей страны.

Как видно, законодательная база регулирования и профилактика девиантного поведения подростков в нашей стране достаточно обширная и многогранная [8].

В государственной политике Российской Федерации проблемам девиантного поведения подростков уделяется огромное внимание. Помимо разработки нормативно-правовых актов, упомянутых выше, государство непрерывно осуществляет развитие психолого-педагогического сегмента современной науки с целью создания новых методологий и инструментов по профилактике и снижению уровня преступности и иных антисоциальных прояв-

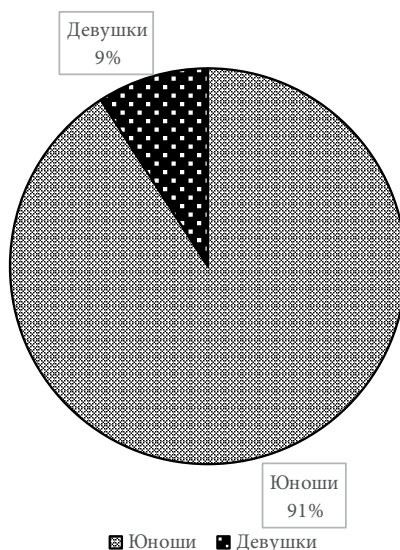

Рис. 3 / Fig. 3. Статистика совершённых преступлений несовершеннолетних граждан в зависимости от их пола / Statistics on offences committed by juvenile citizens depending on their gender

Источник: данные автора

Федеральные законы

- Федеральный закон "О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам профилактики незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ" от 7 июня 2013 года N 120-ФЗ
- Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ (ред. от 29.12.2015)
- Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ
- Федеральный закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ (ред. от 28.12.2016)
- Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ
- Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
- Федеральный закон "О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)" от 30 марта 1995 г. № 38-ФЗ (ред. от 23.05.2016)
- Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 N 193-ФЗ

Иные документы

- «О необходимости обеспечения максимального охвата образовательных организаций социально-психологическим тестированием» Письмо Минобрнауки России от 6 апреля 2017 г. №ВК-1116-07
- «О Порядке проведения профилактических медицинских осмотров обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, а также образовательных организациях высшего образования в целях раннего выявления незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ» Приказ Минздрава России от 6 октября 2014 г. № 581н
- «О направлении методических рекомендаций по внедрению восстановительных технологий (в том числе) в воспитательную деятельность образовательных организаций» Письмо Минобрнауки России от 26.12.2017 № 07-7657

Рис. 4 / Fig. 4. Основные нормативно-правовые акты, составляющие правовую базу для регламентации процесса профилактики девиантного поведения / The main normative and legal acts that constitute the legal basis for regulating the process of preventing deviant behaviour

Источник: данные автора.

лений среди несовершеннолетних граждан [9].

На основе разработанных законодательных актов в нашей стране созданы учреждения особого типа, которые направлены на оказание социальных, педагогических и психологических услуг подросткам и их семьям.

Благодаря государственной поддержке процесса регулирования девиантного поведения были созданы территориальные центры социальной помощи проблемным подросткам и их родителям, что позволяет развить эффективную систему работы с такой категорией граждан [10].

В частности, эффективность существующей нормативной базы регулирования девиантного поведения и внедрения иных

проектов демонстрирует снижение количества преступлений, совершённых несовершеннолетними гражданами, которое заметно в шестилетней динамике.

Подводя итог, государственную политику и законодательную базу в области регулирования и профилактики девиантного поведения в нашей стране можно назвать действительно эффективной, что подтверждено реальными статическими данными.

Заключение

«Девиантное поведение подростков является трансформирующимся понятием» [11, с. 186]. Сегодня оно охватывает широкий спектр действий – от проявлений креативности, выходящих за рамки

традиционного восприятия, до опасных форм деструктивного поведения. Анализ причин такого поведения показывает, что ключевыми факторами являются влияние семьи, сверстников, социальные ожидания и личностные особенности подростков. Рассмотрение статистики демонстрирует значительное снижение уровня подростковой преступности, что свидетельствует о результативности профилактических мер,

поддерживаемых государством и обществом. Таким образом, для формирования благоприятной среды необходимо продолжать развивать комплексные программы поддержки молодёжи, сочетая образовательные, психологические и социальные подходы. Только совместными усилиями можно минимизировать риски девиантности и способствовать гармоничному развитию подрастающего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макадей Л. И., Осипова Н. В., Терещенко Э. В. Ценностные ориентации и социальные установки подростков, склонных к девиантному поведению // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 81–3. С. 341–344.
2. Слепухина Г. В., Безенкова Т. А., Андриенко О. А. Личностные особенности подростков с девиантным поведением // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 4 (33). С. 396–401. DOI: 10.26140/anip-2020-0904-0088
3. Шейхова М. С., Железнова Д. Р. Проблема девиантного поведения в подростковой среде // Наука, образование, инновации: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей IX Международной научно-практической конференции, Пенза, 20 августа 2021 г. Пенза: Наука и Просвещение, 2021. С. 158–160.
4. Головина В. В. Девиантное поведение и преступность: постановка проблемы // Человек в мире природы и культуры. Трибуна молодых: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Кисловодск, 3–5 октября 2018 г. Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2018. С. 104–108.
5. Озёрная А. С. Исследование девиантного поведения среди подростков: статистика, причины и методы борьбы // Студенческий вестник. 2021. № 17–4. С. 102–105.
6. Антонова Е. Ю. Роль семьи в формировании законопослушного поведения несовершеннолетних // Право и государство: теория и практика. 2022. № 12 (216). С. 294–296. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_12_294
7. Черепанов А. Г. Девиантное поведение и его опасность для общества // Современное состояние и перспективы развития науки и образования: сборник научных трудов по материалам XXX Международной научно-практической конференции, Анапа, 7 января 2022 г. Анапа: Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов, 2022. С. 82–86.
8. Богданенко А. А., Седуш И. Г. Понятие и сущность юридической ответственности несовершеннолетних // Моя профессиональная карьера. 2020. Т. 3. № 8. С. 169–172.
9. Погожева О. В., Плиев С. М. Профилактика девиантного поведения несовершеннолетних на территории Ставропольского края: современный правовой и институциональный анализ // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 1. С. 168–173. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.22
10. Чанышева Г. Г., Хайруллова Э. Т., Томаева Д. М. Профилактика преступности несовершеннолетних // Гуманизация образования. 2023. № 4. С. 140–148. DOI: 10.24412/1029-3388-2023-4-140-148
11. Девиантное поведение подростков как проявление индивидуальной аномии: социальный и гендерный аспекты проблемы / О. В. Усова, В. В. Усов, Н. Б. Костина, Т. В. Дуран // Образование и наука. 2021. Т. 23. № 5. С. 164–192. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-5-164-192

REFERENCES

1. Makadey, L. I., Osipova, N. V. & Tereshchenko, E. V. (2023). Value Orientations and Social Attitudes of Adolescents Prone to Deviant Behavior. In: *Problems of Modern Pedagogical Education*, 81–3, 341–344 (in Russ.).
2. Slepukhina, G. V., Bezenkova, T. A. & Andrienko, O. A. (2020). Personality Characteristics of Adolescents with Deviant Behavior. In: *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 9, 4 (33), 396–401. DOI: 10.26140/anip-2020-0904-0088 (in Russ.).

3. Sheykhova, M. S. & Zheleznova, D. R. (2021). The Problem of Deviant Behavior Among Adolescents. In: *Science, Education, Innovation: Current Issues and Modern Aspects: Collection of Articles from the IX International Scientific and Practical Conference, Penza, August 20, 2021*. Penza: Science and Education publ., pp. 158–160 (in Russ.).
4. Golovina, V. V. (2018). Deviant Behavior and Crime: Problem Statement. In: *Man in the World of Nature and Culture. Tribune of the Youth: Collection of Materials from the International Scientific and Practical Conference, Kislovodsk, October 3–5, 2018*. Khabarovsk: Far Eastern State Transport University Publ., pp. 104–108 (in Russ.).
5. Ozernaya, A. S. (2021). Study of Deviant Behavior among Adolescents: Statistics, Causes and Control Methods. In: *Student Bulletin*, 17–4, pp. 102–105 (in Russ.).
6. Antonova, E. Yu. (2022). The Role of the Family in the Formation of Law-Abiding Behavior of Minors. In: *Law and State: The Theory and Practice*, 12 (216), 294–296. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_12_294 (in Russ.).
7. Cherepanov, A. G. (2022). Deviant Behavior and Its Danger to Society. In: *Current State and Prospects for Science and Education Development: Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the XXX International Scientific and Practical Conference, Anapa, January 7, 2022*. Anapa: Research Center for Economic and Social Processes publ., pp. 82–86 (in Russ.).
8. Bogdanenko, A. A. & Sedush, I. G. (2020). Concept and Essence of Legal Liability of Minors. In: *My Professional Career*, 3 (8), 169–172 (in Russ.).
9. Pogozheva, O. V. & Pliev, S. M. (2021). Prevention of Deviant Behavior of Minors in the Stavropol Territory: Modern Legal and Institutional Analysis. In: *Humanities and Law Research*, 1, 168–173. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.22 (in Russ.).
10. Chanysheva, G. G., Khairullova, E. T. & Tomaeva, D. M. (2023). Prevention of Juvenile Delinquency. In: *Humanization of Education*, 4, 140–148. DOI: 10.24412/ 1029-3388-2023-4-140-148 (in Russ.).
11. Usova, O. V., Usov, V. V., Kostina, N. B. & Duran, T. V. (2021). Deviant Behavior of Adolescents as a Manifestation of Individual Anomie: Social and Gender Aspects of the Problem, In: *The Education and Science Journal*, 23 (5), pp. 164–192. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-5-164-192

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юсупов Рашид Романович (г. Москва) – аспирант кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: 4250407@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rashid R. Yusupov (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Philosophy, Federal State University of Education;
e-mail: 4250407@gmail.com

Научная статья

УДК 128:008.2:34:17

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-3-134-141

ФИЛОСОФСКИЕ, ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСГУМАНИЗМА

Яровая Е. В.

Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

e-mail: v89257662491@gmail.com

Поступила в редакцию 12.12.2025

После доработки 23.12.2025

Принята к публикации 10.01.2025

Аннотация

Цель. Анализ философских, правовых и этических аспектов трансгуманизма, исследование его влияния на человеческую природу и социальные процессы в контексте внедрения новых технологий, таких как генетические модификации, нанотехнологии и нейротехнологии.

Процедура и методы. Использованы методы сравнительного анализа и теоретического исследования. Осуществлён обзор философских концепций трансгуманизма, а также рассмотрены возможности и угрозы, связанные с применением новых технологий, таких как биопротезирование, искусственный интеллект и регенеративная медицина.

Результаты. Выявлены риски социального неравенства, угроза утраты традиционных человеческих качеств и возможные этические дилеммы, связанные с использованием технологий для изменения природы человека.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа способствует углублённому пониманию влияния трансгуманизма на общественные и правовые структуры, а также предлагает рекомендации для разработки социального и правового регулирования технологических изменений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, научно-технический прогресс, продление жизни, современное общество, трансгуманизм

Для цитирования:

Яровая Е. В. Философские, этические и правовые аспекты трансгуманизма // Современные философские исследования. 2025. № 3. С. 134–141. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-134-141>.

Original research article

PHILOSOPHICAL, ETHICAL, AND LEGAL ASPECTS OF TRANSHUMANISM

E. Iarovaia

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: v89257662491@gmail.com

Received by the editorial office 12.12.2025

Revised by the author 23.12.2025

Accepted for publication 10.01.2025

Abstract

Aim. To analyze the philosophical, legal and ethical aspects of transhumanism, to investigate its impact on human nature and social processes in the context of the implementation of new technologies such as genetic modifications, nanotechnology and neurotechnology.

Methodology. Methods of comparative analysis and theoretical research were used. A review of the philosophical concepts of transhumanism was carried out, and the opportunities and threats associated with the application of new technologies such as bioprosthesis, artificial intelligence, and regenerative medicine were considered.

Results. Risks of social inequality, the threat of loss of traditional human qualities and possible ethical dilemmas associated with the use of technology to change human nature are identified.

Research implications. The work contributes to a deeper understanding of the impact of transhumanism on social and legal structures and offers recommendations for the development of social and legal regulation of technological change.

Keywords: artificial intelligence, scientific and technological progress, life extension, modern society, transhumanism

For citation:

Iarovaia E. V. (2025). Philosophical, Ethical, and Legal Aspects of Transhumanism. In: *Contemporary Philosophical Research*, 3, 134-141. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-3-134-141>.

Введение

«Современные генетические модификации, биотехнологии, нанотехнологии, робототехника усиливают умственные и физические способности, успешно борются с болезнями, замедляют процесс старения» [1, с. 45]. Эти достижения открывают человечеству новые горизонты, обещая продлить жизнь, улучшить её качество и преодолеть биологические ограничения. Однако такие перспективы сопряжены с серьёзными этическими вызовами и социальными рисками, ставя под сомнение традиционные представления о природе человека [2; 3]. Введение инновационных технологий требует чёткого понимания их возможного влияния на общество. Цель настоящего исследования – проанализировать философские, правовые и этические аспекты трансгуманизма, рассматривая его как концепцию, которая стремится определить новый путь развития человеческой цивилизации.

Понятие трансгуманизма

Понятие «трансгуманизм» (transhumanism – от лат. trans ‘переход, изменение’ + homo ‘человек’) впервые введено в оборот английским биологом Джулианом Хаксли, который в 1927 г. описал основы данного феномена в своей книге «Религия без откровения» [4].

Общепринятой трактовки данного понятия в кругах учёных и философов не

существует, однако наиболее ёмкое определение рассматриваемому термину дал доктор теологии и философии Жан-Клод Ларше. Так, по его мнению, под трансгуманизмом следует понимать особую философскую концепцию, которая пропагандирует применение результатов научно-технического прогресса и достижений науки для улучшения физических и интеллектуальных показателей современного человека и нейтрализации нежелательных аспектов человеческой жизни (старения, болезней, смерти) [5].

Философы активно изучают такие аспекты данной концепции, как возможности развития цифровых технологий и появления новых достижений науки, а также возможные последствия и опасности данных инноваций для человечества.

Основными задачами трансгуманистов являются:

- 1) всесторонняя поддержка технического и научного развития общества;
- 2) непрерывное отслеживание состояния научно-технического прогресса, своевременное предотвращение возможных этических нарушений учёных;
- 3) охрана и расширение свобод каждой личности;
- 4) максимальное отдаление старения и смерти человека, предоставление человеку выбора о времени своей смерти;
- 5) снижение в значительной мере уровня страданий человека и одновременно с

этим увеличение уровня счастья для человечества и животных;

6) активное противостояние концепциям, противоположным трансгуманизму (традиционализм, религиозный фундаментализм, энвайронментализм и др.) [6];

7) работа с государственными структурами в части снятия ограничений на проведение научных исследований в области развития человека.

Внутри трансгуманизма существует шесть течений:

1) аболиционизм (гедонистический трансгуманизм), в основе которого лежит парадигма о необходимости использовать новейшие технологии для снижения уровня различного рода страданий всех живых существ. Базируется концепция на сочетании положений гедонизма и утилитаризма;

2) коммунистический трансгуманизм (технокоммунизм), который подразумевает плавный переход (без социальных революций) общества к эгалитарному общественному строю путём уделения огромного внимания со стороны государства научно-технической отрасли;

3) либертарианский (анархический) трансгуманизм, основанный на идее собственности;

4) постгендеризм, направленный на устранение гендерных разделений людей путём внедрения в биологические процессы передовых методик в области вспомогательных репродуктивных технологий;

5) техногайянизм, направленный на защиту природы, животных и окружающей среды в целом;

6) трансгрессивный трансгуманизм, для последователей которого главной ценностью является биоморфическая свобода.

Трансгуманизм подвергается многочисленным нападкам со стороны критиков из самых разных областей науки. Так, основные спорные вопросы в рамках концепции трансгуманизма касаются допустимых пределов киборгизации мозга человека, опасности будущего объединения различных организмов в одно сверхсущество, а также конечной цели самой философии.

Помимо этого, нетерпеливое ожидание появления всё новых технологий и стимулирование научно-технологического прогресса, которые активно пропагандируются трансгуманистами, провоцируют критические замечания со стороны представителей иных философских концепций, т. к., по мнению последних, догмы трансгуманизма не решают проблему неравенства в современном обществе, а наоборот, добавляют новые его формы. Например, применение новейших технологий для совершенствования физических и интеллектуальных показателей человека доступны только тем, кто может себе позволить данные дорогостоящие технологии.

Правовой базис и границы действия трансгуманизма

Любая непрерывно и стремительно развивающаяся область науки, которая стабильно увеличивает количество своих последователей, обуславливает повышенное внимание к себе со стороны государства и специалистов в области права.

Сегодня во всём развитом мировом обществе, и в нашей стране в частности, набирают обороты непрекращающиеся дискуссии и дебаты между юристами, учёными и представителями трансгуманистической философской концепции. Помимо этого, в различных странах активно разрабатываются новые законодательные акты, которые формируют правовую базу применения норм трансгуманизма на практике.

Кроме того, современные юристы считают, что правовой аспект конвергенции технологий и человека сегодня является одной из ключевых проблем данной философской концепции. К примеру, известны уже разработанные законопроекты о наделении гражданскими правами кибернетических лиц, которые являются носителями технологий искусственного интеллекта. Развитие технологий также провоцирует исследователей изменить устаревающее понятие «разумное существо» и расширить его определение путём добавления

в него положений о киберфизических и технобиологических формах жизни. Соответственно, если данное расширение будет принято, то юристам предстоит пересмотреть всю существующую концепцию правовой квалификации разумных существ.

Однако мнения юристов на данный вопрос разделились. Первые считают, что действующее законодательство и существующие нормативные акты вполне могут справиться с задачей регламентации и контроля всех инновационных изменений в контексте концепции трансгуманизма. Вторые настаивают на том, что происходящая с современным обществом метаморфоза нуждается в разработке качественно новой нормативной базы, которая бы учитывала все нюансы трансгуманистического мира.

Однако наиболее рациональным считается комбинированный подход, при котором применение действующего законодательства должно идти параллельно с разработкой новых регламентирующих документов с учётом всех особенностей происходящих изменений.

Сумбурный и быстрый процесс, описанный выше, нашёл своё отражение и был регламентирован в некоторых аспектах таким важным документом, как Трансгуманистический билль о правах (далее – ТБП), авторы которого делают акцент на том, что в современном обществе и в современном состоянии развития научно-технологического процесса больше невозможно полагаться лишь на феномен человеческого вида, необходимо учитывать весь спектр разумных существ, который будет только расширяться. В связи с этим для точной и верной регламентации трансгуманистических процессов в обществе необходимо вывести критерии для типизации разумных существ и на их основе разработать соответствующую классификацию.

В рамках ТБП разработана достаточно детализированная иерархия разумности существ, которая позволяет юристам принимать минимальный уровень сознания, с

которого у разумного существа может возникать право- и дееспособность.

Можно выделить следующие основные положения ТБП:

1) равенство прав разумных существ (включая права на личную неприкосновенность и самозащиту от нападения в материальном и виртуальном мирах);

2) право всех разумных существ на здоровье (включение в общую систему здравоохранения), усовершенствование (продление жизни) и морфологическую свободу (обязанность относиться ко всем разумным существам как к самостоятельным личностям);

3) равные права на юридическую защиту для всех разумных существ;

4) право всех разумных существ владеть собственностью (единолично или совместно);

5) права всех разумных существ на труд, выбор рода деятельности и отдых;

6) права всех разумных существ на участие в культурной жизни общества и научном прогрессе;

7) права всех разумных существ на репродуктивную свободу;

8) права всех разумных существ на доступ к интернету и иным благам;

9) право на получение безусловного базового дохода без привязки к личностным факторам;

10) право всех разумных существ на образование (бесплатное на начальной и базовой стадиях).

Отдельно стоит уточнить, что положения ТБП на сегодняшний день носят острый дискуссионный характер и не поддерживаются большим количеством современных юристов.

Второй важный правовой документ, регламентирующий различные аспекты трансгуманизма, – Хартия Прав Трансчеловека (далее – ХПТ), которая, по сути, является декларацией свобод личности в новых условиях. В документе описаны такие важные положения, как:

1) право на здоровье;

2) право на долголетие;

3) право на повышение производительности;

4) право на повышение интеллекта;

5) право на развитие.

ХПТ по сей день является объектом дискуссий среди профессионального юридического сообщества по всему миру.

Что касается нормативного регулирования отдельных положений и явлений трансгуманизма в России, наша страна находится на начальной стадии принятия данной инновационной философской концепции. Основные причины данного явления заключается в том, что, во-первых, Российская Федерация (несмотря на закрепление светского типа государства в Конституции) является достаточно религиозной страной с большим представлением различных конфессий во всех регионах, а во-вторых, находится на начальной стадии развития высоких инновационных технологий, поэтому поднимаемые трансгуманистами вопросы на данный момент не представляются россиянам достаточно актуальными и важными для их закрепления на законодательной основе (кроме законодательства об искусственном интеллекте).

Однако российские правоведы всё чаще уделяют внимание результатам исследований зарубежных коллег, которые, как ожидается, станут базой для разработки отечественного нормативного фундамента в области отношений человека и новых технологий.

Границы действия светского трансгуманизма в своей работе описал доктор теологии и философии из Университета Страсбурга (Франция) Жан-Клод Ларше.

Согласно теории Ларше, существует восемь недостатков теории трансгуманизма, которые существенно ограничивают сферу и рациональность её применения.

1. Трансгуманизм в значительной мере подрывает основы и этические идеалы гуманизма, т. к. пропаганда увеличения доли влияния технологий в физическом и интеллектуальном функционировании людей влечёт за собой снижение уровня «человечности», что в свою очередь, может

послужить причиной возникновения мира «без людей».

2. Отдельные положения трансгуманизма больше похожи на научную фантастику, нежели на реальную концепцию совершенствования мира. Так, представляется достаточно иллюзорным стремление трансгуманистов к бессмертию и бесконечности ресурсов человека.

3. Представляется абсурдным и нереалистичным положение трансгуманизма в отношении возможного предотвращения старения человеческого организма и смерти, что является неизбежным процессом с точки зрения биологической науки.

4. В теории трансгуманизма имеется доля лицемерия, т. к. вместо повышения значимости человека и его личности, которое считается фундаментом концепции, по сути, происходит «уменьшение» человека в современном мире за счёт фокусировки на таких обезличенных качествах, как, например, производительность тела.

5. Трансгуманизм рассматривает психические и интеллектуальные особенности человека лишь в количественном отношении, игнорируя их качественную составляющую, что ведёт к «уменьшению» человека, которое описано в предыдущем пункте.

6. Отдельные положения и технологии трансгуманизма многими специалистами признаются внешними механистическими действиями по отношению к человеку, которого рассматривают как объект, а не как личность.

7. Сомнительными и непонятными для многих специалистов являются также смысл и ценность технологии трансгуманизма для человека. По мнению критиков рассматриваемой концепции, в её основе не лежит проблема улучшения человека.

8. Трансгуманизм крайне категорично противостоит религии, которая в объективном смысле является более уважительной к природе и личности человека [5, с. 24–25].

Если говорить о последнем пункте, то можно отметить высокий уровень накала в противостоянии религии и трансгуманизма. В частности, борьбой с трансгумани-

стическими воззрениями занимается христианская церковь. По мнению последней, христианство гораздо более обширно и реалистично, чем трансгуманизм, а также более уважительно относится к человеку и его природе.

Практика и сфера применения трансгуманизма

Практическое применение трансгуманизма в области медицинских усовершенствований и биотехнологий оказало глубокое влияние на современную медицину. «Сюда относят биопротезирование, нейропротезирование, генные технологии, а также киборгизацию – частичную или полную, в зависимости от подхода» [7]. Так, технологии редактирования генов, такие как CRISPR-Cas9, открыли возможности для потенциального искоренения наследственных заболеваний и модификации ДНК человека для улучшения физических и когнитивных способностей. Стоит отметить, что биотехнологии также включают в себя разработку передовых протезов и трансплантаций органов, предлагая не просто замену утраченных функций, но и улучшения, выходящие за рамки обычных человеческих возможностей. Регенеративная медицина, в свою очередь, использует исследования стволовых клеток и тканевую инженерию для восстановления или замены повреждённых органов и тканей, расширяя границы человеческого долголетия и выздоровления.

Переходя к нейротехнологиям, мы сталкиваемся со скорым будущим, которое стирает границы между разумом и машиной. Интерфейсы мозг-компьютер (BCI) используют нейротехнологии для установления прямых путей связи между мозгом и внешними устройствами. Эта технология имеет революционное применение в медицине особенно для людей с неврологическими расстройствами или физическими недостатками, позволяя им управлять протезами конечностей или общаться с помощью синтезированной речи. Помимо медицинских применений, BCI обладают

потенциалом для улучшения когнитивных способностей, таких как увеличение памяти или прямая коммуникация *мозг – мозг*. Интеграция человеческого сознания и искусственных систем – это не только техническая задача, но и философская и этическая головоломка, которая воплощает в себе суть трансгуманистических исследований [8].

Нанотехнологии и молекулярное производство представляют собой ещё один ключевой аспект трансгуманизма, фундаментально изменяющий наше взаимодействие с физическим миром. На наноуровне материя ведёт себя по-другому, позволяя создавать материалы с уникальными свойствами и потенциалом для революционных применений. Молекулярное производство, подмножество нанотехнологий предполагают создание сложных структур атом за атомом, обеспечивая беспрецедентную точность при создании материалов и устройств. Эта технология может привести к прорывам в различных областях: от систем адресной доставки лекарств до нанороботов для диагностики и ремонта внутри организма в целом.

В области крионики и продления жизни трансгуманизм сталкивается с одной из старейших проблем человечества: неизбежностью старения и смерти. Крионика, практика сохранения людей при низких температурах после смерти в надежде на будущее возрождение и медицинское восстановление, находится на переднем плане исследований по продлению жизни. Хотя крионика всё ещё остаётся спекулятивной и противоречивой, она представляет собой осязаемую попытку продлить человеческую жизнь за пределы существующих биологических ограничений. Одновременно исследования в области биogerонтологии направлены на понимание биологических процессов старения и манипулирование ими, чтобы значительно продлить продолжительность здоровой человеческой жизни. В целом эти занятия бросают вызов нашим традиционным представлениям о жизни, смерти и естественной продолжительности жизни человека.

Трансгуманизм значительно расширяет возможности человека с помощью технологий: от усовершенствований в медицине до крионики. Однако эти достижения влекут за собой сложные этические последствия, такие как:

1) риск увеличения социально-экономического разрыва, когда передовые технологии становятся привилегией богатых [9, с. 47];

2) опасения по поводу того, как генетические и биологические модификации переопределяют человечество;

3) проблема конфиденциальности и автономии в нейротехнологиях, поднимающих вопросы когнитивного манипулирования и целостности индивидуального мышления;

4) проблемы, связанные с продлением жизни, такие как ограниченность ресурсов и социальная динамика среди значительно постаревшего населения.

Ответственный подход к трансгуманизму должен уравнивать технический прогресс с этими этическими соображениями, обеспечивая справедливые выгоды и сохраняя человеческое достоинство и общественное благосостояние.

Заключение

Таким образом, по сей день актуальной остаётся «проблема определения и установления допустимых границ использования научно-технических возможностей новых технологий для преобразования природы человека» [10, с. 114]. Несмотря на значительный прогресс в области генетики, нанотехнологий и нейробиологии, обществу предстоит найти баланс между улучшением качества жизни и сохранением человеческой идентичности. Этические, философские и правовые вопросы, возникающие в связи с трансгуманизмом, требуют комплексного подхода, где технические достижения не должны нарушать основные принципы гуманизма. Важно учитывать как позитивные аспекты новых технологий, так и риски их использования, чтобы обеспечить справедливость и безопасность. Подход к трансгуманизму должен быть гибким, ориентированным на благо человека и устойчивое развитие общества. В конечном счёте перед нами стоит задача сохранить гармонию между инновациями и человеческими ценностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щавлева А. С. Трансформация идей трансгуманизма в современном гуманитарном дискурсе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 1 (105). С. 44–52. DOI: 10.24412/1997-0803-2022-1105-44-52
2. Валухов В. А. Философско-мировоззренческое формирование идеи гуманизма как предпосылки трансгуманизма // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2019. № 4 (10). С. 20–28.
3. Шергенг Н. А., Нафикова А. И. Проблема бытия человека в концепции трансгуманизма // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 5–4. С. 680.
4. Вячкин Е. С., Иванова Н. А. Трансгуманизм: истоки и перспективы // Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития науки: сборник статей Международной научно-практической конференции, Томск, 25 апреля 2016 г.: в 4 ч. Ч. 3. Уфа: Аэтерна, 2016. С. 125–126.
5. Ларше Ж. К. Границы светского трансгуманизма и христианское предложение подлинного трансгуманизма // Сретенское слово: научный журнал. 2022. № 1. С. 21–31. DOI: 10.55398/27826066_2022_1_21
6. Семкина Е. Н. Трансгуманизм в социокультурной среде современности // Современная наука: от теории к практике: сборник статей по материалам II Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 10 ноября 2017 г. М.: Академия социального управления, 2017. С. 222–226.
7. Чернышева А. В., Сахаров М. А. Трансгуманизм: потенциальная утопия или социальный коллапс? [Электронный ресурс] // Гуманитарный вестник. 2024. № 3 (107). URL: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/gjkrw/hidden/914.html> (дата обращения: 12.03.2025).
8. Пилецкий С. Г. О гуманизме и трансгуманизме // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 1–1. С. 166–180.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-166-180

9. Ефимова А. О. Философия русского космизма и трансгуманизма. Проблема трансгуманизма // Русский космизм: история и современность. Место и роль науки и технологий в решении глобальных проблем современности: сборник трудов по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции, Королёв, 22 декабря 2022 г. М.: Русайнс, 2023. С. 43–48.
10. Черемных Л. Г., Губанов Н. Н. Умеренный и радикальный трансгуманизм // Современные философские исследования. 2023. № 3. С. 112–121. DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-112-121

REFERENCES

1. Schavleva, A. S. (2022). Transformation of the Ideas of Transhumanism in Modern Humanitarian Discourse. In: *Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 1 (105), 44–52. DOI: 10.24412/1997-0803-2022-1105-44-52 (in Russ.).
2. Valukhov, V. A. (2019). Philosophical and Ideological Formation of the Humanism Idea as a Prerequisite for Transhumanism. In: *Abyss (Studies in Philosophy, Political science and Social anthropology)*, 4 (10), 20–28 (in Russ.).
3. Shergeng, N. A. & Nafikova, A. I. (2016). The Problem of Human Existence in the Concept of Transhumanism. In: *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2016, no. 5–4, 680 (in Russ.).
4. Vyachkin, E. S. & Ivanova, N. A. (2016). Transhumanism: Origins and Prospects. In: *Modern Problems and Promising Directions of Innovative Development of Science: Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference, Tomsk, April 25, 2016. Pt. 3*. Ufa: Aeterna Publ., pp. 125–126 (in Russ.).
5. Larcher, J. K. (2022). The Boundaries of Secular Transhumanism and the Christian Proposal of Genuine Transhumanism. In: *Sretensky Word*, 1, 21–31. DOI: 10.55398/27826066_2022_1_21 (in Russ.).
6. Semkina, E. N. (2017). Transhumanism in the Socio-Cultural Environment of Our Time. In: *Modern Science: From Theory to Practice: Collection of Articles Based on the Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, November 10, 2017*. Moscow: Academy of Social Management Publ., pp. 222–226 (in Russ.).
7. Chernysheva, A. V. & Sakharov, M. A. (2024). Transhumanism: Potential Utopia or Social Collapse? In: *Humanities Bulletin*, 3 (107). Available at: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/gjkrw/hidden/914.html> (accessed: 12.03.2025) (in Russ.).
8. Piletsky, S. G. (2021). On Humanism and Transhumanism. In: *Ideas and Ideals*, 13 (1–1), 166–180. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-166-180 (in Russ.).
9. Efimova, A. O. (2023). Philosophy of Russian Cosmism and Transhumanism. The Problem of Transhumanism. In: *Russian Cosmism: History and Modernity. The Place and Role of Science and Technology in Solving Global Problems of Our Time: Collection of Papers Based on the Materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference, Korolev, December 22, 2022*. Moscow: Rusains publ., pp. 43–48 (in Russ.).
10. Cheremnykh, L. G. & Gubanov, N. N. (2023). Moderate and Radical Transhumanism. In: *Contemporary Philosophical Research*, 3, 112–121. DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-112-121 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яровая Елена Владимировна – аспирант кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: V89257662491@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Iarovaia – Postgraduate Student, Department of Philosophy, Federal State University of Education;
e-mail: v89257662491@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2025. № 3

Над номером работали:

Ответственный редактор Л. В. Самсонова

Литературный редактор Вер. А. Кулакова

Переводчик Вер. А. Кулакова

Компьютерная вёрстка – Вер. А. Кулакова

Корректор И. К. Гладунов

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.philosmgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 9, уч.-изд. л. 11,75.

Подписано в печать: 30.10.2025 г. Дата выхода в свет: 06.11.2025. Заказ № 2025/10-10.

Отпечатано в Государственном университете просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А